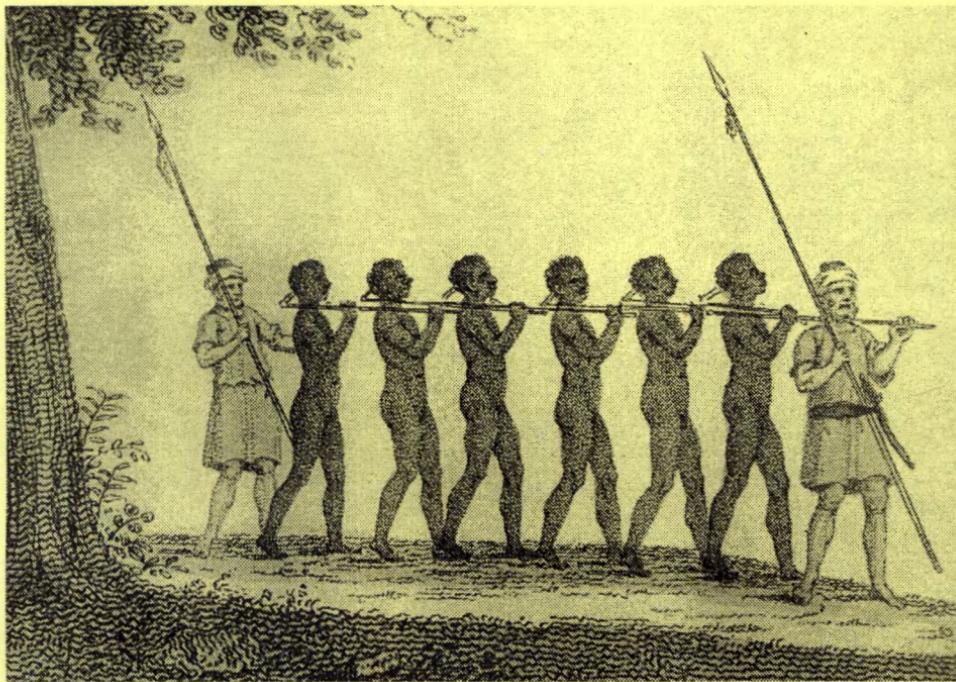

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В АФРИКЕ

УРОКИ ПРОШЛОГО
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

МОСКВА
2006

**INSTABILITY IN AFRICA:
RETROSPECT AND PROSPECT**

**НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В АФРИКЕ:
УРОКИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

Редакционная коллегия:

Часть I

к.и.н. В.В. ГРИБАНОВА (*отв. ред.*)

Часть II

д.э.н. Ю.В. ПОТЕМКИН (*отв. ред.*),
д.и.н. Ю.Н. ВИНОКУРОВ (*отв. ред.*)

Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы. М., 2006. – 279.

Сборник составлен по материалам докладов и сообщений, сделанных на секциях 7 (Проблемы африканской безопасности в исторической ретроспективе) и 11 (Системы государственного управления и социально-политические конфликты в Африке: истоки, тенденции, перспективы урегулирования) X Конференции африканистов «Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты» (Москва, 24–26 мая 2005 г.).

**ISBN 5-91298-001-4
(978-5-91298-001-5)**

© Институт Африки Российской академии наук, 2006.
© Коллектив авторов, 2006.
© Абишева Г.М., Ксенофонтова Н.А.,
оформление, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Уроки прошлого

Предисловие.....	9
<i>Е.А. Глуценко.</i> Тема колониализма в советской и постсоветской историографии.....	13
<i>Н.А. Жерлицына.</i> Русско-турецкие войны конца XVIII–XIX веков и их последствия для Тунисского регентства. (По материалам Архива внешней политики Российской империи).....	23
<i>А.В. Воеводский.</i> Роль христианства в становлении и развитии идеологии сопротивления африканских народов Южной Африки в XIX в.	35
<i>В.В. Грибанова.</i> Место и значение миссионерских школ в системе образования Южной Африки: сравнительная характеристика XIX–XX вв.	47
<i>М.Ю. Френкель.</i> Сталинградская битва и Африка.....	57
<i>А.Б. Летнев, С.С. Новиков.</i> Война в Африке, Африка на войне (по страницам воспоминаний фронтовиков).....	68
<i>М.К. Чиняков.</i> Специализированные контингенты французской армии в мировых войнах (к постановке вопроса).....	83
<i>Ныгуэе Кассе B. Микаэль.</i> Освободительная война 1935–1941 гг. в Эфиопии и дипломатия императора Хайле Селассие I	92
<i>А.М. Хазанов.</i> Тайны разведки: Мозамбик в сетях иностранных спецслужб	105
<i>А.М. Пегушев.</i> Кения в годы «холодной войны».....	110
<i>А.В. Антошин.</i> Политические конфликты в Северной Африке в 1950–1960-е гг.: взгляд российской эмиграции	122
<i>В.П. Хохлова.</i> Александр Воеводин и его очерки «Два года в Тунисии» (из архивных находок).....	130
<i>В.К. Виганд.</i> Международное партнерство – путь к обеспечению африканской безопасности	149

Часть II. Современные процессы

Предисловие	157
<i>Л.В.Гевелинг.</i> К теории развития траститных форм организации власти в странах Тропической Африки	158
<i>Н.Д.Косухин.</i> Легитимность власти как фактор политической стабильности	174
<i>Л.М.Садовская.</i> Парламентаризм и политическая стабильность	185
<i>О.Б.Громова.</i> Беженство как фактор политической нестабильности в странах Африки	191
<i>Д.Г.Соколов.</i> Унитаризм или федерализм: модель государства для Тропической Африки	205
<i>Р.Н.Исмагилова</i> Эфиопия: этничность и федерализм	219
<i>Н.В.Виноградова.</i> Республика Конго: особенности политического и социально-экономического развития после выборов 2002 года	230
<i>А.П.Позднякова.</i> Уганда: государство и либеральные реформы	235
<i>Н.Н.Родионова.</i> Роль политической культуры в процессе демократизации на Мадагаскаре в начале 1990-х годов	242
<i>С.М.Шленская.</i> Мадагаскар: три года после кризиса	250
<i>О.Я.Иванова.</i> Моноэтничность и политическая нестабильность в Союзе Коморских Островов	257
<i>Н.М.Рукина.</i> Буркина-Фасо: президентские выборы с предопределенным исходом	262
<i>П.М.Шмельков.</i> Африка в Индексе человеческого развития	268
Summary	273
Сведения об авторах	275

CONTENTS

Part I. Retrospect

Preface	9
<i>Evgeny Gluschenko.</i> Colonialism in Soviet and Post-Soviet Historical Studies.....	13
<i>Natalia Zerlitsina.</i> The Russian-Turkish Wars and its Consequences for the Regency of Tunisia (late 18th - 19th Centuries). Based on the Documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.....	23
<i>Alexander Voevodskiy</i> Role of Christianity in the Formation and Development of Ideology of Resistance of the African Peoples in South Africa in the 19th Century.....	35
<i>Valentina Gribanova.</i> Missionary Schools in the System of Education of South Africa and its Role (A Comparative Analysis, 19th - 20th Centuries).....	47
<i>Matvey Frenkel.</i> Stalingrad Battle and Africa.....	57
<i>Artem Letnev, Sergey Novikov.</i> Africa at War in World War II Veterans' Memoirs	68
<i>Maxim Chiniakov.</i> On the Question of French Specialized Contingents in the World Wars.....	83
<i>Nigusie Kassaye V. Michael.</i> The War of Liberation in Ethiopia (1935–1941) and Emperor Haile Selassie I Diplomacy.....	92
<i>Anatoliy Khazanov.</i> Intelligence Service Secrets: Mozambique in the Spy Network	105
<i>Andrey Pegasushev.</i> Kenya during the Cold War Era.....	110
<i>Alexey Antoshin.</i> Political Conflicts in North Africa in 1950-1960 seen by the Russian Emigrés	122
<i>Valentina Khokhlova.</i> Alexander Voevodin and his Manuscript “Two Years in Tunisia” (Recent Archival Discoveries).....	130
<i>Vladimir Vigand.</i> International Partnership: a Step towards African Security	149

Part II. Prospect

Preface	157
<i>Leonid Gueveling.</i> On the Theory of Development of the Transit Forms of Power's Organization in Tropical Africa's Countries	158
<i>Nikolai Kosukhin.</i> Legitimacy of Power as a Factor of Political Stability	174
<i>Lyubov Sadovskaya.</i> Parliamentarism and Political Stability	185
<i>Olga Gromova.</i> Refugee Crisis as a Factor of Political Instability	191
<i>Dmitry Sokolov</i> Unitary or Federation: the State's Model for Tropical Africa	205
<i>Rosa Ismaguilova.</i> Ethiopia: Ethnicity and Federalism	219
<i>Natalia Vinogradova.</i> Republic of Congo: the Peculiarities of Political and Economic Development after the 2002 Elections	230
<i>Ariadna Pozdnyakova.</i> Uganda: the State and Liberal Reforms	235
<i>Natalia Rodionova.</i> The Role of Political Culture in Democratization Pro- cesses in the Early 1990s	242
<i>Svetlana Shlyonskaya.</i> Madagascar: Three Years after Crisis	250
<i>Olga Ivanova.</i> Monoethnicity and Political Instability .. .. in the Union of Comor Islands	257
<i>Nina Rukina.</i> Burkina Faso: the Presidential Elections 2005	262
<i>Pavel Shmelkov.</i> Africa in the Index of Human Development	268
Summary	273
About authors	275

ЧАСТЬ I

УРОКИ ПРОШЛОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной публикации представлены 13 работ, четыре из которых обращены к истории нового времени. Остальные 9 посвящены событиям, происходившим в XX веке. Тем не менее, все авторы так или иначе учитывают в своем анализе факторы стабильности и нестабильности, повлиявшие на развитие Африканского континента в последние три столетия. Иными словами, предлагаемые материалы подчинены общей проблематике конференции (безопасность Африки в ее различных аспектах).

Противостояние африканцев внешней опасности, борьба за сохранение независимости начались задолго до XX века. Защитная реакция проявлялась в различных формах, от военной до религиозной. Обновленное видение проблемы «колониализм и антиколониализм в Африке» раскрывают в своих статьях А.В.Воеводский, Е.А.Глущенко, В.В.Грибанова, В.К.Виганд.

Будучи мощными дестабилизирующими факторами глобального масштаба, мировые войны оказали заметное воздействие на ход и темпы развития африканских этносов и социумов. Четыре автора (Кассас Микаэль – Эфиопия, А.Б.Летнев, С.С.Новиков, М.Ю.Френкель – Россия) предлагают, основываясь на новых группах источников, нетрадиционное понимание опыта противостояния силам агрессии, накопленного народами Африки в годы Второй мировой войны. К этому тематическому блоку относится и статья М.К.Чинякова, интересная сравнительным анализом некоторых реалий, относящихся к колониальному аспекту мировых войн.

Изучение факторов нестабильности, искаживших поступательное движение континента, оказалось бы неполным без рассмотрения воздействия на Африку «холодной войны». С учетом важности этой темы ей уделили должное внимание авторы трех статей. А.М.Пегушев сделал это на примере капиталистически ориентированной Кении, А.М.Хазанов – социалистически устремленного Мозамбика. А.В.Антошина удачно развил данную тему в североафриканском контексте.

Статья А.В.Антошина представляет интерес и с источниковоедческой точки зрения. Не часто встретишь исследование определенного отрезка африканской истории, выполненное на основе проработки эмигрантских источников (архивы, пресса, мемуаристика). Лишь в последние полтора десятилетия тема Российского Зарубежья стала объектом исследования отечественных африкановедов. Ранее она вообще не выделялась, в лучшем случае намечалась пунктиром в рамках более широкой темы: исторические связи России и Африки. Ныне пребывание наших соотечественников на Африканском континенте в различные исторические эпохи, их вклад во взаимное знание и взаимопонимание россиян и африканцев подвергаются всестороннему научному анализу. Не является исключением и данный сборник – в нем публикуются статьи Н.А.Жерлицыной и В.П.Хохловой на указанную тему.

Большую работу по подготовке текстов Части I к печати провели вместе с отв. редактором В.В.Грибановой соредакторы Н.В.Жерлицына и И.Г.Татаровская.

А.Б. Летнев

ТЕМА КОЛОНИАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Судя по количеству книг, в которых разрабатывалась тема колониализма европейских держав, она может считаться превосходно изученной в отечественной историографии XX века. Подавляющее большинство трудов написаны с позиций и в пределах, допускавшихся господствовавшей в советское время идеологией, которую полагалось называть марксистской. Однако марксистская концепция колониализма формировалась при минимальном участии К.Маркса и в значительной степени вопреки ему. Впервые о колониализме в то время молодой Маркс высказался в «Манифесте Коммунистической партии» в 1847 г.: «Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации (выделено мной – Е.Г.) все даже самые варварские народы»¹. Вполне недвусмысленно Маркс говорил о цивилизаторской миссии колониальной буржуазии.

К теме колониализма Маркс вернулся через шесть лет в 1853 г., когда написал две знаменитые статьи: «Британское владычество в Индии» и «Будущие результаты британского владычества в Индии». По поводу британского колониализма Маркс высказывался вполне определенно и жестко, считая, что колониализм причинил многие бедствия Индостану, разрушив традиционные социальные структуры и ремесла, но при этом строились железные дороги и современные ирригационные сооружения, создавались линии телеграфной связи, основывались газеты и учебные заведения. «Англии, – подытоживал Маркс, – предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, – с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии»². Речь, таким образом, шла о модернизации восточных обществ и задачу эту, по Марксу, выполнял колониализм. Справедливости ради нужно сказать, что до середины 20-х годов XX в. эти две статьи Маркса не были известны российским марксистам; их нашел и опубликовал в «Летописи марксизма» очень смелый и принципиальный человек, директор Института Маркса – Энгельса – Ленина Д.Б.Рязанов.

Опубликование столь важных работ, однако, не изменило негативного отношения к колониализму советских обществоведов. Обе статьи часто цитировались, но приведенный выше вывод Маркса повторять не полагалось. В предисловиях к тематическим сборникам

Маркса и Энгельса, а также к собранию их сочинений, написанных от имени Института Маркса – Энгельса – Ленина, излагалась суть основных работ авторов, т.е. указывалось как их надо понимать. О статьях об Индии, например, помещенных в сборнике «Об Англии» 1952 года издания, в предисловии сказано: «...Маркс изображает грабительские цели и жесткие методы английской колониальной политики, ...доказывает неизбежность крушения британского колониального владычества и намечает пути освобождения колониальных народов»³. И все; ни о какой «двойкой миссии Англии» упоминать не следует, – таков подтекст. Точно также трактуется смысл этих статей и в других предисловиях к трудам классиков.

Марксистская антиколониальная концепция формировалась постепенно уже после смерти К.Маркса. Так, в одной из резолюций Лондонского конгресса II Интернационала (1896 г.) было записано: «Каков бы ни был повод для колониальной политики – религиозный или лжецивилизаторский, – целью ее является только расширение области капиталистической эксплуатации...»⁴. Похожий текст предложил внести в резолюцию Штутгартского конгресса II-го Интернационала в 1907 г. В.И.Ленин: «Конгресс полагает, что капиталистическая колониальная политика ... должна вести к порабощению, кабальному труду или истреблению туземного населения колоний. Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, является лишь прикрытием завоевательных и эксплуататорских стремлений»⁵. Это был ленинский взгляд на колониализм, и он его не менял.

Марксистская (советская) концепция колониализма окончательно оформилась к 1928 г. На VI конгрессе Коминтерна в Москве доклад о колониализме сделал О.В.Куусинен, а затем были принятые «Тезисы по колониализму», впервые в полном объеме был сформулирован список обвинений против колониализма. Потом он пополнялся и выглядел так: 1) колониальный грабеж и получение сверхприбылей; 2) незэквивалентный товарообмен; 3) намеренное торможение экономического развития колоний; 4) превращение колоний в аграрно-сырьевые приданки; 5) разрушение традиционных социальных структур и промыслов; 6) экспроприация туземных земель; 7) консервация патриархальных отношений и институтов; 8) принудительный труд; 9) внедрение монокультур; 10) политическое бесправие колониальных народов; 11) разрушение местных культур; 12) медленное развитие образования; 13) разжигание межнациональной розни; 14) расизм; 15) воспитание немногочисленной прослойки местной элиты, настроенной прозападно.

До VI конгресса Коминтерна антиколониальная тема разрабатывалась в немногочисленных монографиях и статьях в журнале

«Новый Восток», но не очень последовательно и не агрессивно. Далеко не все эти работы можно назвать научными исследованиями, даже если оценивать их по формальным признакам – отсутствовал научный аппарат. Скорее можно говорить, что их писали как пособия для пропагандистов, а потому упор делался на ярких фактах, свидетельствовавших об ужасах колониализма. «Негру Ойо, – сказано в книге «Империализм на Черном континенте», – концессионеры отрубили руки за недостаточно успешное выполнение данного ему урока по сбору каучука. По жалобе потерпевшего дело попало в суд. Суд, исходя из того соображения, что «Ойо предстал перед судом без рук, но в хорошем виде», – нашел, что достаточным наказанием для виновников преступления будет штраф в размере 40 франков»⁶. Факт чудовищный, но источник не указан, а потому возникают сомнения в его достоверности. Кстати сказать, писательница и журналистка, главный редактор газеты «Русская мысль» З.А.Шаховская, жившая в Конго в 20-х годах, свидетельствует: «В двадцатые годы, например, был наложен штраф на белого за то, что нанес удар черному. И все же такое случалось... Но большинство белых, которых я знала в Матади, к насилию не прибегали»⁷.

VI конгресс Коминтерна совпал по времени с началом «сталинской революции», когда уничтожалась (пока политически) оппозиция в лице Н.И.Бухарина и его соратников, когда плюрализм мнений заменялся санкционированным сверху единомыслием. Это касалось всех сторон жизни. В 30-е годы исследование колониальной проблемы пошло на убыль. Во-первых, потому что репрессиям подверглись многие из востоковедов (словарь репрессированных востоковедов включает 750 имен), а другие стали бояться браться за опасную современную тему. Во-вторых, откровенно враждебный СССР курс Гитлера заставлял советское руководство искать союзников среди западных демократий, что делало несвоевременной антиколониальную пропаганду.

Настоящий бум в изучении проблем колониализма начался в 50-е годы, когда в Азии, а затем в Африке, стали появляться новые независимые государства. Советское партийное руководство максимально стимулировало и организовывало это изучение, поскольку рассчитывало втянуть новые государства в орбиту своего влияния, к тому же отношения с Западом резко ухудшились. Понадобилось полуразрушенное и полузабытое востоковедение. В 1947-1948 гг. был предложен проект создания специального академического института по новой и новейшей истории Азии, который занимался бы современной тематикой. (Ленинградские востоковеды традиционно изучали древние тексты). В 1950 г. Институт востоковедения АН

СССР был переведен из Ленинграда в Москву, расширен его штатный состав.

На первых порах новосозданный институт возглавляли ученые старой школы (С.П.Толстов, В.И.Авдиев, А.А.Губер), которые не соответствовали новым задачам; колониализм предполагалось не столько изучать, сколько осуждать. Представители русского классического востоковедения возражали. «Попытка изобразить картину исторической жизни, – писал в 1928 г. В.В.Бартольд, – на основании заранее установленных принципов без собрания и критической проверки фактического материала, кажется мне совершенно бесполезной»⁸. В 1929 г. Бартольд скоропостижно скончался. Приблизительно то же самое в 1956 г. написал академик А.А.Губер: «Догматическая подмена всестороннего исследования живой действительности... готовыми схемами, игнорирование явлений и фактов, не умещающихся в подобные схемы, неизбежно приводит к неправильному, искаженному представлению о процессах, происходящих в странах Востока»⁹. В том же году Губер был смешен с директорского поста и заменен партийным деятелем, членом ЦК КПСС Б.Г.Гафуровым, что означало решительную идеологизацию востоковедения. Антиколониальная тематика стала главной в востоковедческих исследованиях.

Авторы работ антиколониальной направленности были поставлены в жесткие рамки: следовало перечислять обвинения против колониализма, комментировать их и подкреплять примерами. Не возбранялось и отсутствие ссылок на источники, правда, на первых порах – затем все же возобладала академическая традиция. В течение 50-60-х годов были изданы десятки книг и статей, разоблачивших колониализм европейских держав и США¹⁰. (Поражает однообразие названий).

Иногда факты, приводимые в одной из книг о колониализме, опровергали антиколониальные обвинения, выдвинутые в другой.

Именно в 50-60-е годы XX в. советские востоковеды и африкансты приступили к изучению традиционных обществ Азии и Африки, что дало новые знания. Так, например, стало понятно, что принудительный (обязательный) труд, изобретение которого приписывали колонизаторам, и который был ими со временем повсеместно запрещен, имел широкое распространение в доколониальной Африке¹¹.

В 70-80-е годы прошлого столетия колониальная система стала анахронизмом, а советская власть одряхлела и ослабила контроль за наукой. Между тем молодые научные кадры возмужали и прониклись убеждением своих славных предшественников: готовые схемы в науке не пригодны. Деидеологизация общественных наук нача-

лась еще в советские годы. Так в научный оборот в конце 70-х – начале 80-х годов вернулись осужденные Коминтерном термины «деколонизация» и «модернизация»¹². В 1961 г. советские исследователи Л.И.Рейнер и Г.К.Широков в статье «Промышленность Индии к концу колониального периода» писали: «Английская буржуазия задерживала развитие промышленности Индии». Но уже в 1981 г. Г.К.Широков посчитал необходимым заявить: «В течение длительного времени в советской экономической литературе промышленная отсталость стран Востока рассматривалась, как следствие дискриминационной политики колониальных властей и неограниченной конкуренции иностранных товаров... Тем не менее, многочисленные страноведческие исследования показывают, что промышленная отсталость восточных стран не может быть объяснена лишь воздействием внешних факторов»¹³. Так началась ревизия коминтерновских прокрипций и возвращение к четкой и недвусмысленной идеи К.Маркса о «двойкой миссии» колониализма. Именно не по-марксистски, а по Марксу формулирует свой взгляд на этот предмет Л.Васильев: «Истина же состоит в том, что колониализм отнюдь не может быть охарактеризован лишь как зло... Перед нами всемирно-исторического значения феномен, который нуждается в объективном анализе, прежде всего потому, что без этого многое остается непонятным и необъяснимым...».

Колониализм и затем колониальный капитал... сыграли роль решающего фактора, мощного импульса извне, не просто пробудившего традиционную структуру Востока, но и придавшего ей новый ритм поступательного развития... Важность внешнего импульса можно сопоставить с ролью оплодотворения живого организма...»¹⁴.

Таким образом, приходится признать, что феномен колониализма остается малоизученным, поскольку изучался односторонне, т.е. предвзято.

Отношение к отечественному, российскому колониализму – тема особая.

В первые два советских десятилетия в науке и публицистике господствовали взгляды партийного (коммунистического) историка М.Н.Покровского, касающиеся политики России в Закавказье и Средней Азии. В его работах колониализм оценивался как абсолютное зло. Акцент делался на разоблачении «зверств» царизма, что изображалось такими фразами: «беспощадные кровавые расправы с туземцами», «дикая эксплуатация населения», «погромы», «виселицы, разбои, сожжение мирных селений, массовое изгнание жителей кишлаков» и т.д. В середине 30-х годов, однако, партийное руководство (И.В.Сталин) спохватилось, что Покровский «переборщил» и

его разоблачительство «идейно вооружает» сепаратистов и разного рода националистов. Покровского и его последователей «поправили». Советские историки принялись пропагандировать новую идеологему: присоединение (слово «завоевание» не употреблялось) новых территорий к Российской империи было делом прогрессивным, поскольку позволило народам приобщиться к революционному движению российского пролетариата и передовым достижениям русской культуры.

Вот типичный пример того, как полагалось трактовать присоединение той или иной территории (страны) к Российской империи: «Несмотря на тяжелый национально-колониальный гнет, которому подвергалась Грузия в условиях царского самодержавия, постепенно налаживалась ее хозяйственная жизнь…»

Присоединение Грузии к России вопреки великодержавным целям царизма имело положительное значение. Оно объединило силы грузинского народа с силами русского и других братских народов России против национального и социального гнета. Совместная же борьба подготовила общий фронт всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его марксистско-ленинской партией привело, в конце концов, к освобождению всех народов бывшей царской империи, к созданию содружества советских социалистических республик¹⁵.

Замечу между прочим, что «национально-колониальный гнет» со стороны России был настолько «тяжким», что грузинская нация, близкая к вымиранию, возродилась: в конце XVIII века в результате опустошительных персидских и турецких набегов в Грузии осталось 675 тыс. жителей, в конце века XIX их насчитывалось 2,5 млн.

Получив указание сверху как следует «изучать» колониальную политику России, т.е. обретя трафарет, советские ученые – охотно, или неохотно – следовали ему. Однажды, однако, случился бунт. Произошло это во время Великой Отечественной войны, в годы патриотического подъема, когда даже появились ордена Суворова, Кутузова и других царских генералов. И вот тогда недобитые историки, представители так называемой школы В.О.Ключевского, стали говорить о реабилитации не только российской истории, но и колониальных деятелей XIX в. Обеспокоенная таким оборотом, главный редактор «Исторического журнала» Анна Михайловна Панкратова в феврале 1944 г. написала письмо секретарю ЦК ВКП(б) тов. Жданову с тем, чтобы сообщить о своей тревоге. Прямолинейно, по-партийному она всех называет своими именами и пересказывает кто что сказал или написал. Старые ученые и не только старые, оказывается, осмелели и совсем распустились:

Член-корреспондент А.И.Яковлев сказал: «Царские генералы Черняев, Скобелев и другие представители царских колонизаторов в Средней Азии и Казахстане – это герои нашей истории, представители русского народа»...

В сентябре 1942 г. профессор Ефимов, тогда декан истфака МГУ собирал историков, чтобы «реабилитировать» буржуазную историческую науку и предполагал составить сборник, посвященный странной историографии...

В редакцию «Исторического журнала» поступило немалое количество статей, в которых героями русского народа и патриотами России изображаются многие царские генералы. Так, автор одной из подобных статей – преподаватель истории в академии связи майор Дмитриев написал статью о Скобелеве, в которой пытается обосновать такой тезис: «Генерал Скобелев был верным сыном русского народа и воплощал все черты его характера»...

Х.Аджемян прислал большую статью «Об исторической сущности кавказского мюридизма». В начале этой статьи автор «философствует» о том, что в условиях Отечественной войны классовая борьба в истории не должна занимать прежнего места.... Сей «философ» изображает русских царей XVIII–XIX вв., а также многих представителей их реакционной политики – Ермолова, Воронцова, Барятинского и др., как защитников «прогресса и культуры»..., а представителей угнетенных народов и вождей крестьянской войны, как Шамиль, Пугачев и др., как реакционеров, тянувших Россию в «пучину кровавого одичания»...

Тарле и другие опровергали ленинское выражение «Россия – тюрьма народов»...

Профессор Яковлев объявил прогрессивной всю колониальную политику царизма в XVIII-XIX веках, а все национально-освободительные восстания считает реакционными... На том же основании он называл «героями русской истории» царских колонизаторов – Черняева, Скобелева, Кауфмана¹⁶.

Поражает смелость этих «еретиков». Что с ними случилось после «сигнала» тов. Панкратовой – неизвестно.

По мере того, как ветер разоблачительной критики второй половины 80-х годов XX в. набирал силу, превращаясь в ураган, отечественные историки отказывались повторять зады партийной пропаганды. В годы, когда происходило переосмысливание, главным образом, истории советского периода, проблемы колониализма и строительства империй века XIX-го отошли на второй план – крупных работ на эту тему не появилось, однако, старые оценки этих предметов исчезли со страниц исторических трудов. Сами колони-

альные представители, непосредственные строители империи, их деятельность стали оценивать объективно, взвешенно.

«Перестройка» завершилась развалом Советского Союза, что стимулировало историческую мысль на постсоветском пространстве за пределами России. Историю Российской империи снова приялись переосмысливать и переписывать.

В последнее десятилетие в республиках бывшего СССР интенсивно создавались новые мифологизированные этнические истории, в основу которых были положены следующие принципы: удревление, героизация, завышение уровня развития, этновеличие. Перед историками стояла задача принизить роль России в развитии бывших союзных республик, а также дистанцироваться от нее.

В процессе переписывания истории Узбекистан, кстати, лидирует. Как это было в Советском Союзе, история остается наукой идеологической и ею занимаются на правительственном уровне. В 1998 г. Кабинет министров Узбекистана принял постановление «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан». Подобные постановления обычно принимал ЦК КПСС. Главным научным авторитетом вместо классиков марксизма, Брежнева и Черненко, стал президент страны, чьи целевые указывающие высказывания широко цитируются, с них начинаются все новые работы по истории Узбекистана. Историки получили идеологические¹⁷ установки, которым необходимо следовать. Так выяснилось, что период колониальной зависимости Узбекистана длился 130 лет; независимость страны явилась результатом упорной национально-освободительной борьбы. Оба тезиса весьма сомнительны.

За последние годы были изданы несколько книг и защищены около десятка диссертаций, посвященных колониальной (до 1917 г.) истории Туркестана. Все эти работы имеют одну цель доказать какой большой ущерб нанесла Россия за 50 лет (1867–1917 гг.) своего колониального господства Средней Азии¹⁸.

Так, в автореферате Исмаиловой Ж.Х. можно прочитать: «Все коренное население Туркестанского генерал-губернаторства лишилось политических и гражданских прав»¹⁹. (Речь идет о создании Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г.). У «гражданина» среднеазиатских ханств, однако, было одно гражданское право: стать рабом или лишиться головы без суда и следствия. Забавно, что за год до защиты диссертации Исмаиловой (2002 г.) была защищена диссертация Котюковой Т.В. «Проблема Туркестана в центральных законодательных органах Российской империи (1905–1917)», в которой автор рассказывает, как среднеазиатские депутаты лоббировали интересы своего региона в Государственной думе²⁰.

Исмаилова пугает несведущих читателей таким сообщением: «...с лиц, занимавшихся сельским хозяйством на орошаемых и плодородных землях, стал взиматься государственный земельный налог в размере 10% от общей прибыли»²¹. Однако при ханах налог составлял 0,5-0,3 урожая.

Казалось бы, беда не велика: работы историков-«новаторов» издаются малыми тиражами, но потом все эти новеллы попадают в школьные учебники, в том числе на русском языке. Русских детей учат верить клевете на свою историческую родину.

Ученые новых независимых государств – членов СНГ обслуживают политику и политиков, которым необходимо найти «объективные», внешние причины неудач, дабы скрыть свою профессиональную несостоительность как экономистов и управляемцев. Существует и другая сторона феномена: в доколониальное время многие из ныне независимых народов не имели государственности, что порождает у них комплексы неполноценности, которые стараются ликвидировать историки, воссоздавая якобы истинную доколониальную историю этих народов, «населенную» своими истинными героями. Такое наблюдается повсеместно на постколониальном пространстве. Получив независимость 40 лет назад, африканцы первым делом снесли памятники, напоминающие о колониальном прошлом, переименовали города и улицы, занялись переписыванием истории. И по сей день, африканцы винят в своих многочисленных неурядицах колониальное прошлое либо проксики бывших колонизаторов и требуют от них компенсации во все возрастающих размерах. Африка до сих пор существует в значительной степени за счет помощи бывших метрополий.

Можно, конечно, понять, что у молодых независимых государств на постсоветском пространстве еще нет опыта достойного самостоятельного существования, что независимость пришла неожиданно, когда мало кто о ней помышлял, когда были резко разорваны союзные связи, что вызвало огромные трудности и досаду, но почему местным элитам кажется, что они исправят положение, прибегнув к «невежественному охаиванию Руси» (выражение Д.С.Лихачева)? Россия – сосед, а сосед всегда может пригодиться.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т.3. С. 428.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952. С. 343.

³ Там же. С. VI.

⁴ Цит. по: Шаститко П.М Ленинская теория национально-колониального вопроса. М., 1978. С. 18.

⁵ Там же. С. 34.

-
- ⁶ Юг. Империализм на Черном континенте. М., 1929. С. 55.
- ⁷ Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 38.
- ⁸ Бартольд В.В. Очерк по истории туркменского народа. М., 1928. С. 7.
- ⁹ Советское Востоковедение. 1956. № 3. С. 3.
- ¹⁰ Некоторые работы по антиколониальной тематике: Аварин В.Я. Распад колониальной системы. М., 1957; Антиимпериалистическая революция в Африке. М., 1967; Богуш Е.Ю. Крушение колониальной системы империализма. М., 1965; Брутенц К.Н. Против идеологии современного колониализма. М., 1961; Васильева В.Я. Распад колониальной системы империализма. М., 1958; Грачев М.А. Колониальная политика США после Второй мировой войны. М., 1958; Датлин С. Африка под гнетом империализма. М., 1951; Колониализм сегодня. Справочник. М., 1967; Крушение колониализма. Краткий справочник. М., 1963; Леонтьев Л.А. Ленинская критика системы империализма. М., 1969; Мнацаканян М.О. Колониализм и его исторические формы. М., 1976; Моджарян Л.А. Колониализм вчера и сегодня. М., 1967; Панов В.П. Эволюция экономических форм колониализма. М., 1969.
- ¹¹ См.: Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 286-287.
- ¹² См., напр.: Илларионов Н.С. Идеология и общественный прогресс в странах Тропической Африки. М., 1978. С. 5, 11; Актуальные проблемы отношений СССР со странами Африки. М., 1985. С. 47.
- ¹³ Широков Г.К. Промышленная революция в странах Востока. М., 1981. С. 44.
- ¹⁴ Васильев Л. История Востока. М., 1994. С. 412.
- ¹⁵ Грузия. М., 1977. С. 70-71.
- ¹⁶ Историк и Время. М., 2000. С. 225, 230-234.
- ¹⁷ Каримов И.А. Идеология – это объединяющий флаг нации, общества, государства. Т.7. Таш., 1999.
- ¹⁸ Садыков Х. Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за независимость (начало XX в.). Таш., 1994; Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867-1917). Таш., 1997; Чарыев З. Усиление колониальной политики и национального гнета и их последствия в Туркестане в начале XX в. Таш., 1999; Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX в. Таш., 2000; Суюнов О. Национально-освободительное движение в Туркестане. Таш., 1997; Исмаилова Ж.Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX века Автореферат дисс. докт. ист. наук. Таш., 2002.
- ¹⁹ Исмаилова Ж.Х. Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ Комюкова Т.В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской империи (1905-1917 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Таш., 2001.
- ²¹ Исмаилова Ж.Х. Указ. соч. С. 25.

**РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ КОНЦА XVIII–XIX ВЕКОВ
И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТУНИССКОГО РЕГЕНТСТВА**
(По материалам Архива внешней политики Российской империи)

В истории международных отношений с последней трети XVIII в. и до начала XX в. одним из главных был Восточный вопрос. Интересы великих европейских держав Англии, Франции, Австрии, России, а также Османской империи сталкивались на Ближнем Востоке и Балканском полуострове. За это время Россия воевала с Турцией не менее шести раз.

Хотя формально правители трех магрибинских провинций Османской империи – Алжира, Туниса и Триполитании – считались вассалами Высокой Порты, но бей Туниса лишь в редких случаях мог ожидать вмешательства турецкого султана в свои дела или обратиться к нему за помощью. Такими исключительными ситуациями и были русско-турецкие войны, когда султан в качестве халифа правоверных мог привлечь Тунис к джихаду против неверных. Тунис на стороне Османской империи принимал участие почти во всех военных конфликтах конца XVIII–XIX вв., иногда по собственной инициативе, иногда под принуждением Турции.

В конце XVIII – первые десятилетия XIX в. Тунис представлял собой относительно благополучное государство с сильной центральной властью, которая, при наличии достаточной армии и пиратского флота, была способна защитить свою автономию и даже оказать, в случае необходимости, посильную помощь единоверцам в Турции.

Традиционно в случае начала войны Высокая Порта направляла в Тунис шаушей – рассыльных офицеров, с фирмансом о вступлении регентства в боевые действия. Первыми последствиями начала боевых действий становилось резкое сокращение средиземноморской торговли России с Тунисом и прекращение дипломатической переписки между консулами, представлявшими российские интересы в этой стране, и посланниками России в Константинополе, которые обычно покидали столицу противника.

Война 1787–1791 гг. была начата Турцией с целью возвращения Крыма, присоединенного к России в 1783 г. Султан Селим III требовал признания Грузии своим вассалом, досмотра российских торговых судов, проходящих через черноморские проливы. Но победы русских войск под командованием А.В.Суворова, Г.А.Потемкина, русского флота под командованием Ф.Ф.Ушакова положили конец этим притя-

заниям. В июле 1791 г. у мыса Калиакрия произошло морское сражение между русской эскадрой под командованием контр-адмирала Ф.Ф.Ушакова и турецким флотом под командованием капудан-паши Хусейна. Турки собрали все свои морские силы и, присоединив к ним тунисские, алжирские, триполитанские и албанские корабли, расположили флот под защитой береговых батарей. Всего против 16 линейных кораблей, а также 2 фрегатов, 2 бомбардирских и 19 вспомогательных судов России было выставлено 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 43 вспомогательных судна османов и их союзников. 31 июля Ушаков атаковал неприятеля с эскадрой вдвое слабейшей, и разбил его в пятичасовом бою. Пройдя под огнем береговых линий, он оттеснил флот Хусейна в открытое море. Тунис лишился значительной части своего флота, а имя Ушак-паши, как стали называть русского адмирала в Османской империи, с тех пор приводило в трепет бея Туниса.

В 1821 г. началось Греческое восстание, грозившее Турции внутренним кризисом и распадом империи. Для помощи сузерену Тунис направил в Левант часть своего флота, чтобы он там соединился с эскадрами Алжира, Триполи и Египта. Туркам не удавалось подавить национально-освободительное движение и в 1823 г. из Туниса была направлена дополнительная помощь – «небольшая шебека и два больших фрегата по 48 пушек на каждом, стоявшие Тунису около миллиона франков и произведенные в Марселе»¹. Наконец, 7 августа 1825 г. весь тунисский флот был направлен в Левант.

В 1827 г. Россия вступила в коалицию с Англией и Францией для поддержки греков, восставших против османского ига. Морское сражение в Наваринской бухте, 20 октября 1827 г., между соединенным флотом России, Великобритании и Франции, с одной стороны, и турецко-египетским флотом, в составе которого были и тунисские корабли, с другой, было вызвано необходимостью оказать давление на Турцию, которая отказывалась выполнять требования Лондонской конвенции 1827 г. о предоставлении Греции автономии. Командующие эскадрами английский вице-адмирал Э.Кодрингтон, русский контр-адмирал Л.П.Гейден и французский контр-адмирал А.Г. де Рины приняли решение войти в Наваринскую бухту, где находился турецко-египетский флот под командованием Ибрахима-паши. Османский флот состоял, по данным разных источников, из 65-78 судов различной величины, имевших до 2220 орудий; флот союзников состоял всего из 28 судов и 1676 орудий, из них 4 линейных корабля и 4 фрегата были русскими. В течение четырех часов соединенной эскадре союзников удалось одержать сокрушительную победу: до шестидесяти турецких кораблей «были потоплены, сожжены или сбиты к берегу на мель, двадцать же других сожжены турками после сражения»². От всего турецкого флота остался

один фрегат и пятнадцать мелких судов. В разгроме при Наварине погибла большая часть флота Османской империи, а Тунис потерял свой флот полностью, за исключением трех бригов.

После истребления османского флота турецкий султан Махмуд IV призвал к «священной войне» против России. Турция закрыла проливы для русских судов и расторгла Аккерманскую конвенцию 1826 г., регулировавшую российско-турецкие отношения.

Согласно мирному договору, подписанному в Адрианополе 14 сентября 1829 г. Россией и Турцией, Россия получила небольшие, но очень важные с военно-стратегической и политической точки зрения земельные приращения, создавшие в регионе новую geopolитическую ситуацию. Все это усилило политическое влияние России на Ближнем Востоке. Консул Швеции в Тунисе Ч.Тулин писал в донесении своему правительству о реакции в Тунисе на заключение этого мирного договора: «невзгоды, им принесенные, и общее положение дел на Востоке стали в Тунисе источником горя и грусти»³.

Обострение борьбы европейских держав – Англии, Франции и России – за влияние в Османской империи привело в 50-е гг. XIX в. к войне, которая разрушила систему европейских отношений, установленную Венским конгрессом 1815 г. Стремление императора Николая I сберечь принципы Священного союза и венский баланс сил вступили в противоречие с интересами европейских держав, желавшими передела сфер влияния и вытеснения России в разряд второстепенных держав.

Крымская война была войной двух систем: Российской феодально-крепостнической и западной индустриальной. Последняя использовала султанский режим, предоставляя ему займы и оружие, чтобы избавиться от русского влияния на Ближнем Востоке. Формальным обоснованием присутствия колониальных держав в Восточном Средиземноморье было поддержание целостности османских владений перед лицом «русской угрозы».

Крымская война началась в октябре 1853 г. Союзниками Османской империи выступали Англия и Франция (с марта 1854 г.) и Сардиния (с января 1855 г.).

Начало Крымской войны было воспринято беем Туниса Ахмадом как шанс для страны утвердить себя в качестве равноправного члена мирового сообщества и заявить о своей военной роли в международных делах. Он решил послать войска на помочь армии султана Абдул-Меджида, выражив тем самым исламскую солидарность. Он мог сделать это, не дразня своего опасного соседа, Францию, так как она сама сейчас была союзницей Османской империи. Благодаря этому шагу Тунис рассчитывал присоединиться к крупнейшим державам, занятым решением мировых проблем. К тому же, это выглядело бы как дружест-

венный жест по отношению к Франции, Великобритании и Османской империи – крупнейшим государствам, определявшим все политическое существование Туниса.

Конечно, Ахмад-бей не мог свободно следовать своему желанию помочь султану в войне без оглядки на мнение этих держав, а их соперничество могло стать сдерживающим фактором для тунисской инициативы. Но через несколько месяцев после начала войны идея посылки тунисского корпуса на помощь армии султана нашла понимание в Париже.

Единственным препятствием была проблема финансирования экспедиции. Финансовое положение Туниса было тяжелым: после захвата французами Алжира в 1830 г. тунисским беям приходилось тратить значительную часть бюджета страны на содержание и модернизацию армии. Дальнейшее усиление налогового гнета не представлялось продуктивным, хотя налоги все же подняли. Идея займов в Европе вызвала негативную реакцию из-за обременительных условий их получения. Дальнейшие действия Ахмад-бея были в лучших традициях автократического правления. Не в силах решить финансовые проблемы страны, он, тем не менее, не мог допустить срыва своих планов и упустить блестящий шанс поучаствовать в мировой политике. Бей решился продать собственную коллекцию драгоценностей и драгоценных металлов, чтобы внести свой личный вклад. Ценности были вручены генералу Хайру ад-Дину для продажи в Европе. На него также была возложена задача договариваться в Европе о займах. Таким путем Ахмад-бей рассчитывал получить приблизительно 2 млн. франков. Можно сказать, что это был последний случай в мировой истории, когда война велась на личные средства правителя.

10 мая 1854 г. Ахмад-бей официально объявил о планах направить тунисский военный контингент на помощь турецкому султану. В Тунисе ускоренными темпами собирали экспедиционные войска. В годы правления Ахмад-бея общая численность тунисской армии доходила до 35 000 человек, обмундированных и вооруженных по французскому образцу. 20-21 июля была отправлена морем первая часть корпуса, и уже к 5 августа было переброшено 6 600 человек, 722 лошади и 12 пушек⁴. По первоначальному плану рассчитывали послать в Турцию 10 000 человек. Последнее подкрепление в размере 2000 человек было послано в Турцию в конце июня 1855 г., уже после смерти Ахмад-бея. По некоторым тунисским источникам, в крымской кампании приняло участие до 14 000 тунисских солдат, включая экипажи семи тунисских кораблей, осуществлявших переброску войск.

По данным, приведенным в мемуарах премьер-министра Туниса в 1873-1877 гг. Хайру ад-Дина, Ахмад-бей направил в Турцию контингент

из 12 000 солдат в полном боевом снаряжении. Хайр ад-Дин утверждает, что в течение всей кампании правительство Туниса платило за содержание своего контингента. Кроме солдат в Турцию был направлен и флот из четырех пароходов, одного фрегата и двух бригов. Командовал тунисским контингентом генерал Решид.

Все эти усилия привели к новому финансовому кризису – Тунис был на грани банкротства.

Французский консул и его военные советники почти не вмешивались в процесс мобилизации. Правительства европейских держав, несомненно, должны были понимать, насколько разорительной для экономики Туниса станет эта авантюра, но (может быть именно поэтому) дали на нее согласие.

Для самого Туниса это была явно популярная экспедиция. Тунисские офицеры разделяли энтузиазм бея. Скорость, с которой удалось в несколько месяцев осуществить мобилизацию, экипировку и переброску 6000 человек, показала необыкновенную для обычно медлительного бюрократического аппарата эффективность. Современники событий и тунисские историки, склонные критически оценивать деятельность Ахмад-бея, в этом случае не могли избегнуть всеобщего патриотического настроения. Личный денежный вклад Ахмад-бея ставится ими «в ряд его величайших добрых поступков, совершенных для страны»⁵.

Похоже, что авторы большинства трудов по истории Крымской войны вообще не заметили тунисского участия. Американский историк К. Браун упоминает, что поиск документов по Крымской войне в Тунисском национальном архиве дал так мало результатов, что вряд ли возможно вообще восстановить достоверную историю этой кампании. Некоторые документы на арабском языке содержат данные по финансированию и снабжению тунисских экспедиционных сил, но совсем не освещают участие тунисцев в боевых действиях. Упоминается лишь тот факт, что тунисский экспедиционный корпус был предназначен для отправки в район города Батума.

Большинство западных историков, занимающихся Крымской войной, сходятся во мнении, что все державы, включая и Османскую империю, относились к тунисской военной помощи как к плохой шутке. Ведь тунисские войска никогда до этого не участвовали в масштабных боевых действиях, не имели должной подготовки. Приблизительно 40% личного состава погибло в результате эпидемий и плохих условий. «4 тысячи тунисских солдат погибли в Турции, не вступив в сражение», – утверждает французский историк Э. де Констан. Другой французский историк Ж. Ганьяж пишет: «В Константинополе и не думали прибегать к помощи тунисского контингента. Солдаты бея бесславно погибли от болезней и нищеты в лагерях на Черном море»⁶.

Конечно, известно, что тунисские войска были расквартированы в районе Батума и наравне с турецкими войсками несли большие потери от эпидемий. Но утверждение, что они стали ненужным бременем для Порты, простым знаком бейской лояльности, не имеет фактического подтверждения. В Тунисском национальном архиве хранится несколько документов, в которых упоминается о случаях награждения тунисских офицеров турецким султаном, об успехах тунисского контингента. Также известно, что тунисские войска участвовали в нескольких сражениях в районе Батума, несли гарнизонную службу в районе Севастополя после падения города в августе 1855 г. Капитан де Тавернэ, военный атташе при французском консульстве в Тунисе, в своих отчетах в Париж упоминает, что тунисцы оказались хорошими солдатами. «Арабские пехотные батальоны под руководством наших офицеров идут от победы к победе в Крыму», – писал он⁷.

Ахмад-бей умер в мае 1855 г., не дожив до окончания Крымской войны. Для него это было к лучшему: он не увидел краха своих надежд. Его планы не оправдались, Тунис не был признан даже младшим членом «концерта наций». А уже через год после окончания войны недавние союзники Франция и Великобритания стали вмешиваться во внутренние дела Туниса еще более бесцеремонно, чем раньше. Не способствовала война и усилению тунисской армии, детища Ахмад-бея. Его наследник, Мухаммед бей, сократил ее численность до 10 000 человек.

Война дорого стоила Тунису. Личный вклад ювелирными изделиями Ахмад-бея помог лишь открыть кредитные линии и начать кампанию, но все последующие расходы легли на плечи населения страны увеличением налогового бремени и ухудшением уровня жизни. Несомненно, это приблизило тот день, когда Тунису пришлось прибегнуть к ростовщикским иностранным займам. Все это неуклонно вело страну к восстанию 1864 г. и государственному банкротству в 1869 г. Ранняя смерть в возрасте 48 лет, несомненно, избавила Ахмад-бея от горького созерцания результатов, к которым привели его амбициозные, безрассудные планы.

Восточный кризис 1870-х гг. явился объективным и закономерным развитием Восточного вопроса в целом. Вследствие Крымской войны Россия и Турция были урезаны в своих правах на Черном море посредством военно-политического контроля трех великих держав – Англии, Франции и Австрии. После войны 1853-1856 гг. основные усилия российской дипломатии были направлены на пересмотр Парижского мирного договора.

С началом новой русско-турецкой войны 1877-1878 гг. французское правительство заявило о своем полном и строгом нейтралитете, благо-

желательном и дружественном по отношению к России. Франция взяла на себя защиту русских интересов в Турции, настаивала на воздержании Египта от участия в войне на стороне Турции, использовала свое влияние в Тунисе, чтобы побудить бея отклонить требование Порты о военной помощи. Консулу Франции в Тунисе Т. Рустану удалось добиться от правительства бея негласного обещания соблюдать нейтралитет в начинавшейся войне.

Когда война началась, Тунис (как автономная провинция Турции) оказался частично втянутым в нее. Позиция тунисских историков единодушна: «Религиозные обязанности и политическая близость к державе-сюзерену обязывали регентство внести свой вклад, пусть и очень скромный, в помощь Халифату в его схватке с давним противником султаната и ислама. Тунис не мог уклониться от выполнения своего долга, не предав исламской солидарности», — пишет тунисский историк З. Садок⁸. Султанский фирман, в котором объявлялось о начале священной войны, был зачитан во всех мечетях Туниса 2 июня 1877 г. и вызвал подъем энтузиазма у населения.

В начале правительство Туниса рассчитывало не быть втянутым в международный конфликт вследствие внутреннего кризиса, а также из-за обещания о нейтралитете, данного России через посредничество Франции.

Но в перемене позиции правительства страны одну из ведущих ролей сыграла принципиальная позиция выдающегося государственного деятеля Туниса, премьер-министра Хайр ад-Дина. Будучи сторонником паносманизма, он считал, что «вассальная подчиненность Туниса Турции есть гарантия его независимости». «Пока Османская империя будет сильной страной, — писал он, — зависимые от нее страны не должны ничего бояться, потому что их существование соприкасается с решением Восточного вопроса. Если же Османская империя рухнет, то никто не поручится за будущее Туниса — оно будет зависеть от прихоти Европы»⁹. Именно усилиями генерала был получен от Порты известный фирман 1871 г., узаконивший положение Туниса как неотъемлемой части Османской империи. «Теперь, когда началась война, — писал генерал Хайр ад-Дин в своих мемуарах, — Турция, естественно, потребовала от бея во исполнение фирмана 1288 г. (1871 г. по христианскому летоисчислению. — Н.Ж.) снарядить и отправить в Турцию воинский контингент. Бей был склонен отказать султану, и тогда я созвал Совет министров под председательством бея, чтобы посовещаться по этому важному вопросу. Совет, признав полную законность требований Высокой Порты, постановил, однако, что регентство не в состоянии их удовлетворить, ввиду недостаточности финансовых ресурсов и малочисленности армии. Бей вообще хотел ограничиться отправкой в Тур-

цию прямого отказа. Но я, убежденный и постоянный защитник неотъемлемых прав Османской империи на Тунис, а следовательно и гарантий, получаемых Тунисом от соблюдения турецких прав, я, столь много потрудившийся для счастливого сближения Турции с Тунисом в 1871 г., когда был подписан известный фирманс, не мог допустить такого развития событий. Оно бы противоречило справедливости, моим религиозным чувствам и политическим убеждениям. Я потребовал созыва Чрезвычайного Совета, в составе всех высших чиновников, улемов и знати Туниса. Этот Совет из 100 человек собрался под председательством бея, я выступил на нем, рассказал о законном требовании султана, основанном на исполнении фирманса 1288 г., с одной стороны, и о недостаточности наших финансовых и военных ресурсов. Я показал собравшимся необходимость принятия каких-либо мер, в соответствии с нашим мусульманским долгом и в знак уважения к правам Османской империи. Это должны были быть реальные, исполнимые меры и я предложил обратиться к населению страны, открыв добровольный общественный сбор помощи для Турции. Совет единогласно одобрил мое предложение, и была начата общественная подписка с опубликованием призывов в официальной печати. Почти сразу удалось собрать сумму в 1 400 000 франков, за отправкой которой в Константинополь я проследил лично. Позднее нам удалось собрать еще 300 000 франков. Вместе с деньгами в Константинополь были отправлены 700 мулов и 400 лошадей, также собранных в качестве общественной помощи»¹⁰.

О сборе животных для помощи турецкой армии сообщает в своих донесениях канцлеру А.М.Горчакову консул России в Тунисе К.Ниссен: «Происходящий в Тунисе сбор ослов для передачи в дар Правительству Турции принял такие масштабы, которых трудно было ожидать от страны, находящейся уже долгое время в состоянии кризиса. К сегодняшнему дню собрано уже более 1000 животных. Тем временем, Правительство Туниса, весьма озабоченное проблемой их отправки, приняло мудрое решение, позволяющее избежать осложнений и недоразумений: решено было отправлять животных небольшими группами далеко в глубь страны, к юго-восточной границе, чтобы переправить их в Триполи без шума и скандала»¹¹.

Позиция самого бея расходилась с паносманистскими взглядами его премьер-министра и его сторонников. По этому поводу консул Ниссен писал: «сам Бей более всего дорожит своей независимостью, а приверженность некоторых лиц из его окружения вассалитету Османской Порте противоречит его взглядам и традициям его династии. Сторонники вассалитета сговариваются и интригают за его спиной и вопреки его ясно выраженному желанию. Здесь только и говорят, что о разногласиях между Беем и Генералом Хайр ад-Дином»¹². Разногласия поли-

тического характера между беем и его премьером привели к отставке последнего в первых числах ноября 1877 г.

В середине ноября 1877 г. под нажимом Константинополя правительство Туниса стало склоняться к идеи посылки тунисского контингента к театру военных действий. Консул Ниссен указывал в своих донесениях, что такое решение тунисского бея было связано, в немалой степени, с опасением за реакцию соседней Триполитании, в случае, если Тунис откажется выполнить свой исламский долг. Как только информация о возможности вступления Туниса в войну достигла ушей российского консула, он направился к премьер-министру генералу Мухаммеду за разъяснениями. Тот осторожно посоветовал обращаться лично к бею Мухаммеду ас-Садоку. Консул подробно рассказывает об аудиенции у бея в донесении управляющему Азиатским департаментом МИД Н.К. Гирсу. Бей попытался объяснить консулу, что действительно, в самом начале конфликта между Портой и Россией его твердым намерением было сохранять строгий нейтралитет, но, оказывая на него самое жесткое давление, султан обязал его направить в Константинополь контингент войск из 5 тыс. человек. «Вы давно живете в этой стране и знаете лучше, чем кто-либо, каков политический курс, которому следует наша династия. На первый призыв, полученный от Высокой Порты относительно отправки войск в Константинополь, я ответил, что моя страна находится в кризисе и мои финансы крайне скучны. Последовал еще более жесткий приказ из Константинополя, я же опять пробовал отказаться, сославшись на неспособность выполнить требуемое. Короче говоря, после трех предписаний я на днях получил четвертое, в котором Султан напоминает, что является сюзереном моего Регентства и Халифом правоверных, и посему приказывает мне отправить этот контингент. Оказавшись перед лицом такой трудной ситуации, я, в качестве правителя мусульманского регентства, должен выполнить этот приказ. Обратное решение не будет понято ни Халифом, ни моим народом». «Очень надеюсь, что Правительство Его Императорского Величества не придаст большого значения незначительной помощи, которую мое Княжество окажет Турции, и примет во внимание исключительность ситуации, в которой я оказался»¹³. Затем бей заметил, что до него дошли слухи, что русская эскадра готовится выйти в Средиземное море. Он хочет, однако, верить, что императорское правительство учтет все обстоятельства и не примет против него никаких силовых мер.

Как только новость об отправке тунисских войск стала известна в Париже, из французского министерства иностранных дел поспешили направить телеграмму своему консулу в Тунисе Т.Рустану, чтобы тот решительно отсоветовал Бею посыпать войска в Константинополь. Как сообщает российский консул, беседа Т.Рустана с беем носила весьма

резкий характер, консул затронул самый больной вопрос: «Направление войск в Константинополь вновь поставит Вас в зависимое положение перед Турцией, и будет иметь губительный для Вашей страны результат. Ваше Высочество не просчитали всех отрицательных последствий такого решения»¹⁴. Ниссену стало известно, что консулы Италии и Германии также совершили официальные демарши перед правительством Туниса, попытавшись отговорить его от этого решения.

Подготовка и снаряжение войск, тем временем, шли очень медленно. Общественное мнение в Тунисе склонялось к мысли, — писал консул Ниссен, — что эта медлительность не случайна и рассчитана на то, что пока бей будет затягивать с отправкой, война закончится, и он будет избавлен от затруднительного положения, в котором оказался. Консул рассуждал над создавшейся ситуацией: «если бы Бей мог без страха довериться защите какой-либо великой европейской державы, он бы открыто порвал с обязательствами, связывающими его с Портой. Но, не имея серьезной поддержки, и при отсутствии собственных ресурсов, он неизбежно обречен терпеть главенство Турции, подстрекаемый интригами и провокациями Генерального Консула Великобритании. Хотя с точки зрения религии мусульмане и одобряют действия Бея, люди здравомыслящие, между тем, считают, что политика, в которую Бей дал себя вовлечь, является ошибочной и приведет к тотальному разорению страны»¹⁵.

В конце декабря 1877 г. Высокая Порта направила бею Туниса телеграмму, в которой сообщалось, что тунисский контингент не будет направлен в Константинополь, как было решено ранее, а отправится на о. Кандио (Крит), где разразилось восстание греков. Город Тунис был переполнен войсками, предназначенными для тунисского контингента и прибывшими из внутренних районов страны.

Этот контингент достигал 7 тыс. человек и ожидал прибытия судов из Константинополя. Однако Порта не спешила присыпать корабли и бею Туниса пришлось направить в Константинополь несколько телеграмм, «требуя объяснить причины такой задержки, ввиду того, что расходы по содержанию такого многочисленного воинского контингента ухудшили и без того плачевное состояние финансов страны, и не принесли никакой пользы делу исламизма»¹⁶.

В конце концов, во второй половине января 1878 г., турецкое правительство приспало бею Туниса краткий приказ, предписывающий оставить войска в Тунисе до новых указаний. «Утверждают, — пишет консул Ниссен, — что к такому решению Турецкого Правительства приложила руку Франция, она, якобы, настойчиво склоняла Турцию не требовать направления войск из Туниса»¹⁷. Таким образом, благодаря дипломатическим усилиям Франции Тунису не пришлось отправлять

свой корпус к месту военных действий, а уже в марте 1878 г. был заключен русско-турецкий мирный договор.

Берлинский конгресс, созванный в 1878 г. европейскими державами для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора, привел к новой расстановке сил в Европе. В 80-е гг. XIX столетия Германия образовала военно-политический союз с Австро-Венгрией и Италией. Враждебность Берлина толкнула Петербург к дружбе с Францией. Конгресс сыграл большую роль и в развитии Восточного вопроса: он предотвратил всеобщую войну путем признания европейскими странами взаимных притязаний на территории Османской империи. Турция подверглась в результате этой войны наибольшим потрясениям, окончательно утратив статус великой державы.

Во время Берлинского конгресса была решена и судьба Туниса. В ходе секретных переговоров между министрами иностранных дел В. Ваддингтоном и Р. Солсбери Франция получила от Великобритании одобрение своих планов относительно Туниса. Солсбери заявил Ваддингтону: «Делайте в Тунисе то, что считете нужным, Англия не будет протестовать и будет уважать ваше решение»¹⁸. Канцлер Германии О. фон Бисмарк считал, что «вместо Эльзаса и Лотарингии Франции должна быть предложена компенсация в виде аннексии регентства Тунис и даже, может быть, Триполи». И во время Берлинского конгресса он открыто поддержал намерения Франции.

Таким образом, участие Туниса в каждой из русско-турецких войн негативным образом сказалось на небольшом регентстве: разгром тунисского пиратского флота в 1791 и 1827 гг. ослабил страну перед лицом европейских средиземноморских держав. Участие Туниса в Крымской кампании поставило регентство на грань финансового банкротства, значительно облегчившего европейское экономическое проникновение. Наконец, следствием участия Туниса в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стал политический кризис и экономическое разорение, приведшие страну к потере независимости в 1881 г.

---

¹ *Mezri Bdira. Relations internationales et sous-développement. La Tunisie 1857-1864.* Uppsala, 1978. P.32.

² Богданович Е.В. Наварин. М., 1877. С. 47.

³ *Mezri Bdira. Op. cit.* P.29.

⁴ *Brown C.L. The Tunisia of Ahmad Bey. 1837-1855.* Princeton, 1974. P. 304.

⁵ *Tlili B. Etudes d'histoire sociale tunisienne du XIX siècle.* Tunis, 1974. P. 64.

⁶ *Ganiage J. Les origines du protectorat français en Tunisie (1861-1881).* Paris, 1959. P.121.

---

⁷ *Fitoussi E.* L'état Tunisien. Son origine, son développement et son organisation actuelle. Tunis, 1901. P.57.

⁸ *Zemerli Sadok.* Les précurseurs. Figures tunisiennes. Tunis, 1989. P.67.

⁹ *Khérédine.* Homme d'état. Mémoires. Tunis, 1971. P.304.

¹⁰ *Ibid.* P.306.

¹¹ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ), ф. 161. СПб. Главный Архив V-A2. Оп. 181/2. 1877. Д.970. Л.5.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л.18.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Главный Архив V-A2. Оп. 181/2. 1878. Д.971. Л.9.

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ *Ling D. L.* Tunisia from Protectorate to Republic. London, 1967. P. 24.

РОЛЬ ХРИСТИАНСТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИДЕОЛОГИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ АФРИКИ В XIX в.

Знакомство коренного населения Южной Африки с европейцами началось еще задолго до начала активной колонизации. С XVI в. кораблекрушения у южноафриканских берегов становятся достаточно частым явлением. Многие жертвы крушений оставались жить среди африканцев и полностью перенимали их обычай¹.

В 1652 г. на мысе Доброй Надежды было основано первое постоянное поселение европейцев – голландский форт Капстад, положивший начало Капской колонии. С этого времени местное африканское население оказывается вовлеченным в сферу действия качественно иных хозяйственных и культурных связей. Но до конца XVII в. крещение приняли лишь четверо африканцев. Их судьба сложилась трагично: двое окончили жизнь самоубийством, остальные закончили свои дни на о. Роббен, превращенном голландцами в тюрьму².

XVIII в. также не стал временем массовой христианизации африканцев. Наоборот, деятельность в этом направлении была фактически прекращена. Лишь небольшая горстка кой-кой^{*} была приобщена к европейской культуре в школах голландской Ост-Индской компании³. В 1737 г. работу среди кой-кой начал Г.Шмидт – представитель общества Моравских братьев, одной из реформатских церквей нового времени. Он поселился на западе колонии и проработал там до 1742 г. За это время он успел окрестить шесть человек и создать небольшую общину из живших поблизости кой-кой. Но деятельность Шмидта вызвала недовольство Голландской реформатской церкви и колониальных властей, и он был отозван с юга Африки⁴.

Главным препятствием на пути распространения христианской веры среди местного населения стали колонисты, которые крайне враждебно воспринимали любые попытки приобщения африканцев к европ-

* Кой-кой (готтентоты) – группа народностей, выделяемых на основе языкового родства, антропологических признаков и общих черт культуры, социальной организации и хозяйства в особую этническую общность. В настоящий момент крупнейшими народностями группы кой-кой являются нама и дамара, проживающие, главным образом, на территории современной Намибии. Отдельные немногочисленные группы кой-кой сохранились также в Ботсване и ЮАР.

пейской культуре. Христианская религия, белый цвет кожи и доминирование в социально-политической жизни колониального общества были неразрывно связаны друг с другом в сознании буров. В равноправии было отказано и потомкам от смешанных браков⁵.

Начало широкому распространению христианства среди коренного населения Южной Африки было положено в 1795 г., когда на юг Черного континента после оккупации Англией Капской колонии устремились протестантские миссионеры. Первоначально большую их часть составляли последователи учения Ж. Кальвина. Это сыграло определенную роль в развитии христианского вероучения на южноафриканской почве. Важнейшее место в религиозной системе кальвинистов занимало учение о предопределении, которое Ж. Кальвин охарактеризовал как «предвечный замысел Бога, в котором Он определил, как Он желает поступить с каждым человеком»⁶. Перенося эти идеи на южноафриканскую почву, один из родоначальников миссионерского движения на юге Черного континента Й. Ван дер Кемп представлял восстание кой-кой 1799–1803 гг. как орудие божьей воли, карающее несправедливость. По его мнению, уничтожение «нечестивых христиан», как он называл буров, лишь способствовало бы реализации божьего промысла в формировании счастливого общества⁷.

Кой-кой Капской колонии, поставленные европейскими колонистами в состояние бесправных слуг и полурабов, с готовностью принимали христианские доктрины. Они относились к ним как к откровению, специально для них предназначенному. Житель миссионерской станции кой-кой Теополис Хендрик Смит был поражен мыслью о том, что Библия была дана его народу. Никто не мог дать ему ответа, в чем причина этого чуда. Сам Смит полагал, что Господь даровал Библию его соглашникам, так как видел несправедливости, совершаемые по отношению к ним⁸.

Миссионеры нашли среди кой-кой благодатную почву для распространения своих идей. Африканцы не просто внимали откровениям белых проповедников, но сами активно принимались за распространение христианского учения среди своих сограждан. Представитель общины Моравских братьев Дж. Бакхаус упоминает о Бусмане Стуурмане, который проповедовал христианские доктрины, ссылаясь на свой личный опыт⁹. А работавший среди нама методист Б. Шоу указывал, что часть из обращенных им африканцев покидала миссионерскую станцию с целью нести Евангелие другим кой-кой¹⁰. Таким образом, африканцы начинали самостоятельно толковать доктрины христианства. Многочисленные страдания, которые претерпевали кой-кой, способствовали все более широкому распространению идеи их богоиз-

бранности. Как всякий гонимый народ, они находили утешение и силы в религии.

Христианство стало для кой-кой не только способом объяснения устройства мира и места в нем человека, но основой духовного возрождения. Религия консолидировала их общество, помогала лучше осознать свои права и привилегии. С.Кей, посетивший в начале 30-х годов XIX в. поселения кой-кой на реке Кат, обратил внимание, что ордонанс от 17 июля 1828 г.¹ хранился ими в Библии. Один из старейшин деревни объяснил это следующим образом: «Божье слово учит нас, как правильно использовать свои привилегии, поэтому Библия и ордонанс должны храниться вместе»¹¹. Отличаясь высокой религиозностью, кой-кой вставали на защиту своих прав под лозунгами восстановления божественной справедливости. Неудивительно, что идеологической основой восстания кой-кой в 1851-1853 гг. стало христианство. В представлении африканцев Бог являлся защитником всех угнетенных и противником любых несправедливостей. Они верили, что объединение с коса против англичан и освобождение своей земли от колонистов было предназначено им Пророчеством¹².

Восстание 1851-1853 гг., совпавшее с очередной войной колонистов с коса, стало одним из самых серьезных за все историю антиколониального сопротивления коренного населения юга Африки. Мятеж кой-кой приобрел черты национального движения (конечно, употребление данного термина весьма условно, но он точнее всего передает суть происходившего. – А.В.). К повстанцам примкнули жители миссионерских станций Шило и Теополис, солдаты из подразделений Капских конных стрелков, состоявших из кой-кой и бастардов¹³, а также множество слуг, покинувших хозяев. Восставшие обращались ко всем представителям своего народа с призывом примкнуть к ним в этой войне. В воззваниях говорилось, что правительство и колонисты стремятся поработить кой-кой, лишить их права жить на собственных землях¹³. Лидер восставших Уитаалдер, обращаясь к главе одной из общин бастардов Адаму Коку, указывал, что белые хотят принять «несправедливые и жестокие законы, как, например, законы против бродяжничества, которые предназначены для подавления и полного разорения цветных и

¹ Ордонанс № 50 от 17 июля 1928 г. формально наделял свободное койсанское население колонии равными гражданскими правами с белыми.

¹¹ Бастардами в Южной Африке называли метисов, рожденных от связей европейцев с африканскими женщинами (в основном принадлежавших к народностям койсан). В конце XVIII – начале XIX вв. бастарды уже представляли собой достаточно обособленную группу. Их родным языком стал голландский, и они избегали смешения с другими этническими общностями.

бедняков, живущих на этой земле – земле, которую мы, как исконные ее обитатели, можем справедливо считать своей Родиной...»¹⁴. Многие из кой-кой находились под влиянием своих собственных проповедников, не связанных с миссионерами. Подобно воинам О.Кромвеля времен Английской революции XVII в., кой-кой готовили себя к битве пением религиозных гимнов, что свидетельствовало об уровне их религиозности¹⁵.

В меньшей степени христианским учением в этот период было затронуто бантуязычное население Южной Африки. Это во многом объяснялось тем, что интенсивные контакты между южными банту и колонистами начались сравнительно поздно – в последней трети XVIII в. Банту удавалось вплоть до середины XIX в. противостоять наступлению колонистов и сохранять традиционные формы социальной организации, поэтому среди банту не наблюдалось массового распространения христианства. По мнению правительственные чиновников в Британской Кафарии^{*} в 1849 г. церковные службы регулярно посещало лишь 1 492 человека, в то время как общая численность ее населения оценивалась в 100 тыс.¹⁶ Однако отдельные элементы христианского вероучения уже в это время внедряются в сознание кбса. Как и в случае с кой-кой, главным стимулом к этому стала экспансия колонистов.

В первые десятилетия XIX в. кбса перенесли настоящий шок от столкновения с Британской империей и колонистами. Фактически происходило крушение всей традиционной картины мира, унаследованной ими от предков. Кбса необходимы были ясные ориентиры и новые идеи для консолидации общества перед лицом внешней угрозы. Именно этому обязаны своим появлением синкретические учения двух так называемых «пророков» кбса – Нк'еле^{**} (Nxele) и Нтсикана. Для них обоих было свойственно сочетание религиозных традиций банту и элементов христианского учения.

---

* Британская Кафария была образована в результате аннексии в декабре 1847 года территорий коса, расположенных между реками Кейскамма и Кей. Она составляла особую административную единицу со своей собственной администрацией, напрямую подчиненной генерал-губернатору Капской колонии.

** В языках некоторых народов южных банту присутствуют щелкающие звуки, которые в латинской графике обозначаются буквами с, q и х. В русской транскрипции их принято обозначать знаками ц' – соответствует зубному щелкающему звуку с, г' – соответствует небному щелкающему звуку q, и к' – соответствует боковому или латеральному щелкающему звуку х. Использование после согласных букв знака h, означает, что данная буква должна произноситься с приподыжанием.

Сам институт «пророков» был знаком африканцам. Согласно их представлениям, некоторые люди могли напрямую общаться с духами предков и передавать живым их волю. На этом основывалась вера в силу колдунов, которые служили посредниками между миром сверхъестественного и людьми¹⁷. Нк’еле указывал, что свои откровения он получал непосредственно от бога. Тем самым он дистанцировался от христианских миссионеров. Нк’еле видел мир как поле боя между Тик’о (Thixo) – богом белых, и Мдалидибу – богом черных. В 1819 г. Нк’еле возглавил нападение объединенных сил коса на Грейамстаун. Нк’еле уверял своих последователей, что он был послан Утланга (Великим духом) отомстить за все их обиды и обладал властью призывать на помощь в войне с англичанами умерших предков¹⁸. Конечно, этим надеждам не суждено было сбыться. Коса потерпели очередное поражение в войне с англичанами, а Нк’еле погиб во время попытки бегства из плена.

Нтсикана проповедовал мир, а не войну. Его ответом на потрясения, постигшие коса, было подчинение божественной воле, в которой единственно могли быть найдены мир и защита¹⁹. Его авторству принадлежит наполненный христианским содержанием «Великий гимн», по форме, однако, являющийся классическим воплощением традиционной хвалебной поэзии. В отличие от Нк’еле, Нтсикана собрал вокруг себя немного сторонников, но именно от него ведет свой отсчет национальное христианское движение, воплотившееся в создании независимых африканских церквей. До сегодняшних дней коса верят, что Нтсикана получил Евангелие от бога самостоятельно, без посредничества миссионеров²⁰.

Настоящий всплеск апокалиптических пророчеств среди коса наблюдался в середине XIX в. Все они носили ярко выраженный синкретический характер. К этому времени с христианством, в той или иной степени, была знакома большая часть коса. Миссионерские станции охватывали к этому времени практически все их земли. В то же время, войны с колонистами фактически привели к коллапсу традиционное хозяйство и систему социальных отношений. В этих условиях люди надеялись лишь на помощь потусторонних сил. Апокалиптические пророчества, появившиеся в середине XIX в., были направлены на мобилизацию сил не только всех живых членов племени, но и умерших предков. Под знаменем борьбы с европейцами происходило объединение некогда разрозненных родов. Идеологической основой нового восстания коса в 1850-1853 гг. против колониальных властей стало пророчество Умланджени. Он объявил, что умершие предки восстанут и прогонят белых обратно в море. Последователи Умланджени верили, что

он обладал секретом вечной жизни и мог победить саму смерть, защищив воинов от пуль противника своими чарами²¹.

С подобными апокалиптическими пророчествами также связан самый драматичный момент в истории кёса. В начале 1856 г. по всей восточной границе Капской колонии распространилось новое пророчество. Его провозвестницей стала юная девушка Нонг'авусе (Nongqawuse), которой, якобы, явились посланники давно умерших предков. Они велели передать всем живущим, что мертвые готовятся восстать, но для этого люди должны забить весь свой скот, ставший «нечистым» из-за того, что они ухаживали за ним руками, пораженными колдовством. Также для выполнения пророчества было необходимо перестать возделывать землю и уничтожить все свои запасы²². Интересно, что главным интерпретатором пророчества стал дядя Нонг'авусе Млаказа – новообращенный христианин, долгое время живший в Капской колонии и говоривший на английском и голландском языках²³.

Видение молодой девушки получило огромную популярность. Оно приобрело ярко выраженную антиколониальную направленность. Повсюду циркулировали слухи, что предки уже воюют с англичанами за морем²⁴. Подавляющее большинство вождей и простых общинников кёса безоговорочно поверили этим предсказаниям. Около 85% всех взрослых мужчин Британской Кафарии и Трансеке уничтожили весь свой скот и посевы. Подсчитано, что было забито около 400 тыс. голов скота, а от последовавшего за этим голода умерло 40 тыс. человек. Еще примерно столько же покинуло свои дома в поисках пропитания²⁵. Население только одной Британской Кафарии, насчитывавшее в начале 1857 г. 104 тыс. человек, к его концу составляло только 37 тыс.²⁶ Данные события подорвали способность кёса к сопротивлению. В течение 20 лет они не доставляли беспокойства Капской колонии.

Понесенные африканцами поражения и предпринятые колониальными войсками карательные меры показали бесперспективность открытого сопротивления утверждению колониального общества. Ввиду превосходства европейцев, среди африканцев стало распространяться мнение, что они «не должны и думать о сопротивлении людям, которые могут делать такие вещи» (имеется в виду техническое превосходство англичан – *A.B.*)²⁷. Миссионер Дж. Челмерс отмечал в 1881 г., что среди кёса в значительной степени упал интерес к жизни. Когда он выступал перед вождями против пьянства, они ответили ему: «Мы – люди, которые уже сокрушены и повержены, и нет причин пытаться сохранить наш народ»²⁸.

Однако именно в это время в общественной жизни африканцев начинают проявляться совершенно новые тенденции. Среди кёса, мfen-

ту, тсвана, зулу и представителей других народностей южных банту сложилась прослойка мелких землевладельцев, торговцев и служащих, которые получили образование в школах при миссионерских станциях, обладали постоянным доходом и перенимали привычки и образ жизни европейцев.

Для многих африканцев становилось очевидным, что старая родоплеменная система и свойственные ей мировоззренческие установки не соответствуют новым реалиям. Европейская социально-экономическая и территориальная экспансия ясно продемонстрировали недостатки родоплеменной системы: неспособность объединить различные племена и родовые общности перед лицом внешней агрессии, неэффективность в открытой борьбе с колонизаторами. Требовалось найти новые ориентиры, обозначить цели и направление эволюции африканского социума.

Первый чернокожий миссионер Южной Африки Тийо Сога еще в 1857 г. выражал уверенность в том, что придет время, когда Бог обратит свое расположение к «бедной, невежественной и презираемой Африке»²⁹. В первом номере журнала «Индаба», издававшегося миссией Лавдейл с августа 1862 г. по февраль 1865 г., Т. Сога призывал возвращаться к жизни героев прошлого – великих вождей кёса Пало, Нгг’ика, Ндламбе и др. В отношениях с европейцами он призывал африканцев сохранять собственное достоинство. Если приветствие белого джентльмена Сога считал проявлением хорошего тона, то оказание знаков внимания бедным и опустившимся европейцам он не считал уместным³⁰.

Наиболее ярко и четко чаяния европеизированных и христианизированных африканцев выразил Дж.Л.Дубе, ставший в 1912 г. первым председателем Южноафриканского туземного национального конгресса (позднее он был переименован в Африканский национальный конгресс). Он писал в 1892 г: «Христианство принесет с собой новую цивилизацию и «Черный континент» превратится в землю коммерции и христианских учреждений. После этого Африка, как единая страна, займет свое место среди других государств... Скорее бы пришел день, когда Эфиопия (под ней Дубе подразумевал Африку. – А.В.) прострет свои руки к Богу»³¹.

Подобные настроения являлись уделом не только интеллектуальной элиты африканского общества, но получили, в той или иной степени, достаточно широкое распространение. Еще в 1884 г. была предпринята первая попытка воплощения таких взглядов на практике, когда Неемия Тиле, проповедник Методистского миссионерского общества, покинул его ряды и образовал Церковь тембу. Формально во главе Церкви встал вождь Нгангелизве, но настоящим ее руководителем и ближайшим его советником являлся Тиле. Целью образования церкви было объедине-

ние вокруг Нгангелизве всех тембу, разъединенных границами дистриктов и «туземных» территорий. По замыслу ее основателя англичане должны были до минимума сократить свой административный аппарат и предоставить тембу полное самоуправление. Одновременно была выдвинута просьба к колониальной администрации помочь в распространении образования³². Вследствие оппозиции европейской администрации и смерти Нгангелизве, Тиле потерял влияние среди тембу, но основанная им церковь просуществовала до конца XIX в. Следом за тембу в Трансваале образовалась Лютеранская церковь бапеди, распространившая свое влияние на Оранжевое Свободное государство и северные районы Капской колонии. В 1889 г. в Претории появилась Церковь Африки, основанная бывшим священником англиканской церкви Кениане Напо³³.

Настоящий бум по основанию независимых африканских церквей и религиозных общин начался в 1890-х годах. Это было вызвано рядом причин: стремлением воплотить на практике идеи реформирования традиционного общества, желанием избавиться, хотя бы в религиозных делах, от европейской опеки, а также синкретизмом многих сект, несocomместимым с общепринятыми доктринаами. Значительную роль в данном процессе сыграло разделение по расовому признаку и ограничения в правах чернокожих миссионеров, существовавшие во многих европейских религиозных организациях. Миссионерам-африканцам запрещалось присутствовать при решении важных вопросов, их устраивали от распределения денежных средств, даже если они были собраны при их непосредственном участии³⁴.

Центром нового движения стал Трансвааль, где в 1892 г. была создана Эфиопская церковь. Несмотря на то, что штаб-квартира Церкви находилась в Претории, она объединяла и представителей английских колоний, так как золотодобывающая промышленность бурской республики привлекала африканцев со всей Южной Африки. В ней состояли Д.Годуко, приемник Н.Тиле, и Дж.Дване, входивший до 1895 г. в общество методистов и работавший в Капской колонии среди ко́са³⁵. В основе доктрины Церкви была положена строка из Библии: «И Эфиопия скоро прострет свои руки к Богу»³⁶. Эти слова являлись символом христианизации и возрождения Африки.

В 1896 г. на конференции Эфиопской церкви было решено объединиться с Африканской методистской епископальной церковью (AMEC), крупнейшей религиозной негритянской организацией США. Находясь в Америке, Дване так обозначил цели эфиопского движения: «Африканцы быстро усваивают цивилизованные привычки и вскоре смогут сами создать действенные правительства. Затем они скажут европейским народам – «Руки прочь!»³⁷ В 1900 г. Дване, вме-

сте с 5 тыс. сторонников, присоединился к Англиканской церкви, где был создан «Орден Эфиопии», получивший полное самоуправление. После ухода Дване, в южноафриканском отделении АМЕЦ осталось 4-5 тыс. человек³⁸.

Другой крупной независимой религиозной организацией бантус стала Африканская пресвитерианская церковь (АПЦ), основанная в 1898 г. П.И.Мзимба, бывшим священником Объединенной свободной церкви Шотландии. В 1903 г. АПЦ насчитывала 6,5 тыс. человек³⁹. В Натале во второй половине 1890-х гг. также образовались независимые религиозные общины африканцев. Крупнейшей из них являлась Конгрегациональная церковь зулу, состоявшая из шести приходов⁴⁰.

Все независимые африканские христианские общины объединяла идея об установлении независимости от белых как в религиозных, так и в светских делах. Тем не менее, официальной позицией их лидеров было полное устранение их от политики и расовых проблем. И Мзимба, и Дване, и руководитель южноафриканского отделения АМЕЦ епископ Коппин заявляли перед комиссией по туземным делам об исключительно мирных, религиозных целях своих церквей⁴¹. Но иного и нельзя было ожидать, так как открытое и официальное объявление своих позиций грозило навлечь кару со стороны правительства. Но если лидеры независимых церквей являлись носителями умеренных взглядов, то рядовые члены и проповедники отличались большим радикализмом. Их главным требованием было восстановление коренного населения в правах на свою землю, равенство с европейцами, а иногда и их полное изгнание из Южной Африки⁴². С другой стороны, появилось много бродячих проповедников, чьи религиозные доктрины носили синкретический характер и сочетали компоненты христианства и традиционных верований. Они соединяли в своих откровениях элементы пророчества, религиозного экстаза, магии и африканских обрядов. Они отрицали значение европейских миссионеров в передаче Священного писания. Благословление не может быть получено из вторых рук, бантус сами должны обратиться к Богу – утверждали проповедники⁴³. Антиевропейский характер данного движения был ясно продемонстрирован в ходе восстания зулу 1906 г., когда начало открытому выступлению положило сопротивление, оказанное сборщикам подушного налога одной из общин конгрегационалистов. Само за себя говорит количество христиан-зулу, задержанных за участие в восстании. В июле 1907 г. в тюрьмах Наталя содержалось 500 человек, из которых 418 являлись христианами. Из них 215 человек отбывали срок за выступления против колониальных властей⁴⁴.

Таким образом, распространение христианства на юге Африки стало важной вехой в развитии мировоззрения и самосознания коренного насе-

ления — южных банту и народов кой-кой и сан. Важнейшей особенностью распространения нового религиозного учения стало то, что оно не воспринималось как чужеродная доктрина. Наоборот, христианство представляло дарованным Богом откровением, призванным защитить и объединить африканцев, находившихся под жестким прессом колониальной системы. Представляется вероятным, что содержащееся в христианстве обращение ко всем людям без различия этнических или социальных границ, привлекало таких деятелей антиколониального сопротивления как Нк'еле, объединившего под своей властью большинство родов и вождества кося.

Характер и уровень христианизации африканского населения зависели от ряда факторов, из которых одними из главных являлись степень вовлечения традиционного социума в систему колониального общества и интенсивность воздействия колониально-капиталистической системы на коренное население Южной Африки. Этим объяснялось поэтапное вовлечение африканских народностей в сферу влияния христианства. В первой половине XIX в. новая религиозная система распространялась, в первую очередь, среди кой-кой и бастардов, в то время как активная христианизация южных банту началась лишь во второй половине столетия. Они дольше сохраняли свою независимость и традиционную социальную организацию.

Широкое распространение христианства не означало отказа африканцев от антиколониальной борьбы и автоматического восприятия европейских ценностей, как того ожидали носители последнего. Наоборот, происходило объединение национальных сил уже на новой, межплеменной и межэтнической основе. В конце века были созданы африканские церкви, включавшие представителей различных этносоциальных групп Южной Африки. Это движение, как показали слушания Южноафриканской комиссии по туземным делам 1903-1905 гг., беспокоило европейцев больше, чем восстания прошлого.

Можно сказать, что в XIX в. распространение христианства сыграло прогрессивную роль в становлении национального самосознания коренного населения Южной Африки. Африканцы творчески подходили к восприятию Евангелия и стремились приспособить его к реалиям своей жизни. Происходила своеобразная африканизация христианства. Оно становилось основой для консолидации сил антиколониального протеста и объединения представителей различных этносов ради достижения общих целей.

---

¹ Carter G. The Wreck of Grosvenor. Cape Town, 1927. P. 159-160; Kay S. Travels and Researches in Caffraria. L., 1833. P. 346, 355-358; Wilson M. The Early

---

History of the Transkei and Ciskei // African Studies. 1959. Vol. 18. № 4. P. 167-179.

² Christianity in South Africa: A Political, Social, and Cultural History. Berkeley – Los Angeles, 1997. P. 25.

³ The Shaping of South African Society, 1652-1840. Cape Town, 1990. P. 187.

⁴ *Du Plessis L.* A History of Christian Mission in South Africa. Cape Town, 1965. P. 53-58.

⁵ Второе путешествие Вальяна во внутренность Африки через мыс Доброй Надежды. СПб., 1824. Т. I. С. 241; *Sparrman, R.* A Voyage to the Cape of Good Hope. In Two Vols. L., 1785. Vol 1. P. 284-285.

⁶ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. В 3-х томах. М., 1997. Т. 2. С. 381.

⁷ *Bannister S.* Human Policy; or Justice to the Aborigines of New Settlements. L., 1968. P. clxix.

⁸ Christianity in South Africa...P. 36.

⁹ *Backhouse J.* A Narrative of a Visit to the Mauritius and South Africa. L., 1844. P. 316.

¹⁰ *Show B.* Memorials of South Africa. N.-Y., 1970. P. 111-112, 188, 317-322.

¹¹ *Kay S.* Op. cit. P. 476.

¹² British Parliamentary Papers. Colonies. Africa. (Далее BPP). 24. Shannon, 1970. P. 175.

¹³ Ibid., P. 276; BPP. 25. Shannon, 1970. P. 171.

¹⁴ BPP. 24. Shannon, 1970. P. 276.

¹⁵ BPP. 23. Shannon, 1970. P. 209, 235; *Peires J. B.* The Central Beliefs of the Xhosa Cattle-killing // Journal of African History. 1987. Vol. 28. № 1. P. 59.

¹⁶ BPP. 22. Shannon, 1970. P. 514; A Compendium of Kafir Laws & Customs. Grahamstown, 1906. P. 169-171.

¹⁷ A Compendium...Op. cit. P. 81-83.

¹⁸ *Kay S.* Op. cit. P. 260-262; *Peires J. B.* Nxele, Ntsikana and the Origins of the Xhosa Religious Reaction // Journal of African History. 1979. Vol. 20. № 1. P. 56-58.

¹⁹ *Peires J. B.* Nxele, Ntsikana and... P. 59.

²⁰ *Gerard A. S.* Four African Literatures: Xhosa, Sotho, Zulu, Amharic. Berkeley, 1971. P. 26; *Switzer L.* Power and Resistance in an African Society: The Ciskei Xhosa and the Making of South Africa. Madison, 1993. P. 120.

²¹ Christianity in South Africa... Op. cit. P. 81-82.

²² *Jordan A. C.* Towards an African Literature: The Emergence of Literary Form in Xhosa. Berkeley, 1973. P. 70-71.

²³ *Peires J. B.* The Central Beliefs...P. 60.

²⁴ BPP. 25. Shannon, 1970. P. 491-492, 500.

²⁵ *Peires J. B.* The Central Beliefs... P. 43.

²⁶ A Compendium of Kafir Laws... Op. cit. P. 151.

²⁷ *Callaway C.* The Religious System of the Ama-Zulu. London, 1884. P. 77-78.

-
- ²⁸ Report and Proceedings with Appendices of the Government Commission on Native Laws and Customs. Cape Town, 1883. Minutes of Evidence. P. 152.
- ²⁹ *Soga T.* The Journal and Selected Writings. Cape Town, 1983. P. 74.
- ³⁰ Ibid. P. 153, 175.
- ³¹ From Protest to Challenge. A Documentary History of African politics in South Africa, 1882-1964. Stanford, 1972. Vol. 1. P. 69.
- ³² *Saunders C. C.* Tile and the Tembu Church: Politics and Independency on the Cape Eastern Frontier in the Late Nineteenth Century // Journal of African History. 1970. Vol. 11. № 4. P. 554-559.
- ³³ *Давидсон А. Б.* Южная Африка: становление сил протеста, 1870-1894. М., 1972. С. 158; *Тихомиров В. И.* Церковь и политическая борьба в Южной Африке. М., 1990. С. 173-174.
- ³⁴ *Green E. M.* Native Unrest in South Africa // The Nineteenth Century. 1899. Vol. 46. № 273. P. 711; South African Native Affairs Commission, 1903-1905. In 5 Vols. (Далее – SANAC). Cape Town, 1903-1905 Vol. 2. P. 679, 803, 1043; *Sundkler B. G. M.* Bantu Prophets in South Africa. London, 1961. P. 28.
- ³⁵ SANAC. Vol. 2. P. 708; *Sundkler B. G. M.* Op. cit. P. 39.
- ³⁶ *Sundkler B. G. M.* Op. cit. P. 39.
- ³⁷ *Roux. E.* Time Longer Than Rope. Madison, 1964. P. 81.
- ³⁸ SANAC. Vol. 2. P. 216, 709-710.
- ³⁹ Ibid. P. 790-794.
- ⁴⁰ *Marks S.* Reluctant Rebellion. The 1906 – 8 Disturbances in Natal. Oxford, 1970. P. 62-65.
- ⁴¹ SANAC. Vol. 2. P. 215-229, 708-716, 790-797.
- ⁴² Ibid. P. 42, 317, 411, 680, 685.
- ⁴³ *Green E. M.* Op. cit. P. 708-709; SANAC. Vol. 3. P. 531.
- ⁴⁴ *Stuart J.* A History of the Zulu Rebellion 1906 and of Dinuzulu's Arrest, Trial and Expatriation. N. Y., 1969. P. 127-129, 421.

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ МИССИОНЕРСКИХ ШКОЛ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЮЖНОЙ АФРИКИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА XIX–XX вв.

К началу XX века в Южной Африке был представлен самый широкий спектр религиозных конфессий. Это были старейшая и крупнейшая *Голландская реформатская церковь*, представлявшая в основном интересы африканеров в религиозной сфере, отделившаяся от нее *Голландская реформатская миссионерская церковь*, основанная в 1881 г. Прихожанами ее были в подавляющем большинстве цветные, влияние этой церкви распространялось на Кейп. Позже, уже в 1963 г., будет основана *Голландская реформатская церковь в Африке*. Приверженцами этой конфессии были, главным образом, африканцы. Ее церкви находились в Трансваале и Оранжевом свободном государстве. Существовали и другие реформатские церковные общинны. Все эти конфессии, несмотря на различия в теории и практике церковной службы, опирались на протестантские традиции Европы, в частности голландского и германского кальвинизма.

Помимо протестантских церквей важные позиции на Юге Африки занимала Католическая церковь. Существовали конфессии, представляющие Англиканскую церковь: собственно Англиканская церковь и Церковь Англии в Южной Африке. С начала XIX в. существовали представительства Баптистской, Конгрегационистской, Методистской и Пресвитерианской церквей. Эти церковные организации были едины в своей лояльности Британской империи, поддерживали колониальные власти, приняли сторону Англии в англо-бурской войне 1899–1902 гг.

Каждая из этих религиозных конфессий содержала миссионерские станции, главной целью которых была христианизация местного населения. Но в то же время миссионеры сделали чрезвычайно много для развития хозяйства, культуры, образования африканцев.

Европейские и американские миссионерские общества: Берлинское, Парижское, Рейнское, Лондонское, Американское также посыпали своих представителей в Южную Африку, где те основывали поселения. Берлинское миссионерское общество, основанное в 1824 г. при поддержке Германской лютеранской церкви, создала свою первую станцию в 1834 г. на территории бурских республик. Эта организация выделялась тем, что посыпала в Африку образованных миссионеров. Члены Германской миссии, основанной в 1849 г. при поддержке Лютеранской церкви Ганновера, начали свою деятельность в Южной

Африке в 1858 г. Присылаемые этим обществом миссионеры были в основном выходцами из рабочей среды, не имели хорошего образования. Вообще, социальный состав миссионеров был очень широк¹. Наиболее влиятельным было Лондонское миссионерское общество(ЛМО). Но и среди его сотрудников было немало образованных людей. Главное для миссионеров, как указывалось в правилах ЛМО, было иметь призвание к подобной работе².

Миссионеры несли коренному населению не только основы христианского вероучения, они прививали на африканской почве новую культуру, экономические и общественные отношения, старались разрушить традиционное мировоззрение африканцев. В процессе модернизации традиционных обществ Южной Африки миссионерами была проделана огромная работа, важнейшими аспектами которой стали обучение африканцев в миссионерских школах, создание письменности на языках коренных народов, формирование местной элиты – пусть небольшого, но значимого слоя европейски образованных людей.

Ряды христиан – африканцев и цветных намного пополнились после отмены рабства в Капской колонии в декабре 1838 г. Многие бывшие рабы зачастую селились рядом со своими родственниками и друзьями, уже жившими в миссионерских поселениях. Во многих таких поселках население буквально за два года с 1838 по 1840 гг. увеличилось почти в два раза. Бывшие рабы, селившиеся при миссионерских станциях (так назывались поселки, выросшие на территории миссий, при непосредственном участии миссионеров), как правило принимали христианство и отдавали детей в школу. Кроме того, такие станции были определенным барьером между бывшими рабами и фермерами, которые стремились максимально их эксплуатировать. Часто миссионеры следили, чтобы детей не отдавали в «ученичество», то есть на многочасовую тяжелую работу на ферме. Из-за этого фермеры были враждебно настроены по отношению к миссиям. Для многих бывших рабов миссионерские поселения были только перевалочным пунктом, но все же к 1848 г. четверть из них осталась проживать на станциях. Большая часть их детей имела возможность учиться, тем не менее, надо отметить, что и взрослые посещали вечерние и воскресные классы и церковные службы. И это была исключительно заслуга миссионеров.

Таким образом, многие африканцы, особенно бывшие рабы, искали на миссионерских станциях защиты от жестокой эксплуатации, которая их неизбежно ожидала на фермах европейцев. Хотя и в миссиях африканцы много работали под жестким контролем миссионеров, многие из работников видели в возможности получить образование для своих детей их пропуск в лучшее будущее. Особенно в стремлении дать своим детям образование выделялись цветные.

Вопросами образования занимались и церкви в крупных городах. Пресвитерианская церковь св. Андрея в Кейптауне открыла классы для взрослых, где они обучались чтению и письму. Иногда и жены миссионеров, которые были их убежденными соратницами, выступали в роли учителей и даже пасторов. Так, в Стелленбошской миссии Рейнского миссионерского общества обучалось около 200 детей африканцев и много взрослых, которые посещали вечерние классы. И еще 250 детей ходило в воскресную школу. В мелких городках, таких как Тулбаг или Ворчестер учащихся было меньше, но сравнимо в пропорциональном отношении с количеством африканцев-учащихся Стелленбоша. В 1838 г. в Дженадендейле (городке, выросшем из миссионерской станции) была открыта школа для подготовки учителей-африканцев. Ее выпускники пополнили ряды преподавателей Капской колонии³.

Цели, которые преследовали миссионеры, давая образование африканцам, главным образом заключались в стремлении обратить их в христианство. Проще всего этого было добиться через детей, забрав их от родителей для обучения и отделив от влияния прежней среды. Но с серединой XIX в. многое изменилось. Родители-африканцы, прежде всего вожди и их окружение, сопротивлявшиеся ранее тому, чтобы их дети забирались в школу, оказались вынуждены сами платить за образование своих детей и были готовы это делать. Миссионерские школы иногда конкурировали между собой, привлекая учеников. Подобный случай был отмечен в 1879 г., когда в своего рода соревнование вступила духовная семинария Эдендейл, основанная методистским священником Х.Камероном, и Высшая школа американских конгрегационалистов. А за детей богатых африканцев в Кейптауне шла настоящая борьба, в которой активно соперничали американские миссионеры и миссии Англиканской церкви⁴.

Бедные родители могли дать своим детям очень скучное образование, которое состояло в получении навыков чтения, письма и азов арифметики. Языком обучения был английский. Но надо отметить, что африканцы в подавляющем большинстве и не понимали значения и преимуществ полноценного европейского образования. Показательно, что иногда родители вступали в спор с руководителями миссий о том, чему и как следует учить их детей.

Так, в 1876 г. глава миссионерской станции недалеко от Ледисмита Вильгельм Иллинг поссорился с родителями своих учеников. Они были недовольны тем, что Иллинг и его жена обучали детей нескольким европейским языкам: английскому, немецкому и даже латыни и греческому, а также географии, европейской истории и теории музыки. Родители настаивали на том, что их детям не нужно ничего, кроме азов грамотности (арифметики, чтения и письма на английском языке). По-

сле того как Иллинг отказался удовлетворить их требования, родители пригрозили забрать своих детей из школы и самим найти учителя. С трудом конфликт был разрешен. Желающие обучаться по усложненной программе продолжили учебу у миссионера. Для тех, кто хотел ограничиться азами грамотности, Иллинг нанял молодого учителя-африканца за 3 ф.ст. в неделю⁵.

С середины XIX в. в процесс обучения вмешивается государство. Хотя большинство школ по-прежнему остаются в руках миссий, начинается оформление государственного образования. Поддержка миссионерским школам со стороны правительства была оказана в 1850-х – 60-х гг. в английских колониях. В 1854 г. в Капской колонии была разработана система государственного субсидирования миссионерских, частных и фермерских школ, так называемая система гарантiiй. Она была закреплена законом в 1858 г. Появляются бесплатные школы по английскому образцу. Во второй половине XIX в. государственные школы основываются и в Натале. В Оранжевом свободном государстве организация начальных государственных школ начинается с 1848 г., а с 1882 г. на нужды образования государство направляло уже 15% бюджета. Большая часть этих средств шла на субсидирование миссионерского обучения. В Трансваале общее количество школ достигает к концу XIX в. 484, в основном это были миссионерские учебные заведения⁶.

Сами миссионеры активно стремились получать субсидии от правительства. Сэр Джордж Грей – верховный комиссар по делам Южной Африки в 1855 г. профинансировал школу для сыновей вождей и выделил значительные средства на обучение африканцев ремеслам в крупных поселках Кейпа. Согласно Хартии Наталя, принятой в начале 60-х гг. XIX в., на цели, связанные с задачами улучшения благосостояния африканцев, направлялось до 5 тысяч ф.ст. в год. В 1865 г. около 40% этого фонда было перечислено на помощь миссионерским школам. По данным правительства к 1880 г. около 3 тысяч африканских учеников посещали занятия. Но в подавляющем большинстве они учились в миссионерских школах, многие из которых существовали за счет взносов родителей⁷.

С течением времени направленность образования африканцев на получение профессиональных навыков росла. В 1865 г. в правительстве был рассмотрен отчет доктора Манна по профессиональному обучению за предыдущий год, где описывалась работа 6 школ, все они были при миссиях. В этих школах обучали таким специальностям как плотник, краснодеревщик, каменщик, швея, а также методам ведения сельского хозяйства⁸.

В 1880-е гг. к правительенной политике, нацеленной на развитие профобучения для африканцев, присоединились миссионеры католической церкви. Основанное ими в Натале поселение Марианхилл имело школу, где предоставлялось профобучение высокого уровня. Помимо каменщиков, плотников и краснодеревщиков, здесь готовили сапожников, портных, жестянщиков, лудильщиков, печатников и даже фотографов. Глава Марианхилла писал, что, в случае обучения африканцев, как бы это ни казалось плохо, совершенно необходимо, чтобы юноши и девушки отдавали предпочтение получению профессиональных навыков перед академическими предметами⁹.

В своем желании получить правительственные субсидии миссионеры наталкивались на серьезнейшее сопротивление фермеров. Последние заявляли, что незачем активно развивать образование африканцев, поскольку им нужны хорошие работники, но не фермеры и не ремесленники-мастера.

Высокой точки конфликт между миссионерами и белыми жителями Натала достиг в 1893 г., когда Наталю было предоставлено право на самоуправление. Особое внимание властей Натала привлекла Американская миссия среди Зулу, имевшая огромное влияние и большие земельные владения. (К началу XX в. под управлением американских миссий находилось 59 начальных, 3 средних школы, теологический колледж. Всего в них обучалось 3964 ученика.) Еще с середины XIX в. школы американской миссии получали поддержку правительства Натала, для чего был создан резервный фонд, размером в 5.000 ф.ст. В 1880-х гг. было принято новое законодательство, по которому африканцы сами вносили налог на собственные нужды, часть из этой суммы направлялась на образование. Колонисты остались тверды в своем стремлении сохранить стандарты обучения африканцев на самом низком уровне и после 1893 г.¹⁰

Правительство за счет денежных субсидий и собственности на землю, на которой находились миссионерские станции, контролировало миссионерские школы, вынуждая миссионеров сохранять низкие стандарты обучения и уделять преимущественное внимание профобучению.

Возможность получить образование высокого качества была для африканцев минимальна. Редкой удачей для них была путевка от миссионерского общества в европейские или американские вузы. Небольшое количество африканцев было направлено таким образом в американский университет Говарда. Первые выпускники появились в Натале в 1876 г. Среди них были Дж. Дьюб, Х. Мсиманг, А. Чемпион, С. Мсане, А. Лутули¹¹.

Обучение в школах при миссиях влияло на формирование интереса африканцев к политике, сказывалось на их дальнейшей профессио-

нальной деятельности. По подсчетам правительства к 1911 г. более четверти африканцев относили себя к христианам разных конфессий. Многие из них получили образование в миссионерских школах, где, наряду с чтением, счетом и письмом, они получали представление о религиозных доктринах и ценностях христианской религии, правовых основах европейского общества. Многие образованные африканцы затем становились лидерами политических движений и объединений. Главным объектом для их критики была идея расовой дискриминации, которая уже была законодательно закреплена в конституции 1909 г. Именно образованные африканцы, бывшие воспитанники миссионерских школ активно участвовали в созыве и работе в Блумфонтейне в 1912 г. Южноафриканского туземного национального конгресса, который затем, в 1923 г., был преобразован в Африканский национальный конгресс. Значение и место этой организации в политической жизни Южной Африки XX в. трудно переоценить.

С началом XX в. южноафриканское общество вступает в век идеологической борьбы, социальных, национальных и расовых конфликтов как между европейцами и африканцами, так и между разными группами белого населения. Буры, которые составляли большую часть белого населения Южной Африки, с их деревенским образом жизни и практическим фермерским мышлением, в большинстве своем неграмотные или не получившие систематического образования, были втянуты после открытия месторождений золота и алмазов в систему мировой экономики, в процессы индустриализации и урбанизации, развития идеального плюрализма. По сути, политический конфликт, который возник на рубеже веков, имел в своем основании глубинные различия между обществом, тяготевшим к неизменным, традиционным ценностям, которые помогали ему выживать в суровых условиях два с половиной века, и обществом, выступавшим за прогресс и поддерживавшим его.

Точкой кипения конфликта стало формирования ЮАС. Процесс строительства этого государства был осложнен казавшимися неразрешимыми противоречиями англичан и африканеров, в том числе в области языка, религии и системы обучения. Их идеальные противоречия в начале века можно охарактеризовать как борьбу модернизаторской и консервативной тенденций. Но, конечно, в каждом лагере были свои непримиримые борцы и сторонники компромиссов.

Начало XX в. – это и время мобилизации африканеров, их социального строительства. Это начало процесса их долгой и зачастую болезненной идеальной и социальной модернизации. Африканеры чувствовали себя униженными, тяжело переживали поражение в войне, боялись остаться на вторых ролях в будущем союзе. Хотя они составляли большинство (60%), буры не чувствовали себя хозяевами в новом государстве.

стве. ЮАС стал доминионом Британской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все это подогревало бурский национализм и толкало их к сопротивлению.

В начале XX в. в Трансваале возникло движение буров против модернизации, поддержанное церковью. Африканерские националисты придерживались патриархальных, консервативных взглядов на власть и ее структуры, высоко оценивали роль религии в обществе. Центральным для них был вопрос о поддержке суверенности бурских государств и образа жизни африканеров. Националисты-буры придерживались своего, особого взгляда и на обучение: оно должно было быть основано на христианских принципах. Подобная идея развивалась в бурских республиках еще перед англо-бурской войной в независимой теологической школе Бюргерсдорп, ставшей позднее известнейшим Польфструмским университетом христианского высшего образования. Основой христианского образования стали доктрины Голландской реформатской церкви, неизменные еще с XVII в. Все науки должны были изучаться на основе идеи о божественном происхождении всего живого на земле. Борьба против наступления атеизма для буров была связана с борьбой против господства англичан, которые, по мнению буров, воплощали в жизнь атеистическую идеологию. Идеи Просвещения, доктрина эволюции Чарльза Дарвина стали проникать в трансваальские школы после англо-бурской войны и ассоциировались с экспансиею англичан.

После англо-бурской войны 1899–1902 гг. по всей Южной Африке внедряется английская школьная система и секуляризация образования. Церковь сопротивляется этому процессу.

В 1902 г. в Трансваале была создана комиссия по христианско-националистическому образованию. Она была организована при широкой поддержке населения и одобрена таким прогрессивным лидером как Ян Смэтс. Гуманистические идеи были признаны иностранным влиянием, чуждым национальному духу африканеров. Результатом деятельности комиссии стало открытие в Трансваале за три года (с 1902 по 1906) около 300 школ с христианско-националистической программой обучения. Это был, безусловно, ответ со стороны части африканеров, которая была недовольна усилением Англии на Юге Африки. Но силы были не равны. К 1907 г., когда субсидии из Нидерландов прекратились, эти школы были закрыты вследствие недостаточности финансирования¹².

Попытки возобновить движение за христианско-националистическое обучение возобновлялись неоднократно. Так, в 1918 г. в Претории была проведена конференция по формированию политики в области образования в русле идей христианско-националистического обучения. Церковь

ные деятели убеждали общественное мнение в лице школьных родительских советов в его необходимости. В 1943 г. в Почефструме прошла конференция, где была сформулирована «Программа действий и принципов по школьному обучению», а для ее внедрения в жизнь был назначен специальный совет¹³.

На протяжении XX в. Голландская реформатская церковь боролась против модернизации в любых ее проявлениях. Она контролировала не только духовные учебные заведения, но и светские вузы. Под ее официальным контролем находился Университет Претории. А с 1948 г., после официального признания политики христианско-националистического образования, религиозный характер обучения в духе протестантизма стал государственной политикой.

В Кейпе, в отличие от Трансвааля, противоречия между африканерской и английской частями населения были к началу XX в. уже не столь острыми. Не внесла существенного изменения в них и англо-бурская война. Хотя много африканеров поддерживали борьбу буров Оранжевого свободного государства и Трансвааля, они не были столь непримиримы потом, когда англичане победили. Но в Кейпе были и те, кто выступал за усиление влияния идей «африканерского евангелизма» в общественной жизни и, в частности, в обучении, связанные как правило с Голландской реформатской церковью. Идеологически образование в Кейпе опиралось на традиционные европейские ценности того времени.

После 1910 г. (образования Южно-Африканского Союза) на первое место выходит план создания единой системы обучения. Хотя образование африканцев по-прежнему было делом церкви, миссионерским школам уделялось все меньше внимания.

С другой стороны, Голландская реформатская церковь также не избежала критики со стороны реформаторов, выступавших за модернизацию. Некоторые аспекты этой критики касались роли миссионеров в жизни общества, их стремления сохранить влияние миссий, которое вступало в противоречие с государственной политикой.

В 1920-е гг. получило широкую огласку дело профессора Стелленбушской духовной семинарии Дж. Дю Плесси. Помимо своей преподавательской деятельности он был известен как автор книг, описывающих три его путешествия по Африке. Он был старейшиной миссионерского движения, имел в нем большой вес. По мнению дю Плесси Африка стояла на пороге духовного и культурного ренессанса, возглавить который должны миссионеры. Дю Плесси был сторонником модернизации религии. Он выступал за тесную связь теологии и науки, за согласование с ней Библии. Для популяризации своих идей он основал журнал «Поиск света» («The Search Light»).

Бурная реформаторская деятельность известного преподавателя и миссионера вызвала раздражение в руководстве Голландской реформатской церкви и в 1930 г. дю Плесси отстранили от преподавания в семинарии. Но увольнением дело не ограничилось. Вопрос разбирался на церковных слушаниях, где до Плесси обвиняли в искажении основных религиозных постулатов, таких как авторство Моисеем первых пяти книг Библии или о божественном вдохновении при создании «Вечной книги». Но главное порицание получило признание дю Плесси дарвиновской теории эволюции. Дело бывшего преподавателя семинарии дважды рассматривал Верховный суд¹⁴.

Этот яркий пример наглядно показывает, насколько значение религии и церкви было велико в жизни южноафриканского общества в 20-е – 30-е гг. XX в. Теология была тесно связана с сферой образования, и жесткая политика Голландской реформатской церкви, преследуя новации в теологии, консервировала косность и отсталость в обучении. В этом отношении образование, ориентированное на английскую модель, было гораздо прогрессивнее.

В то же время надо отметить, что на сторону дю Плесси встали видные деятели африканерской оппозиции, в том числе из религиозной среды. Среди поддержавших опального миссионера были и генерал и политический деятель Я. Смэтс, и староста конгрегации Кейптауна Е. С. Малан, который отозвался на дело дю Плесси работой «Наша церковь и профессор дю Плесси», в которой выносил на обсуждение проблему внедрения научных идей, достижений техники в теологию и церковную практику.

После прихода к власти Национальной партии в 1948 г. начинается разработка Закона об образовании банту, который был принят в 1953 г. В числе прочего этот закон касался вопроса о миссионерских школах. 17 % из них на тот момент принадлежали католической церкви, остальные – протестантским конгрегациям. По новому закону субсидии, предоставляемые правительством миссионерским школам и шедшие в основном на зарплату учителям, должны были быть отменены в течение 4 лет. Все школы ставились на государственный учет. Только ученики, принадлежащие к данной конфессии, могли быть приняты в ее школу¹⁵.

Все церкви закрыли свои школы в течение года. Против закона 1953 г. выступили некоторые деятели церкви, например, епископ Ривз, активно боровшийся в парламенте. Но в конечном итоге, все конфессии капитулировали и потеряли контроль за лучшими образовательными учреждениями в стране и свое влияние на обучение африканцев.

Только Римской католической церкви удалось сохранить свои школы дольше всего за счет помохи католиков Южной Африки и европейских стран. Компанию за сохранение миссионерских школ возглавил

американский священник П. Руффель. Было собрано около миллиона ф. ст., создан фонд, который обеспечивал существование католических школ много лет, но денег не хватало. Учителя в этих школах получали зарплату ниже, чем учителя такой же квалификации в государственных школах, многие уходили¹⁶. Кроме того, число католических начальных школ сократилось и из-за переселения африканцев по закону о расселении, а также из-за того, что учеников-некатоликов не могли принимать в эти школы.

В 1972 г. все начальные школы католической церкви были закрыты или переданы государству. Сохранилось несколько средних школ. А к 1995 г. оставалось несколько высших школ для африканцев. Католическая церковь к концу XX в. существенно увеличила число африканцев – прихожан. К 1990-м гг. католическая церковь имела больше черных прихожан, чем другие христианские конфессии. 80% среди католиков были африканцы. Рост популярности католической церкви был связан с тем, что она заняла оппозиционную позицию против правительства, проводившего политику апартеида¹⁷.

---

¹ Christianity in South Africa. A political, Social, and Cultural History. Ed. by R. Elphick. Berkeley, 1997. P. 131.

² Lovett R. The History of the London Missionary Society. 1795-1895. L., 1899. Vol. 1. P. 43.

³ Christianity in South Africa... Op. cit. P. 46.

⁴ Ibid. P.99.

⁵ Ibidem.

⁶ Standard Encyclopaedia of Southern Africa. Elsies River (Cape), 1977. P. 227, 231, 235, 240.

⁷ Welsh D. The Roots of Segregation. Cape Town, 1971. P.206.

⁸ Christianity in South Africa... Op. cit. P.104.

⁹ Brain J. Catholics in Natal. 1886-1925. Vol. 2. Durban, 1982. P. 153.

¹⁰ Christianity in South Africa... Op. cit. P. 105.

¹¹ Ibidem.

¹² Грибанова В.В. Образование в Южной Африке. От апартеида к демократическим преобразованиям. М., 2003. С. 17-18.

¹³ Cristianity in South Africa... Op. cit. P. 137.

¹⁴ Ibid. P. 138.

¹⁵ Behr A.L. New Perspectives in South African Education. Durban, 1978. P. 165-166.

¹⁶ Бантинг Б. становление южноафриканского рейха. М., 1965. С. 253-254.

¹⁷ Brown W. E. Catholic Church in South Africa. From its Origins to the Present Day. L., 1960. P. 339.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА И АФРИКА

Сталинградская битва – крупнейшее сражение Второй мировой войны – во многом предопределила победу союзных держав. Ее последствия оказались не только на советско-германском фронте, но повлияли на ход операций на других континентах, в частности, в Африке. В этой публикации предпринята попытка исследовать, как Сталинградская битва отразилась на ходе Второй мировой войны, на боях в Египте и Ливии, а также операции «Факел» – высадке англо-американских войск в Северной Африке¹.

Статья посвящена преимущественно анализу планов руководителей фашистской Германии по превращению Африки в один из театров военных действий для установления мирового господства, и в связи с этим, основана, главным образом, на документах немецкого вермахта (армии) и свидетельствах его генералов.

Стратегические планы Германии на 1941 г.

Осуществляя вторжение в Советский Союз, руководство Германии было уверено, что война будет носить скоротечный характер и принесет безоговорочную победу немецким войскам. Поэтому еще до 22 июня 1941 г. стали разрабатываться планы операций, которые будут осуществлены после падения России. Этому, в частности, посвящена директива ОКВ (Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии) № 32 от 19.06.1941 г. В ней дается оценка вероятной ситуации в мире после намеченного разгрома вооруженных сил Советского Союза и утверждается, что «Германия и Италия будут господствовать в военном отношении на всем европейском континенте». Далее в директиве определялись основные стратегические задачи на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 гг. К их числу относилась, в частности, борьба «против английских позиций на Средиземном море и на Ближнем Востоке путем концентрического наступления, которое планируется провести из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, а также, в зависимости от обстановки, из Закавказья через Иран и Ирак с выходом к Персидскому заливу у Басры». Корпусу Роммеля из Африки предстояло соединиться в Ираке с наступающими из Закавказья войсками.

Вступая в войну с Советским Союзом, германское командование рассчитывало, что победа в России будет достигнута к августу 1941 г. Это позволило бы в течение ноября 1941 – сентября 1942 гг. осуществить захват Кавказа и обеспечить продвижение к Багдаду².

Сразу после начала войны против Советского Союза германское командование с оптимизмом оценивало ситуацию. В документе от 30 июня 1941 г. указывалось, что наступление из Ливии на Египет будет предпринято осенью. В нем примут участие четыре танковые и три моторизованные дивизии. Для вторжения в Ирак через Закавказье намечалось создать оперативную группу «Кавказ – Иран» в составе двух танковых, одной моторизованной и двух горно-стрелковых дивизий (доп. № 24)³.

В июле 1941 г. был разработан «План наступления через Кавказ», ставивший задачу овладеть кавказскими нефтяными районами и занять к сентябрю 1942 г. перевалы на иранско-иракской границе для дальнейшего продвижения на Багдад.

Операцию намечалось осуществить в шесть этапов (предположительная продолжительность – ноябрь 1941 г. – сентябрь 1942 г.):

1. Овладение районами стратегического развертывания сил на Северном Кавказе (с ноября 1941 г.).
2. Развёртывание сил для наступления через Кавказ (до конца мая 1942 г.).
3. Наступление через Кавказ двумя фазами (июль 1942 г.).
4. Наступление через Закавказье до Аракса.
5. Овладение исходными позициями в районе Тебриза и Керманшаха для последующего выхода к ирано-иракской границе.
6. Достижение цели операции – овладение пограничными перевалами Ревандуз и Ханаган (4–6 июля – начало сентября 1942 г.).

В плане утверждалось, что предпосылкой для второго и третьего этапов (наступление через Кавказ) является выход к Волге зимой 1941 г.

Кавказ намечалось преодолеть по трем направлениям крупными силами, включая моторизованные:

- а) по шоссейной дороге вдоль Черноморского побережья через Туапсе, Сухуми, Кутаиси, Батуми;
- б) по Военно-Грузинской дороге Владикавказ – Тбилиси;
- в) вдоль железнодорожной линии у побережья Каспийского моря через Махачкалу, Дербент, Баку.

Цели, намеченные в директиве ОКВ № 32, стали конкретизироваться по мере развития ситуации на советско-германском фронте. После взятия Смоленска, в германском руководстве наметились разногласия относительно главного направления дальнейшего наступления. Генералы Браухич и Гальдер настаивали на захвате Москвы, Гитлер же отдавал предпочтение наступлению на севере и юге России. 21 августа 1941 г. было принято решение, основанное на позиции Гитлера. Был издан приказ, гласивший, что главная задача вермахта до наступления

зимы не взятие Москвы, а захват Крыма, Донбасса и быстрое продвижение на юге.

В записке от 23 августа 1941 г. по вопросу о продолжении операций на советско-германском фронте Гитлер отмечал: «Крайне необходимо, как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть». Поэтому «проблема Москвы по своему значению существенно отстает на задний план»⁴.

Для операции по захвату Донбасса, юга Украины и Крыма была выделена 2-я танковая группа. О ее повороте на Юг впервые упоминается в директиве ОКВ № 33 от 19 июля 1941 г. и в дополнении к ней от 23 июля 1941 г.⁵

Бросок на Кавказ

Как известно, планы Германии о молниеносной войне против Советского Союза, о разгроме его армии в течение шести недель провалились. Зимой 1941-1942 гг. немецкие войска были остановлены, а затем отброшены от Москвы. Руководители вермахта перенесли свои надежды на победу на 1942 г. Общую задачу сформулировал Гитлер. 15 марта 1942 г., выступая в Берлине, он заявил: «Советы будут этим летом разгромлены»⁶.

К весне 1942 г. стало очевидно, что немцы не смогут вести наступление по всему фронту. Возникла проблема выбора – атаковать Москву или Кавказ. Взятие Москвы давало военно-политический выигрыш, бросок на Кавказ мог принести дополнительные и экономические выгоды: уголь, нефть, зерно. Удар по Кавказу неизбежно требовал захвата Сталинграда, чтобы избавиться от угрозы левому флангу наступающих на Кубань немецких армий⁷.

3 января 1942 г. в беседе с послом Японии Гитлер заявил, что «он намеревается, как только погода будет благоприятствовать этому, возобновить наступление в направлении Кавказа». Он объяснил, что «это направление является наиболее важным... что необходимо выйти к нефтяным месторождениям, а также к Ирану и Ираку... Это поможет также освободительному движению арабских стран добиться решающего успеха. Конечно, он, кроме того, предпримет все, чтобы уничтожить Москву и Ленинград». Далее Гитлер сообщил послу, что армия Роммеля в Северной Африке станет ударной группировкой, совершающей обходной маневр с юга⁸.

Наряду с общими соображениями о важности наступления на Юг Гитлер руководствовался и более конкретными расчетами. Он полагал, что наступление на Сталинград позволит рассечь советский фронт на две части и отрезать Кавказ от центральных районов России⁹. Он, далее, считал, что Юг как театр военных действий имеет очевидные пре-

имущества для германской армии. Там сосредоточено меньше советских войск; местность позволяет использование крупных бронетанковых соединений. Это, в свою очередь, дает возможность для охвата и окружения группировки советских войск. Учитывались и некоторые другие обстоятельства. Захват Донбасса, Кубани, Нижней Волги и Кавказа укреплял военно-экономическую базу Германии, лишал СССР связей с внешним миром через Иран, позволял втянуть в войну Турцию и развернуть повстанческое движение в арабских странах¹⁰.

В директиве ОКВ № 41 от 05.04.1942 г. планы на летнюю кампанию характеризовались следующим образом: «Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». Для этого необходимо, «сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суще с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ... Все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет». Глубокий прорыв на Кавказ – это «главная операция». В пункте 4 директивы особо оговаривалось, что «главная задача летней кампании состояла не в захвате Сталинграда, а в завоевании Кавказа с его нефтяными промыслами». Но до наступления на Кавказ предстояло уничтожить вооруженные силы России в районе западнее Сталинграда¹¹.

К 11 апреля 1942 г. Генеральный штаб Сухопутных войск на основе директивы № 41 разработал план наступления на Кавказ. (Эта операция первоначально имела кодовое название «Зигфрид». Однако Гитлер, столкнувшись с трудностями при реализации плана «Барбаросса», стал избегать великих имен из немецкой истории, и 5 апреля 1942 г. изменил код «Зигфрид» на «Блау», а 30 июня – на «Брауншвейг»). Начало операции было назначено на конец июня¹².

Наступление осуществляли две группы армий – «А» и «Б». Группа армий «А» получила задачу окружить и разгромить советские войска южнее и юго-восточнее Ростова, овладеть Черноморским побережьем Кавказа. Группе «Б» предстояло захватить Сталинград и часть своих сил двинуть на Астрахань.

Операция началась 28 июня 1942 г. По двум расходящимся стратегическим направлениям наступление на Кавказ вели 17-я армия, а также 1-я и 4-я танковые армии, а против Сталинграда – 6-я армия. В ходе боев стало ясно, что «судьба Кавказа будет решена под Сталинградом», и поэтому туда была переброшена 4-я танковая армия¹³.

Армии, наступавшие на Кавказ и Сталинград, располагали 60 немецкими дивизиями, что покрывало лишь 70% от расчетных потребностей. В связи с этим группировке были приданы соединения союзников (румын, итальянцев) – 25 дивизий и бригад. Но даже вместе с ними численность группировки приравнивалась к 70 немецким дивизиям, что также было явно недостаточно¹⁴.

В Директиве ОКВ № 45 от 23.07.1942 г. «О продолжении операции «Брауншвейг» повторялись основные положения директивы № 41 от 05.04.1942 г. В частности, в ней говорилось: ближайшая задача – окружить и уничтожить противника в районе южнее и юго-восточнее Ростова; овладеть восточным побережьем Черного моря; захватить местность в районе Майкопа и Армавира и выйти к перевалам через Кавказский хребет; захватить Грозный и ударом вдоль Каспийского побережья овладеть Баку.

Директива № 41 была противоречива, главной задачей кампании назывался Кавказ, но большая часть войск была брошена на Сталинград. Эта двойственность вела к распылению сил и средств¹⁵.

Директива № 45 от 23.07.1942 г., поставила конкретные задачи войскам. В соответствии с ней группа армий «А» силами армейской группы Руффа (17-я армия и 3-я румынская армия) наносила удар через Западный Кавказ, вдоль побережья Черного моря, на Батуми, а силами 1-й и 4-й танковых армий продвигалась к Майкопу и Грозному, овладевала перевалами Центрального Кавказа и устремлялась на Тбилиси и Баку.

Группа армий «Б» имела задачу силами 6-й армии захватить Сталинград и двигаться в направлении Астрахани¹⁶.

Группой армий «А», брошенных на Кавказ, командовал фельдмаршал Лист, в октябре 1942 г. его сменил генерал-полковник Эвальд фон Клейст. В 1-й танковой армии Клейста было около тысячи танков. В 17-ю армию генерал-полковника Руффа входило 12 дивизий. Клейсту также подчинялись группировки румынских войск: 5, 6 и 9-я кавалерийские дивизии, 2 и 3-я горно-стрелковые и 19-я пехотная дивизии¹⁷.

19 июля 1942 г. командующий 6-й армии генерал-полковник Паулус получил приказ Гитлера взять Сталинград. Его армию отделяло от города 120 км. В конце августа 1942 г. немецкие войска подошли к Сталинграду. Однако вопреки ожиданиям взять город с ходу не удалось. Развернулись упорные бои. Описанию кровопролитных сражений в городе посвящена огромная литература. Здесь достаточно лишь пунктиро отметить основные вехи битвы, как она виделась немецким генералам.

В середине сентября 1942 г. руководству вермахта стала очевидной бесперспективность операции под Сталинградом. Между Гитлером и начальником Генерального штаба Сухопутных войск генералом Гальдером происходили резкие споры о разумности дальнейшего наступления

ния на город. Гитлер был явно недоволен позицией Йодля и Гальдера. Последний 24 сентября потребовал остановить наступление на Сталинград. 25 сентября Гальдер был заменен Цейтцлером. Свое решение Гитлер объяснил так: «Я отстранил генерала Гальдера потому, что он не мог понять духа моих планов»¹⁸.

19 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом. 22 ноября немецкие войска здесь были окружены. Гитлер тут же перебросил туда танковую дивизию с Кавказа. Затем с Кавказа под Сталинград были отправлены и другие части и соединения. 12 декабря 1942 г. немецкие войска предприняли попытку деблокировать 6-ю армию. 21 декабря они были в 45 км от города, но к 23 декабря их наступление захлебнулось¹⁹.

По свидетельству Паулюса, 20.01.43 г. он доложил командованию, что ему предъявлен ультиматум о капитуляции. В ответ ОКХ (Генеральный штаб сухопутных войск) сообщил: «Капитуляция исключена» и предложил сопротивляться до последнего, чтобы «облегчить создание нового фронта в районе Ростова и севернее и отвод кавказской группы армий». 30 января 1943 г. 6-я армия Паулюса капитулировала²⁰.

На первом этапе наступления на Кавказ немецкие войска также добились крупных успехов. В июле они достигли Краснодара и Ставрополя. В первой половине августа 1942 г. они полностью захватили Кубань, взяли Майкоп (8 августа), достигли Моздока (25 августа). Нависла угроза над нефтяной промышленностью Грозного и Баку. В конце августа они достигли Эльбруса. Гитлер рассчитывал взять Баку к 25 сентября²¹.

Но для одновременного наступления на Сталинград и Кавказ сил явно не хватало. В середине августа 1942 г. наступление группы армий «А» было приостановлено, к концу месяца оно явно застопорилось. Стало очевидно, что грандиозные задачи, поставленные перед группой армий «А», не могут быть осуществлены. Войска продвигались вперед с трудом. Резервов не было. Туапсе, Сухуми, Кисловодск не были взяты. Командование вермахта оказалось перед выбором: ради Кавказа отказаться от Сталинграда либо ради Сталинграда отказаться от Кавказа.

Вскоре самому Гитлеру стало ясно, что операция на Кавказе провалилась. К середине октября наступление на Туапсе – Сухуми окончательно выдохлось, перевалы пересечь не удалось. 14 октября 1942 г. Гитлер отдал оперативный приказ № 1 о переходе к стратегической обороне на Кавказе. В приказе говорилось: «Летняя и осенняя кампании этого года... завершены. Достигнуты крупные результаты... Противник отброшен на Кавказ и Дон, а Центральная часть России в основном отрезана от районов Кавказа». Ставилась задача на зиму 1942–1943 гг.: удерживать достигнутые рубежи, и «создать предпосылки для

продолжения нашего наступления в 1943 г. в целях окончательного уничтожения нашего опаснейшего врага»²².

24 декабря 1942 г., еще до капитуляции 6-й армии Паулюса под Сталинградом, советские войска развернули наступление против немецкой группировки на Кавказе. Под их напором 5 января 1943 г. немецкие части начали оставлять перевалы Главного Кавказского хребта. Их положение стало критическим.

13 декабря 1942 г. советские войска осуществили прорыв на среднем течении Дона и устремились к Ростову.

Это наступление поставило под угрозу окружения и изоляции группу армий «А» численностью около 700 тыс. солдат. В ночь с 27 на 28 декабря Цейтцлер доложил Гитлеру: «Если вы сейчас не прикажите отвести войска с Кавказа, там возникнет новый Сталинград». Гитлер согласился с планом постепенного отвода войск с Кавказа.

Оперативный приказ ставки вермахта № 2 от 28.12.1942 г. гласил: «Группе армий «А», сохранив позиции по побережью и в горах, постепенно начать отход на «сокращенные рубежи», оставляя после себя выжженную землю».

Вместо планомерного отступления началось поспешное бегство. С большим трудом генералу Клейсту удалось отвести группу армий «А» за нижнее течение Дона. Он настоял на ее отводе вопреки мнению Гитлера. В результате немцы спасли 1-ю танковую и 17-ю полевую армии. При отходе с Кавказа 1-я танковая армия двигалась через Ростов, 17-я армия перебазировалась на кубанский плацдарм.

Итак, попытка одновременно добиться двух целей – взять Сталинград и прорваться через Кавказ на Ближний Восток провалилась, ибо это решение повлекло за собою распыление сил, привели к растянутым коммуникациям и неизбежным перебоям в снабжении, что и обусловило катастрофу Германии под Сталинградом²³.

Подводя итоги наступлению вермахта на Кавказ, видный исследователь проблемы Ф.Меллентин писал: «Наступление немецких войск летом 1942 года могло бы привести к важным результатам, если бы Гитлер не распылил своих усилий между двумя главными целями: Сталинградом и Кавказом. В результате его армии достигли Кавказа, но не захватили нефтяных промыслов, вышли на Волгу к Сталинграду, но не овладели городом. В итоге русские армии не только не были разбиты, но даже сумели осуществить контрнаступление с невиданным превосходством в живой силе и технике». В другом месте этот автор отмечал: «Осенью 1942 года Гитлер совершил грубейшую ошибку... Распыление сил между Кавказом и Сталинградом привело к краху всей кампании»²⁴.

Сталинград – поворотный пункт войны

В ходе летней кампании 1942 г. вермахту удалось добиться крупных территориальных успехов. Германская армия вышла к Сталинграду и прорвалась на Кавказ. Но главная цель не была достигнута: советская армия сохранила боеспособность. Захват Кавказа, вторжение в Иран и Ирак, установление контакта с вооруженными силами Японии, вовлечение в войну Турции, выход на Ближний Восток и угроза Африке – все это оказалось несбытывшимися мечтами. Летняя кампания 1942 г. закончилась крахом – разгромом под Сталинградом и паническим бегством с Кавказа. «На немецкие войска южного крыла советско-германского фронта неотвратимо надвигалась небывалая военная катастрофа»²⁵.

Битва за Сталинград, по словам командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Паулюса^{*}, давала «последний для Германии шанс выиграть войну». Ее результат – вероятность «полного поражения» и, следовательно, проигрыша всей войны. После разгрома под Сталинградом мысли о победе были забыты, задача состояла лишь в том, чтобы «спасти крупные немецкие силы, находившиеся на Кавказе»²⁶.

2 февраля 1943 г. советская армия окончательно подавила сопротивление немецких войск под Сталинградом. Это была выдающаяся победа. Как признают немецкие историки, если бы вслед за Сталинградом русские взяли Ростов, «немецкая группа армий на Кавказе оказалась бы отрезанной и ее постигла бы судьба немецкой армии под Сталинградом»²⁷.

Общие потери сухопутных войск Германии в 1942 г. составили 1928 тыс. человек, причем почти половина этих потерь (988 тыс.) приходится на летне-осеннюю кампанию (май-октябрь), т.е. на бои под Сталинградом и на Кавказе²⁸.

Поражение под Сталинградом и на Кавказе подорвало основу Восточного фронта Германии и оказалось поворотным пунктом всей войны. Осознавали ли руководители Германии масштабы постигнувшей их катастрофы? Судя по всему, да. На совещании в «Волчьем логове» 1 февраля 1943 г. Гитлер оценил крах летне-осенней кампании 1942 г. в таких словах: «Возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует». По свидетельству Э.Манштейна, 5 февраля 1943 г. Гитлер лично ему заявил: «Я один несу ответственность за Сталинград!»²⁹.

---

* Гитлер произвел Паулюса в генерал-фельдмаршалы в надежде избежать его согласия на капитуляцию.

В целом, большинство немецких военачальников считало фатальной ошибкой Гитлера в 1942 г. выбор главной цели – Кавказ, а не Москва, – а также раздвоение сил между Сталинградом и Кавказом³⁰.

Как относились к планам Германии на летнюю кампанию 1942 г. руководители Советского Союза и его союзника Великобритании? И.В.Сталин полагал, что в планы немецкого командования входило захватить Сталинград 25 июля, Баку – 25 сентября³¹.

Англичане были серьезно обеспокоены тем, что немцы в конце августа 1942 г. преодолеют Кавказ и прорвутся в Иран и на Ближний Восток. Они не исключали, что Роммель форсирует Суэцкий канал и вторгнется в Палестину, а немецкие соединения с Крита и Додеканеса (Греция) – в Сирию³².

В середине августа 1942 г., находясь в Москве, Черчилль предложил разместить на Кавказе в районах Баку и Батуми англо-американские воздушные силы. По словам Черчилля, цель – создать «передовой заслон для защиты наших интересов» в Иране. 8 октября это предложение поддержал Рузвельт. 20 декабря 1942 г. Stalin отклонил этот план, «поскольку критическое положение на Кавказе миновало»³³.

Каким бы мир в случае успеха операции Блау-Брауншвейг-Эдельвейс в ходе летней кампании 1942 г.?

Двигаясь на юг и юго-запад, немецкие войска рассчитывали захватить Иран, Ирак, Палестину, форсировать Суэцкий канал и оккупировать Северную Африку. Устремляясь на юго-восток, армия Германии надеялась подчинить Афганистан и в Индии войти в соприкосновение с японскими войсками.

Как следствие этих успехов в мире возникла бы совершенно иная военно-стратегическая ситуация. Средиземное море стало бы внутренним бассейном держав оси. Великобритания лишилась бы коротких и удобных путей для связи со своими колониями и союзниками в Азии. В руках Германии оказались бы крупнейшие месторождения нефти. Был бы перекрыт один из важнейших коридоров для доставки вооружений Советскому Союзу через Иран. Эти и многие другие преимущества позволили бы державам оси с большим оптимизмом рассчитывать на благоприятный для себя исход Второй мировой войны. Все эти надежды похоронил исход Сталинградской битвы и провал наступления на Кавказ.

---

¹ Более подробно о данной проблематике см.: Френкель М.Ю. Сталинградская битва, Ближний Восток и Африка // Восток. М., 2006. № 3. С. 24-36; Френкель М.Ю. Африка и Ближний восток в стратегии Германии и Великобри-

---

тании в 1940-1942 гг. // Африка во второй мировой войне. М., Институт Африки, 2005. С. 10-17.

² Дашичев В.И. (сост.) Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Т.2. М., 1973. С. 47-49.

³ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 44; Дашичев В.И. (сост.) «Совершенно секретно. Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 196.

⁴ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 54-56; Дашичев В.И. (сост.) Совершенно секретно... С. 213-214, 235, 237.

⁵ Варлимонт В. О стратегических планах германского командования на 1942 г. // Военно-исторический журнал. М., 1963. № 11. С. 86.

⁶ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 229.

⁷ Seth R. Stalingrad – Point of Return. L., 1959. С. 29, 31.

⁸ Ziemke E.F., Bauer M.E. Moscow to Stalingrad: Decision in the East. W., 1987. С. 43.

⁹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. В 2-х тт. Спб., 1994. Т. 1. С. IX.

¹⁰ Паротькин И.В. О планах летней кампании немецко-фашистского командования на советско-германском фронте в 1942 г. // Военно-исторический журнал. М., 1961. № 1. С. 37.

¹¹ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 309, 320-321; Роковые решения. Поход на Сталинград. СПб., 2001. С. 413-414.

¹² Варлимонт В. Указ. соч. С. 88; Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 312; Ziemke E.F., Bauer M.E. Op. cit. С. 336.

¹³ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 312-313; Дашичев В.И. (сост.) Совершенно секретно... С. 374; Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957. С. 127.

¹⁴ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 311; Паротькин И.В. Указ. соч. С. 36.

¹⁵ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 310.

¹⁶ Паротькин И.В. Указ. соч. С. 39; Роковые решения... С. 435.

¹⁷ Тюленев И.В. Через три войны. М., 1960. С. 179-180.

¹⁸ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 313-314; Меллентин Ф. Танковые сражения 1939-1945. М., 1952. С. 152; Роковые решения... С. 198, 202, 486-489.

¹⁹ Роковые решения... С. 238, 247, 249-251.

²⁰ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 382; Итоги Второй мировой войны... С. 127; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1975. С. 63.

²¹ Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 102; История Второй мировой войны... С. 209-210; Роковые решения... С. 145, 196-198; Типпельскирх К. Указ. соч. Т. 2. С. 285-287; Тюленев И.В. Указ. соч. С. 186, 122; Штеменко С.М. Указ. соч. С. 55.

---

²² Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 314; Дашичев В.И. (сост.) Совершенно секретно... С. 376; Типпельских К. Указ. соч. Т. 1. С. IX.

²³ Меллентин Ф. Указ. соч. С. 179; Тюленев И.В. Указ. соч. С. 218, 250.

²⁴ Меллентин Ф. Указ. соч. С. 145, 291.

²⁵ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 315; Дашичев В.И. (сост.) Совершенно секретно... С. 377-378.

²⁶ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 391.

²⁷ Меллентин Ф. Указ. соч. С. 162.

²⁸ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 314; Дашичев В.И. (сост.) Совершенно секретно... С. 377.

²⁹ Дашичев В.И. (сост.) Банкротство... С. 370; Seth R. Op. cit. С. 248.

³⁰ Варлимонт В. Указ. соч. С. 85.

³¹ Паротькин И.В. Указ. соч. С. 30-31; Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. (Доклады, речи, выступления и приказы). М., 1953. С. 65.

³² Типпельских К. Указ. соч. Т. 2. С. 255.

³³ Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941-1942 гг. М., 1955. С. 380, 382-383, 387.

ВОЙНА В АФРИКЕ, АФРИКА НА ВОЙНЕ (по страницам воспоминаний фронтовиков)

Начать с того, что таких воспоминаний крайне мало. Но и те, которые изданы, практически не известны широкому читателю, а российскому и подавно. Тем настоятельнее необходимость рассказать, наконец, об этих удивительных человеческих документах и об их авторах. Речь идет не только об источниковой ценности таких воспоминаний с военно-исторической точки зрения. Не менее важен личностный аспект проблемы. Ибо за каждым африканским фронтовиком, где бы он ни воевал, стоит его собственное, выстраданное восприятие военного лихолетья, обрушившегося на планету в 1939–1945 годах.

Долгое время, с легкой руки нацистских пропагандистов, распространялись мифы об африканских солдатах как о «примитивных дикарях», наделенных всеми мыслимыми пороками, как о неких звероподобных существах, от которых гражданским немцам и особенно немкам следовало держаться подальше. Началось это поветрие еще с французской оккупации Рура в 1923 г., продолжалось в последующий период существования Веймарской республики, а пышным цветом расцвело в годы гитлеровского правления. Естественно, в приводимых ниже размышлениях о войне, африканские солдаты выглядят совершенно иначе. Но лишь у внуков тех, кто некогда верил геббельсовской пропаганде, в особенности кинопропаганде¹, появилась реальная возможность взглянуть на вещи непредвзято, опираясь и на свидетельства другой стороны.

Географически в докладе вычленяется франкоязычный ареал континента. Ограничение во многом условное, но вынужденное. Нам, к сожалению, пока не удалось найти мемуары африканских бойцов, воевавших в составе британской, бельгийской или итальянской армии. Вот почему наши суждения по избранной теме основываются на доступном материале, а именно – на мыслях и оценках, опубликованных в разных странах и в разные годы на французском языке.

Далеко не сразу взялись фронтовики за перо. И это несмотря на то, что война долго и сильно тревожила их память. У людей возникала естественная потребность поделиться с близкими своими мыслями о пережитом и увиденном, трагическом и героическом, возвышенном и прозаическом. И они делились. Но одно дело беседы в семейном кругу, или в компании одногодков, и совсем другое – доверять мысли бумаге.

Публиковать свои воспоминания вернувшиеся с войны не торопились. Вообще, не так-то просто было это сделать в условиях колониального режима. Кроме этого, поначалу фронтовиков одолевали чисто житейские заботы. Надо было, в первую очередь, залечить раны, оформить военную пенсию, найти приличную работу, обзавестись семьей, получить образование. Иными словами, зажить нормальной жизнью.

Кому-то это удавалось, кому-то нет. При этом наиболее активные и образованные из тех, кому довелось понюхать пороху, естественным образом выдвигались в центр общественного внимания. Были всюду востребованы. Иначе и быть не могло: именно они, фронтовики, по-взрослевшие, грамотные, повидавшие другие континенты, отмеченные боевыми наградами, явно задавали тон после войны. Предвоенная жизнь безвозвратно уходила в прошлое. В колониях теперь действовали партии, профсоюзы, этнические ассоциации и землячества, молодежные, студенческие объединения. Множились редакции газет, ширелись их читательская аудитория, налаживались международные связи. Партийное строительство, избирательные комбинации, журналистика, зарубежные контакты – во всем этом энергичные, бывалые люди с фронтовым опытом, обладавшие немалым авторитетом, участвовали самым деятельным образом. Во многом за их счет как раз и формировалась влиятельная послевоенная элита колоний (депутатский корпус, партийная головка, профсоюзная верхушка, муниципальная власть, газетно-издательские структуры и т.п.). Эти люди сами творили послевоенную историю колоний. Для реконструкции истории войны у них просто не оставалось времени. К тому же не следует забывать их сравнительно молодой возраст. Прошлое властно занимает мысли человека лишь на склоне лет; сорокалетние обычно не садятся за мемуары.

Коротко говоря, таковы причины, в силу которых первые восломи-
нания африканских бойцов Второй мировой войны выходят, в сущности, лишь в конце XX века. К этому же времени относятся, кстати, и серьезные труды западных историков, основанные на широком использовании записей бесед с участниками войны. По своей документальной насыщенности работы таких исследователей вопроса, как канадец М.Экенберг, американка Н.Лоулер, француженки К.Жерар или К.Акоп-Вашэ приближаются к первоисточнику, и как раз в этом их ценность².

Все дальше уходили в прошлое огненные 40-е годы прошлого века. А память ветеранов настойчиво возвращала их во времена их военной юности. Последняя становилась объектом научного анализа не только зарубежных, но и африканских историков и публицистов – сенегальских, конголезских, бенинских, камерунских и др. Тем самым военная

мемуаристика получала на континенте дополнительный творческий импульс.

Официально метрополия признавала вклад «туземцев в солдатских шинелях» в победу антигитлеровской коалиции. Устами генерала де Голля, одного из лидеров коалиции, заявлялось, в частности, что «Страна ... гордилась ... ролью, которую сыграли в эпопее “Сражавшейся Франции” наши заморские территории, их войска, их трудящиеся и их ресурсы во время Второй мировой войны»³. Так-то оно так. Послевоенная Французская Республика действительно признавала заслуги фронтовиков из колоний. Но не совсем так, а порой совсем не так, как того хотелось самим ветеранам. Так, в течение долгих десятилетий ветеранам войны из колоний платили меньшую пенсию, чем французам.

Предоставим слово буркинищу Жозефу Кономбо⁴. Его воспоминания примечательны не только своей содержательностью и наблюдательностью (мемуарист, военврач, прошел в 1944-1945 гг. в рядах возрожденной французской армии боевой путь от Прованса до поверженной Германии). Не менее важна непосредственная причина, заставившая его погрузиться в воспоминания.

В 1974 году, когда Франция праздновала 30-летие освобождения страны от гитлеровских оккупантов, бывший военврач с горечью пришел к выводу, что вклад африканских бойцов в общую победу просто замалчивается: «...Праздничные церемонии закончились, а телепередачи о славных боевых делах французских войск и генералов все продолжались. Но ни единого раза не услышал я о чернокожих бойцах из колониальных войск. Их нигде не показали: ни в передачах о высадке в Тулоне или боях у Монте-Кассино в Италии, ни в репортажах о боевых действиях во французской глубинке... В дни победных торжеств наших фронтовиков никуда не приглашают, о них никто даже не упоминает». Что и говорить, констатация не из приятных. Проявляя большое самообладание, бывший военный медик с достоинством продолжает: «Сам факт замалчивания нашего присутствия на фронте и участия в тяжелых боях меня крайне огорчил, и 30 августа 1974 г. я решил написать как для французов, так и для моих безымянных африканских товарищей всех родов войск воспоминания, скажем так, «сенегальского стрелка»⁵ (личный номер 51084)»⁶.

* Кономбо, Жозеф Исуфу (1917-1980), государственный и политический деятель Верхней Вольты (ныне Буркина Фасо).

** Колониальные воинские формирования, укомплектованные западноафриканцами, по традиции нередко именовали батальонами или полками «сенегальских стрелков». Таким образом, в них могли служить не только сенегальцы, но и их соседи – гвинейцы, ивуарцы, вольтийцы, малийцы и т.д.

Так появилась идея написания первой мемуарной книги африканского участника Второй мировой войны (сама книга по разным причинам вышла через много лет после этого решения). Почин, сделанный буркинским Кономбо, был подхвачен и приумножен. Но речь идет именно о первой авторской книге воспоминаний. Во франкоязычной периодике, особенно научно-популярного плана, у него были предшественники. И не только в периодике: порою использовались самые различные, иногда неожиданные средства⁵.

Буркинский ветеран не дожил ни до выхода в свет заявленных воспоминаний, ни до появления в различных странах аналогичных трудов. Не застал он и изменений в части отношения бывшей метрополии к солдатам из прежних колониальных владений. А изменения, надо сказать, за последние десятилетия произошли немалые. Объективности ради мы должны о них сказать. Первые лица франковоряющих африканских государств и делегации фронтовиков стали приглашаться президентами Франции на военные парады, другие торжественные церемонии, приуроченные к празднованиям победы над фашизмом. Открывались мемориальные комплексы, на могилы павших воинов из колоний возлагались венки. Приглашенным вручались боевые награды и памятные юбилейные медали. Публиковались интервью, взятые у них французскими СМИ. Некоторые интервью, заснятые на пленку, издавались в формате видеофильма с расчетом на их демонстрацию по телевидению. Память о колониальных частях, освобождавших французские города, увековечивалась в названиях улиц и площадей. Особенно широко чествовали африканских ветеранов в связи с празднованием 50-й и 60-й годовщин окончания Второй мировой войны⁶.

Все это так. Но так было не всегда⁷. И, видимо, у Жозефа Кономбо были в 1974 г. веские основания громко заявить от имени здравствующих и павших товарищей: фронтовики-африканцы не собираются мириться с замалчиванием их вклада в победу над фашизмом.

Посмотрим теперь, как развивалась далее эта историографическая тенденция. Здесь мы вплотную подходим к важной составляющей последующих ретроспекций, положивших начало формированию колониальной разновидности военной мемуаристики. Знакомство с воспоминаниями выявляет их домinantную особенность – сильный антирасистский компонент.

Да и могло ли быть иначе? Не было у сынов Африки более наболевшей темы. Впервые она обозначилась еще в 20-е годы прошлого века, когда первое поколение фронтовиков, отцов и старших братьев наших героев, вернулось в колонии с другой войны – Первой мировой. Не теряла тема своей актуальности и в 30-е годы: об этом неплохо позаботились зарейнские соседи Франции. Об угрозе расизма постоянно напо-

минали тревожные события в III-м рейхе. Негро-африканский мир не простил Гитлеру оскорблений, публично нанесенного чернокожему американскому легкоатлету Джесси Оуэнсу на Берлинской олимпиаде 1936 года. Оуэнс добился тогда феноменального успеха, завоевав подряд три золотые медали за лучший результат в трех видах соревнований. А канцлер Адольф Гитлер, негрофобствующий хозяин Олимпиады, вместо того чтобы поздравить лучшего спортсмена традиционным рукопожатием, демонстративно покинул правительственный трибуну на глазах у огромного стадиона. И это лишь один эпизод в длинном ряду прочих, менее известных.

Но и по другую сторону Рейна, на французской его стороне, солдатам из колоний, увы, приходилось и в мирное, и в военное время сталкиваться с расистским высокомерием офицеров, унтер-офицеров, гражданских чиновников. А ведь они служили в армии, считавшей себя антигитлеровской!

Тем не менее, войну против фашистской коалиции солдаты-африканцы воспринимали как собственную, как войну за свободу и к однополчанам-французам относились как к своим боевым товарищам. Дуду Диалло^{*}, уроженец Сенегала, бывший артиллерист, сообщает об этом просто, без малейшей рисовки: «... Мы так верили в будущее и в великолюдные Франции, что согласились бы умереть за свободу во всем мире. И немало наших товарищей встретило смерть: одни в бою, другие в плена... Против рабства и угнетения мы сражались точно так же, как и коренные французы. Да мы тогда и не отделяли себя, вообще-то, от французов... Воспитанные в духе традиций французской армии, мы считали себя лучшими солдатами в мире»⁸.

На четвертом году войны судьба распорядилась так, что африканским стрелкам маршала Петэна пришлось столкнуться с солдатами президента Рузвельта. А надо сказать, что среди американских «джи-айз» было немало чернокожих жителей южных штатов США. Сначала те и другие оказались противниками. Ситуация явно нестандартная, но на ее осмысление времени отпущенено не было. Вскоре однако обстановка разрядилась. Вот как описывает ивуарец Дитьемба Силуз не слишком приятное для обеих сторон первое знакомство в районе Касабланки в ноябре 1942 г.: «Первыми десант встретили мы, солдаты из Кот-д'Ивуара. Мы прибыли в Касабланку за 18 дней до высадки американцев... Залегли мы в укрытия и давай в них стрелять... Ну, американцы открыли ответный огонь. Погибло много, очень много наших... Де

* Диалло, Дуду, президент Федерации ветеранов войны и военнопленных Сенегала в 80-е гг.

Голль вызвал к себе нашего капитана и сказал ему, что высаживаются не немцы, а американцы, которые пришли к нам на помощь⁹.

Уточним сразу: де Голля во время высадки американо-английского десанта в Марокко и Алжире в ноябре 1942 г. (операция «Факел») среди союзных войск не было – он находился в это время в своей лондонской штаб-квартире на Карлтон-гарденс. Но таков уж механизм мифотворчества. Африканским солдатам очень хотелось видеть генерала, имя которого у всех было на слуху, в рядах союзных десантников. И они, призвав на помощь воображение, «увидели» его. Харизматический образ военачальника, наделенного сверхъестественной силой, как бы материализовался. Прошли десятилетия, легенда стала обрасти новыми подробностями, и усомниться в участии де Голля в боях под Касабланкой не осмеливался и самый закоренелый скептик из числа односельчан, внимавших рассказам ветеранов...

Африканских солдат впечатляли не только пересекшие Атлантику люди в диковинной униформе, говорившие на непонятном языке. Поражала их боевая техника. О превосходстве американского многозарядного стрелкового оружия над устаревшими французскими винтовками нечего и говорить – оно бросалось в глаза. Но были вещи посеребренные, которые надолго врезались в память. Рядовой Фонон Ганоч, видимо, до конца своих дней не уставал повторять внукам (и интервьюерам), что он наблюдал собственными глазами в далеком 1942-м на океанском берегу: «Мы смотрели и глазам своим не верили: грузовики с американцами ехали по воде! Надо же! Эти огромные пироги на колесах, легко скользившие по волнам, вызывали священный трепет. И с вооруженными людьми, сидевшими в них, мы теперь были заодно!»¹⁰. Другого солдата, Намонго Силуз, поразил не амфибийный десант армии США, а другое – сокрушительная мощь бронетехники. Но это было позднее, уже на тунисском фронте: «В Тунисе мы дрались с немцами и итальянцами... Американцы тоже там были. Вместе мы воевали... Там было много танков, да таких тяжеленных, что не только снарядом – бомбой их не прошибешь! Только мины могли их остановить. Минами были небольшие, их присыпали слегка песком, и когда танк наезжал на мину, она сразу взрывалась. Такое мы видели впервые»¹¹.

Разумеется впервые. Но разве только изощренная военная техника, смертоносные стальные машины были им в диковинку? Все, буквально все, что встречало их за пределами родной деревни поражало воображение наивных парней из африканской глубинки. Многие впервые в жизни увидели не то что танк «Шерман» или «Тигр», но и море, пароход, самолет, даже обычный городской трамвай. Не будем забывать: еще до прибытия на европейский театр войны, то есть в странах Магриба, новобранцы попадали в совершенно иную, урбанизированную и

сильно милитаризованную среду. Их окружали какие-то непонятные люди – англичане, американцы, арабы, испанцы, мальтийцы, корсиканцы, сардинийцы... И каждый одет на свой манер, каждый говорит на неведомом наречии, ест непривычную пищу... Новый, в чем-то сходный с тропическо-африканским, а в чем-то и враждебный и уж во всяком случае чужой мир. Привыкать к нему было не так-то просто, а требовалось не только привыкнуть – быстро вжиться в него, иначе пропадешь...

Так или иначе союзные армии в Северной Африке постепенно, что называется, притирались друг к другу. Вчерашние вишистские войска, не без трудностей превращавшиеся в 1943 году во французские антигитлеровские, устанавливали нормальные союзнические связи с англоамериканцами. Знакомство с солдатскими мемуарами позволяет предположить, что определенную позитивную роль сыграли здесь не только взаимные усилия штабов, но и простые человеческие контакты на окопном уровне.

Вовсе не желая идеализировать порядки в тогдашней американской армии, где чернокожие военнослужащие тоже подвергались дискриминации, сожлемся, справедливости ради, на мнения солдат из Кот д'Ивуара, которых можно считать в данном вопросе независимыми наблюдателями. Так, Ги-Ахизи Элиам отмечает простоту и человечность американцев в общении с темнокожими солдатами из африканских колоний. «Мы оставались в казармах военного городка. Потом к нам в лагерь пришли американцы, они нам сразу понравились: угостили нас шоколадом, давали закурить... Приходили нас навестить и белые, и черные американцы, но чернокожих было побольше». Солдат Гнумагай Соро, служивший в 1943 г. в Алжире, распространяет позитивную характеристику и на английских солдат. А вот мнение еще одного уроженца Кот д'Ивуара, Туо Наона: «Ни один француз никогда не приглашал нас к себе домой, в отличие от американцев. Они переодели нас в свою полевую форму. Они и своими армейскими пайками с нами делились. Они нам показали, что и мы теперь кое-что значим, что мы такие же, как они»¹².

В этих высказываниях чувствуется предпочтение, отдаваемое англосаксам перед французами. Это не исключает, впрочем, чувства благодарности африканцев к французам, военным и гражданским, не зараженным вирусом ксенофобии. Сенегалец М'Бенге М'Бай* тепло отзыается о тех французах из Марокко, лишенных предрассудков, а также о простых крестьянах, жителях о. Корсики, которые не видели ничего зазорного в общении с африканскими стрелками, в том числе в домаш-

---

* Ветеран войны, после демобилизации педагог, политик, дипломат.

ней обстановке¹³. Те же мотивы присутствуют в воспоминаниях ивуарца Ео Могою. В них мы находим не только добрые слова в адрес американцев, но и упоминание о некоем французе, сержанте Плевэне, который был соседом по комнате автора в освобожденном голлистскими войсками городе Джибути¹⁴. Эмоционально эта констатация никак не окрашена, что предполагает наличие, в общем, нормальных отношений между обоими, по крайней мере на бытовом уровне.

Чтобы не возвращаться более к теме межрасовых контактов между американскими военнослужащими, с одной стороны, и африканскими солдатами из французских владений с другой, укажем еще на одну особенность этих контактов. С удивлением африканцы стали замечать, что белые американцы не очень-то жалуют своих темнокожих сограждан в военной форме, даже имеющих офицерские звания. И это при том, что янки продолжали поддерживать вполне лояльные отношения с сынами Африки, служившими под французскими знаменами. Так было на фронте и в тылу, на североафриканском и, впоследствии, европейском театре боевых действий. Уразуметь суть этого парадокса африканцам было трудно. Однако само существование такой двойственной поведенческой установки в рядах союзной армии воспринималось ими с недобрением.

Военными историками установлено, что африканские бойцы из стран Maghrib, Западной, Экваториальной Африки и с о-ва Мадагаскар участвовали во многих сражениях Второй мировой войны. Так обстояло дело на территории самой метрополии, Туниса, Ливии, Египта, Эритреи, Эфиопии, Сомали, а также Италии, Германии и Индокитая. Наиболее многочисленные группы африканских военнослужащих были выходцами из Марокко, Алжира, Сенегала, Гвинеи, Мали, Верхней Вольты, Чада, Мадагаскара. О масштабах вклада колониальных войск в победу над фашизмом свидетельствуют хотя бы такие данные: Первая французская армия, в основном укомплектованная колониальными контингентами, в 1944-1945 гг. участвовала в освобождении 25 французских департаментов, то есть примерно третьей части территории страны. К сожалению, далеко не все ратные дела африканцев, их размышления о войне отражены в доступных источниках. А если и отражены, то слишком скучно. Имеются, однако, счастливые исключения.

Бир-Хакейм – место боевой славы, пользующееся большим уважением вплоть до наших дней. Здесь возрождавшаяся французская армия, если угодно, армия в миниатюре, впервые после позорной капитуляции 1940 г. заявила о себе как о боевой силе. Название малоизвестного oasis в ливийской пустыне теперь знают во Франции и стар и млад. Один из парижских мостов назван в честь Бир-Хакейма. Коллекционеры давно оценили золотую и серебряную медали, отчеканенные Па-

рижским монетным двором в память о Бир-Хакеймском сражении. В июне 1942 г. весть об удивительной стойкости солдат де Голля, в течение двух недель отбивавших в ливийских песках атаки итalo-германской мотопехоты, танков и штурмовой авиации, достигла даже берлинской имперской канцелярии. Выслушав одного из очевидцев осады Бир-Хакейма, доложившего что «герои-добровольцы из Франции сражались как дьяволы», и о том, что французы чуть не сорвали тогда наступление Африканского корпуса вермахта, Гитлер был поражен¹⁵. Тем важнее для нас живые впечатления одного из участников этого сражения, камеруна Рafaэля Онана*, через многие десятилетия ставшие доступными его землякам, однополчанам-французам и всем прочим читателям.

Книга камерунского ветерана подкупает своей прямотой, искренностью, эмоциональностью изложения. Увлекает порою неожиданными для европейского читателя поворотами сюжета. Интересна уже сама мотивация участия автора в вооруженном противостоянии нацизму: «...Немцы были нашими злейшими врагами... Для нас, солдат де Голля, воевавших в пустыне, немцы служили мишенью, которую нужно было непременно поразить, чтобы вернуть Франции ее достоинство. Победить или умереть – другого выбора у нас не было. И нашим командирам не приходилось повторять, что нам нужно делать...»¹⁶. Как же преломлялось в конкретике столь боевое настроение? Под пером автора оживают подробности первого боя: «К вечеру 27 мая 1942 года атакующие, считавшие нас пустым местом, так и не смогли сбить нас с позиций... Больше того: мы сами сильно подпортили им жизнь... Итог дня был внушительным – сотня пленных во главе с полковником и, в особенности, 30 подбитых танков»¹⁷.

Не менее энергично прописана завершающая стадия схватки в ливийских песках: «Начиная с 31 мая 1942 года, мы вообще остались с немцами один на один. Первая бригада Свободной Франции в Бир-Хакейме против Африканского корпуса Роммеля! По мнению многих наблюдателей, неравенство в силах было огромным, и бой нередко сравнивали с поединком Давида и Голиафа. Только на этот раз Голиаф был похитрее библейского, а Давид – почти безоружен»¹⁸.

Для передачи огромного психологического напряжения в сцене ожидания ночной танковой атаки мемуарист находит необычные краски, неожиданные реминисценции: «Мы хорошо видели их (немцев и итальянцев. – А.Л.) передвижение: их выдавали фонтанчики пыли, вылетавшие из-под гусениц танков в великолепном сиянии лунного света.

---

* Онана, Рафаэль (р. 1919), президент Ассоциации ветеранов войны Камеруна в 90-е гг.

Позабыв о войне, я глядел на луну и размышлял о том, как здорово было детишкам моей родной деревни и их сверстникам во всем мире водить такой вот лунной ночью хороводы... Тем временем вражеские самолеты расцвечивали небо огненными зарницами... То были осветительные ракеты, указывавшие путь бронетехнике»¹⁹.

Рафаэлю Онана камерунцы и россияне, в особенности родившиеся после войны, обязаны освещением очень важной темы. Речь идет о восприятии африканскими современниками великой битвы, которая развертывалась на бескрайних русских просторах между Баренцевым и Черным морем. Вдумаемся же в его понимание событий, происходивших за тридевять земель и от Камеруна, и от Ливии, событий на советско-германском фронте. «До нас доходили вести о том, — сообщает камерунский ветеран, — что самоуверенная гитлеровская Германия наконец-то столкнулась с настоящими трудностями, получив на Восточном фронте достойный отпор. Там лучшие армии III рейха на собственной шкуре испытали и усвоили, что Россия — это вовсе не Франция и не Бельгия, и не Голландия или Финляндия... У ворот Москвы, а затем и в предместьях Сталинграда в страшных мучениях гибли сотни тысяч солдат вермахта... Холода тогда стояли небывалые... Потянулись куда-то в тыл вереницы немецких военнопленных — это мы тоже знали. Впервые сам Гитлер засомневался в успехе своих замыслов. Тут уж было не до Северной Африки: становилось ясно, что максимум усилий немцам придется приложить на Восточном фронте»²⁰.

Примечательная деталь: мысль о русских солдатах, которые умеют громить врага в любое время года, в том числе в жуткие холода, видимо, крепко засела в головах наших африканских союзников. Через два года, осенью и зимой 1944-го, в полках «сенегальских стрелков», воевавших уже в самой Франции, в Вогезах и Эльзасе, упорно циркулировали слухи, что на помощь колониальным частям, сражавшимся в тех краях в очень тяжелых для жителей тропиков условиях сильных холодов, «скоро придут русские»²¹. Надо думать, что «солдатский телеграф», существовавший и во французской армии, неспроста возлагал такие надежды на советского союзника. Эти ожидания имели реальную основу — сообщения о разгроме вермахта под Москвой (декабрь 1941 г.) и Сталинградом (ноябрь 1942 — февраль 1943 гг.), которые на долго врезались в память африканцев.

Как и многие африканцы, мобилизованные во французскую армию, Рафаэль Онана побывал во вражеском плену, да еще двойном — немецком и итальянском. Но об этой странице своей военной биографии мемуарист лишь бегло упоминает. А жаль: война, как известно, не исчерпывается понятиями «фронт» и «тыл»; одно из самых суровых ее последствий и испытаний — плен.

Блицкриг есть блицкриг: в июне 1940 г. десятки тысяч солдат из колониальных частей и опомниться не успели, как вместе с французскими товарищами по несчастью оказались у гитлеровцев в плену. Среди них был упоминавшийся выше сенегалец Дуду Диалло. Его воспоминания о пленах чрезвычайно информативны и ценные для исследователя. Через нестандартные, во многом трагические судьбы простых людей как раз и раскрывается подчас с удивительной полнотой смысл исторических событий.

Военноопленных африканцев, попавших в лагеря для рядового состава (по-немецки «шталаги»), естественно одолевали мысли одна мрачнее другой. О хлебе насущном, о семье, оставшейся без кормильца, о полном враждебной неопределенности завтрашнем дне. А иные, если верить Дуду Диалло, задумывались и над уроками прошлого. Он вспоминает, что именно в пленау к нему неожиданно пришло понимание одной простой истины. «Глядя на победителей, немцев, — пишет он, — которые обращались с французами как с рабами, мы поняли, что будь мы в свое время вооружены как немцы, ни за что на свете не удалось бы французам нас колонизовать. В человеческом плане мы вовсе не были неполноценными, просто у нас не было оружия для самозащиты. Ведь пули одинаково смертоносны — и для людей с белой, и с черной кожей». Достаточно этих строк, чтобы понять: сдвиги в мировосприятии африканцев, прошедших войну и плen, были огромными. Продолжает Дуду Диалло: «Наш образ мыслей изменился, мы больше не допускали унизительного третирования, тем более, если у нас были одинаковые с европейцами нашивки. Прослужив под теми же знаменами и выполнив тот же воинский долг, мы считали, что после войны заслуживаем и соответствующего к себе отношения»²². Добавим, что эти слова принадлежат человеку, который в самом конце войны, в декабре 1944 г., несмотря на участие в боях в 1940 году, четырехлетний плен и заслуги перед французским Сопротивлением, был ложно обвинен в подстрекательстве земляков к мятежу и полтора года отсидел в тюрьме. Отсидел лишь за то, что не считал нужным скрывать свои независимые суждения, основанные на выстраданных в годы войны демократических убеждениях.

Подобный, или близкий к нему подход к оценке недавнего прошлого, разделяли в то время и другие солдаты, побывавшие на фронте, а затем в плену. Об этом свидетельствуют документы из французских военных архивов. Что же касается Дуду Диалло, то именно он одним из первых поделился с историками Африки своими соображениями на эту тему. Более того: он едва ли не единственный свидетель волнений 1944-1945 гг. среди бывших военноопленных во Франции и ее африкан-

ских колониях, успевший рассказать историкам об этих горестных событиях.

Горестных потому, что все выступления были жестоко подавлены. Особенно жестко расправились с бывшими фронтовиками власти Сенегала (декабрь 1944 г.). Кстати, этот эпизод лег в основу игрового фильма, снятого в 1988 г. местными кинематографистами. «Лагерь Тиарой» – под таким названием лента поступила в прокат; ее просмотрели кинозрители во многих странах²³. Другой фильм, «Туземцы», об участии уроженцев Магриба в освобождении Франции от гитлеровских войск, был снят совсем недавно (режиссер Рашид Бушареб). Оба фильма были отмечены международными кинопремиями, причем второй из них – на последнем Каннском кинофестивале (май 2006 г.).

В завершение статьи, первой на данную тему и уже в силу этого несовершенной, страдающей лакунами, хотелось бы высказать несколько общих соображений.

Позволителен, прежде всего, вывод о том, что воспоминания африканских бойцов представляют исключительный интерес для историков Африки и Второй мировой войны. В солдатских мемуарах с наибольшей достоверностью отразилось восприятие войны ее рядовыми участниками. С выходом воспоминаний у историков появилась возможность более объективно, предметно оценивать вклад африканцев в общую победу Объединенных наций над фашизмом.

Говоря о содержании воспоминаний, можно констатировать их довольно широкий тематический охват. Но, как заметит читатель, преобладают все же несколько стержневых сюжетов. Память ветеранов постоянно фокусируется на антифашизме, антирасизме и боевом товариществе бойцов Объединенных наций. Эта триада логически дополняется другими важными мотивами: обретенным в боях чувством человеческого достоинства и осознанием того, что колониализм как система правления вовсе не вечен. Вероятно, было бы преувеличением считать, что еще в ходе войны фронтовики четко осознавали переломный характер переживаемой ими эпохи всемирной истории. Но вряд ли можно утверждать и обратное, по крайней мере, при нынешнем состоянии источниковой базы.

Последнее соображение касается формы передачи исторической информации нашими мемуаристами. Бросаются в глаза различия в их образовательном уровне, жизненном опыте, политической зрелости и т.п. Это не могло не отразиться и на содержании, и на стилистике воспоминаний. Но для интерпретатора событий важно как можно более полное прочтение различных источников. Что же касается шероховатостей стиля, то кто сказал, что исследователь должен принимать в расчет только однообразные, одноцветные, под одну гребенку причесанные

«правильные» мысли и факты? Историку важны как раз многообразие смысловых оттенков, широкий разброс суждений, независимо от их словесной формы.

Солдатские африканские мемуары, эти порой незамысловатые, чрезмерно приземленные, в чем-то наивные, фактографически не слишком точные, но неизменно увлекательные свидетельства объединяет одно – большая искренность. Это – честные повествования о войне, человеке на войне и его судьбах.

На разных широтах приближали общую победу сыны Африки. Кто-то, переправившись через Рейн, врывался в Южную Германию на танке. Кто-то въезжал туда на армейском грузовике. Остальные дошли до рейха собственными ногами, в походном строю. Некоторым вообще не пришлось увидеть Германию или Италию. Но находили свои цели в странах «оси» авиабомбы, подвешенные африканскими оружейниками, служившими на британских военных аэродромах. Но настигали врагов в открытом море орудийные залпы деголлевских ВМС, где вместе с французами служили и моряки из колоний.

Есть у Ильи Эренбурга примечательные строки, написанные в разгар войны: «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на ее описания, она и проще и сложнее. Ее чувствуют, но не всегда понимают ее участники. Ее понимают, но не чувствуют ее позднейшие исследователи»²⁴. Предоставим же читателю возможность самому разобраться, в какой мере чувствовали, в какой понимали войну те, кого когда-то высока именовали «туземцами», или «дикарями».

Что касается авторов, то они хотели лишь одного: перелистать некоторые страницы воспоминаний африканских ветеранов²⁵. И тем самым помочь согражданам, в особенности молодым, хоть немного приблизиться к пониманию внутреннего мира наименее известных в нашей стране союзников-антифашистов, товарищей по оружию в последней мировой войне.

---

¹ По свидетельству очевидца, неизменным персонажем немецкой кинохроники военных лет был «сенегальский негр невероятно зверского вида, с вывороченными губами, во французской военной форме» (Рубакин А. Французские записи. 1939-1943. М., 1947. С. 100).

² Eckenberg M. Colonial Conscripts. The Tirailleurs Senegalais in French West Africa, 1857-1960. L., 1991; Gérard Cl. Les pionniers de l'indépendance... Saint-Romains-en-Gier, 1975; Lawler N. Soldats d'infortune. Tirailleurs ivoiriens de la Deuxième Guerre mondiale. P., 1996; Akpo-Vaché C. L'AOF et la Seconde Guerre mondiale. La vie politique (septembre 1939 – octobre 1945). P., 1996.

³ Де Гольль Шарль. Мемуары надежд. М., 2000. С. 39.

---

⁴ Conombo J. *Issoufou. Souvenirs d'un "Tirailleur Sénégalais"*. P., 1989. P. 16.

⁵ Так, сенегалец М'Бенге М'Бай написал, по-видимому, на основе фронтовых дневников дипломную работу, защищенную им в конце войны при окончании дакарского пединститута им. Вильяма Понти (*M'Bengue M'Baye*, 3-е Enseignement. 1945. La Méditerranée vue par un Noir). Рукопись хранится в библиотеке Фундаментального института Черной Африки (IFAN) в Дакаре. Насколько известно, тема участия солдат из африканских колоний в боях против войск держав «оси» была затронута этим автором в числе первых. Укажем и на другой редкий и малоизвестный мемуарный источник – изданные ротапринтным способом воспоминания о сопротивлении режиму Виши в Сенегале и сопредельных французских колониях, написанные другим сенегальским автором, Абделькадером Дианем (*Abdel-Kader Diagne. Résistance française au Sénégal et en AOF pendant la guerre 1939-1945* (б.м., б.г.). В этой книге основной упор сделан на борьбу городских подпольщиков-антифашистов.

⁶ Le Figaro, 14.VIII.1994; Le Monde, 16.VIII.1994; Libération, 16.VIII.1994; Le Journal du Dimanche, 8.V.2005; Le Point, 5.V.2005. P. 29-51.

⁷ Это признают представители послевоенного поколения французов, в том числе профессиональные военные. Так, в 1994 г. во время торжественного открытия в городе Фрежюс мемориала в честь солдат из колоний, участвовавших в освобождении Франции от гитлеровских оккупантов, один из приглашенных на эту церемонию, генерал Филипп Морион сделал многозначительное заявление: «Меня тронуло это признание Францией заслуг наших африканских братьев по оружию. Я всегда считал, что мы давно связаны общей судьбой, и что негоже французам забывать об этом (См. *Africa International*, Paris, 1994, N 275-277. P. 28).

⁸ Diallo Doudou. Un acteur de la prétendue “mutinerie” des anciens prisonniers de guerre témoigne // Afrique – Histoire. Dakar. 1983. N 7. P. 49-50.

⁹ Lawler N. Op. cit. P. 160-161.

¹⁰ Ibid. P. 161.

¹¹ Ibid. P. 163.

¹² Ibid. P. 162.

¹³ M'Bengué M'Baye. Op. cit.

¹⁴ Lawler N. Op. cit. P. 165.

¹⁵ Коч Л. Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель. Ростов-на-Дону. 1999. С. 80, 101.

¹⁶ Onana Raphael, sergeant. Un homme blindé à Bir-Hakeim. Récit d'un sous-officier camerounais qui a fait la guerre de 39-45 avec la collaboration de Patrice Etoundi Mballa. P., 1996. P. 220.

¹⁷ Ibid. P. 241.

¹⁸ Ibid. P. 242-243.

¹⁹ Ibid. P. 239.

²⁰ Ibid. P. 224-225.

²¹ Lawler N. Op. cit. P. 180.

---

²² Diallo Doudou. Op. cit. P. 50.

²³ См.: Шейк Фати Фай. Напоминание о колониальной действительности, или кровавый инцидент в Тиарое // Африка: колониализм и антicolonиализм (XIX-XX в.в.). Сб. статей. М., 1990. С. 4-5, 95-104; Wynchanck A. Sequelae of French West African Infantrymen's Participation in World War II// Куда идешь, Африка? Историко-политические этюды. М., 2004. С. 102-109; о содержании фильма «Лагерь Тиарой» (режиссеры Сембен Усман и Тьерно Фати Соу) см.: Азия и Африка сегодня. М., 2006. № 8. С. 62-65.

²⁴ Эренбург И.Г. Война 1941-1945. М., 2004. С. 515.

²⁵ Воспоминания африканских солдат, использованные при подготовке статьи, в более полном виде опубликованы в переводе С.С.Новикова в книге: «Африка во Второй мировой войне». М., 2005, изданной Институтом Африки РАН к 60-летию победы над фашизмом.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ КОНТИНГЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В МИРОВЫХ ВОЙНАХ (к постановке вопроса)

При изучении военной истории отечественные и зарубежные историки, как правило, уделяют первостепенное внимание крупным воинским формированиям. При этом небольшие воинские части и отряды – даже в составе широко известных соединений – часто остаются вне поля зрения исследователей.

Предлагаемая статья посвящена роли некоторых из таких специализированных контингентов, в данном случае французских. Изначально они предназначались для действий на неевропейских театрах, в колониальном контексте (морские стрелки, колониальная пехота, колониальная артиллерия, Иностранный легион и т.д.).

Специализированные части во французской армии появились давно, по крайней мере, со времен кардинала Ришелье, заложившего основы французской колониальной империи и, соответственно, обосновавшего формирование особых частей, предназначенных для обороны заморских владений. То были «уставные роты» (*«compagnies à charte»*), а также созданный в 1624 г. «Морской полк» (*«régiment de la Marine»*) и подобные им войска. После 1763 г., для защиты оставшихся после неудачной для Людовика XV Семилетней войны (1756–1763) французских колоний, Париж создал несколько колониальных легионов, преобразованных после 1772 г. в колониальные полки. Колониальные части существовали и во времена Консульства и Первой империи¹. Во время революционных «войн за свободу» Франции в конце XVIII – начале XIX вв., в частности, в ходе Египетской экспедиции (1798–1801) Наполеона Бонапарта, появляется сформированная им экзотическая, по европейским меркам, воинская часть: полк дромадеров². Его можно считать предтечей будущей верблюжьей кавалерии французской колониальной армии, отрядов так называемых мехаристов (от *«мехари»*, верховой верблюд по-арабски)³.

В начале XIX в. с расширением колониальной экспансии Франции, в частности, начиная со вторжения в Алжир (1830) и его «умиротворения», количество специализированных частей французской армии увеличивается, а их состав расширяется. Прежде всего речь идет о пеших частях – двух батальонах зуавов (сформированных по постановлению от 1 октября 1830 г.) и алжирских стрелках или тюркосах (созданных в 1841 г.), и кавалерийских – спаги и Африканских егерях (созданных по

одному и тому же ордонансу от 17 ноября 1831 г.)⁴. В течение XIX в. и в начале XX в. во французской армии появляются и другие воинские формирования особого вида – тунисские, аннамские, алжирские, сенегальские стрелки, мальгашская артиллерия и т.д.

В 1912 г., в связи с проникновением Франции в Марокко, в составе армии III-й Республики появляются вспомогательные марокканские роты (*compagnies auxiliaires marocaines*), ставшие известными в Первую мировую под названием «туземные егеря» (*«chasseurs indigènes»*), переформированные с 1915 г. в марокканские маршевые полки.

В мирное (для Европы и Америки) время колониальные контингенты, дислоцируясь как в самих колониях, так и в метрополии, несли рутинную гарнизонную службу, время от времени выполняя карательные функции в крупных очагах антиколониальных выступлений. Совершенно иначе обстояло дело в годы двух крупнейших военных конфликтов XX века. Мировые войны заставляли французских генштабистов использовать специализированные контингенты далеко за пределами собственно колоний. Их личный состав частично не раз использовался не только в Африке и Азии (Индокитай), но и в Европе⁵.

Бессспорно, самым известным специализированным воинским контингентом французской армии является Иностранный легион, история которого (в том числе и отдельных его частей) до сих пор малоизвестна в нашей стране.

Попробуем проследить основные этапы этой непростой истории на примере лишь одного воинского коллектива (так будет нагляднее). Коллектива немногочисленного, но достаточно известного во Франции и за ее пределами. Речь пойдет о 13-й полубригаде легиона, сформированной в Африке в феврале 1940 г. из двух батальонов общей численностью немногим менее двух тысяч человек. Один из ее первых командиров, подполковник Р.-Ш.Магрэн-Вернере (принявший впоследствии псевдоним Р.Монклар), придумал для нее девиз: «По обычаю предков».

Поначалу, по замыслу французского генштаба, полубригада должна была отправиться воевать в Финляндию против советских войск. Но международная обстановка изменилась: в марте 1940 г. Хельсинки подписал мирный договор с Москвой. Однако окончание советско-финской войны не остановило английского премьер-министра Черчилля, продолжавшего бороться против Германии. Теперь он решил, – намного раньше Гитлера, – оккупировать нейтральную Норвегию. Но опоздал: немцы оказались более организованными, и первыми вторглись в Норвегию. Они захватили всю ее территорию, в том числе стратегически важный порт Нарвик⁶. Тогда Лондон и Париж попытались

выбить немцев из Норвегии, куда и отправили в составе экспедиционного англо-французского корпуса 13-ю полубригаду.

В мае 1940 г. она получила боевое крещение. В ночь на 13 мая под прикрытием артиллерийского огня британского Королевского флота несколько подразделений 13-й полубригады (около 1,5 тыс. человек) десантировались у Бьерквика; первый эшелон с ходу захватил город, а второй ввязался в бой восточнее, пытаясь отрезать немецким войскам пути к отступлению. Однако немцы не стали защищать побережье и ушли в глубь Норвегии.

После этого успеха 13-я полубригада вместе с польскими и норвежскими частями, также задействованными в операции, двинулась к Нарвику. В ночь на 28 мая легионеры и норвежцы высадились в непосредственной близости у Нарвика и к 4 часам утра захватили плацдарм. С 4 часов 30 минут до полуночи этого же дня на подступах к Нарвiku шли упорные и ожесточенные бои; особенно отличилась 2-я рота 1-го батальона, потерявшая всех офицеров и 60 легионеров⁷.

7 июня 1940 г. 13-я полубригада по приказу союзного командования оставила Нарвик и переправилась во Францию, где с 10 июня уже шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками. 14 июня легионеры высадились в Бресте и попытались остановить продвижение противника. Но фронт уже разваливался. Лишенные противотанковых средств, легионеры были вынуждены отойти и 20 июня направились в Англию.

После капитуляции Франции 22 июня 1940 г. в полубригаде произошел раскол: половина легионеров не признала Шарля де Голля в качестве главы Свободной Франции и отбыла в Марокко; другая половина, оставшаяся в Великобритании, напротив, присоединилась к де Голлю, получив новое название – 14-я полубригада. В ноябре 1940 г., получив известие о расформировании властями Виши «марокканской полубригады», 13-я полубригада вновь станет именоваться таковой.

В августе 1940 г. – апреле 1941 г. легионеры-голлисты приняли участие в боях в Западной (Сенегале, Габоне) и Восточной (Эритрея) Африке, после чего их направляют на Ближний Восток, в Сирию, находившуюся под контролем вишистов, затем в Ливию.

С июня по июль 1941 г. 13-я полубригада принимала участие в боях в Сирии, в частности, против своих однополчан по Иностранному легиону, оставшихся верными режиму Виши. После завершения кампании на Ближнем Востоке в командование трехбатальонной 13-й полубригады вступил подполковник Дмитрий Амилахвари (1906–1942), выходец из древнего грузинского княжеского рода, потомственный военный, предки которого служили Российской империи и занимали видные должности в российской армии. Молодой князь продолжил семей-

ную традицию, но уже во Франции, ставшей его второй родиной, которая после 1917 г. дала приют многим эмигрантам из России, в том числе семейству Амилахвари. В 1924 г. он закончил Сен-Сирское военное училище и два года спустя был зачислен в Иностранный легион. До войны служил в Марокко. В 1940 г. участвовал в качестве добровольца в боях в Норвегии, пользовался большим авторитетом среди легионеров⁸.

В декабре 1941 г. легионеры прибывают в Ливию, где вскоре развернулись решающие в Северной Африке бои за обладание Египтом. Ожесточенная схватка разыгралась в районе оазиса Бир-Хакейм, где в мае-июне 1942 г. три батальона 13-й полубригады держали в составе 8-й британской армии оборону в пустыне, причем в последние дни – практически без боеприпасов, еды и воды. В ходе двухнедельных боев полубригада понесла большие потери, но продолжала стойко оборонять свои позиции, после чего вырвалась из окружения. Именно здесь немецкий полководец Эрвин Роммель потерял драгоценное время, необходимое для скорейшего выхода на оперативный простор и движения в направлении дельты Нила.

23 октября 1942 г. под командованием генералов Александера и Монтгомери началось очередное контрнаступление британской армии в Северной Африке. В ее рядах по-прежнему сражались и воины Свободной Франции. На второй день ожесточенных боев под эль-Аламейном 13-я полубригада понесла невосполнимую потерю – ее командир Амилахвари был убит.

В начале 1943 г. 13-я полубригада вернулась в Ливию, где вошла в состав 1-й бригады 1-й дивизии Свободной Франции и приняла участие в освобождении Туниса. Затем легионеров перебросили в Италию воевать против войск держав «оси». Не прошло и трех лет, как они снова столкнулись с тем же противником, но уже не в Северной, а в Южной Европе.

После ожесточенных боев в Тоскане (16–18 июня 1944 г.) в августе того же года 13-я полубригада высадилась в составе американо-французских войск (Операция «Энвил») на южнофранцузском побережье, участвовала в освобождении Тулона и 3 сентября первой вошла в Лион. В этот же период в 13-й полубригаде воссоздается 3-й батальон (временно расформированный еще в Ливии из-за невосполнимых потерь). Делается это, в частности, за счет украинского батальона, еще недавно проводившего карательные операции против французских партизан, но в августе 1944 г. покинувшего ряды вермахта и перешедшего на сторону антифашистского сопротивления⁹. Надо сказать, что в полубригаде и до этого насчитывалось немало антифашистов из других стран Европы, в особенности бывших испанских республиканцев.

В декабре полубригада участвовала в ликвидации «Кольмарского котла» – такое название получили бои в районе эльзасского города Кольмар, где союзные войска добивали окруженнную немецко-фашистскую группировку. Окончание войны легионеры встретили в горных долинах Франции и Италии в ходе преследования отступающего противника. Вознаграждением за ратные труды и подвиги 13-ой полубригады был Крест Освобождения (апрель 1945 г.). В сентябре 1946 г. ей была вручена новая, самая завидная из коллективных наград – фуражер (род аксельбанта) цвета ленточек Военной медали и Военного креста¹⁰. 17 марта 1956 г. полубригада была удостоена другого фуражера тех же цветов, на этот раз за участие в кампании в Индокитае. Наконец, в июне 1996 г. Президент Франции Ж.Ширак вручил ей (как и другим девяти частям сухопутных войск) третий фуражер цветов Креста Освобождения.

13-я полубригада существует по сей день. Расквартирована она на территории современной Республики Джибути, на Африканском Роге.

Сказанное выше убеждает: перед нами, несомненно, элитное специализированное воинское формирование. Тем не менее, прошлое этой не совсем стандартной частицы Иностранного легиона можно, видимо, считать историей (в миниатюре) легиона в целом.

Особая воинская часть, получившая наименование «Иностранный легион» была создана в составе французской армии 9 марта 1831 г. усилиями маршала Сульта, бывшего соратника Наполеона I, занимавшего к тому времени при короле Луи-Филиппе пост военного министра. Ей суждено было стать одним из наиболее известных в мире, и не только своими ратными делами, но и жестокими нравами, французских специализированных формирований¹¹. К концу Второй мировой войны полки Иностранного легиона побывали во всех уголках земного шара, кроме разве что Арктики и Антарктиды. Без легионеров не обходилась ни одна кампания в ходе колониальных войн Франции в Африке, Азии и Америке в XIX – начале XX вв.

Комплектуемый за счет лиц с неясным прошлым Иностранный легион принимал в свои ряды представителей всех европейских наций и народностей, в том числе и подданных Российской империи (до 1917 г.), и граждан СССР. Легионеров можно разделить на две условные группы: тех, кто попадал в него благодаря уловкам вербовщиков, и тех, кто вступал в Иностранный легион осознанно, стараясь избежать уголовного преследования или будучи закоренелым авантюристом.

В том, что касается легионеров-россиян, бывало всякое. В легион записывались, из легиона бежали или хотели его покинуть до истечения срока контракта. О попытках легально расстаться с легионом свидетельствуют, в частности, документы из Архива внешней политики

Российской империи, – письма самих легионеров или их родственников, относящиеся к началу XX века¹². Но сказанное относится к периоду до Первой мировой войны.

Иная картина складывалась после августа 1914 года, когда Россия и Франция вступили в войну против общего врага. С началом Первой мировой войны русские подданные вступали в легион в массовом порядке. В те годы через Иностранный легион прошло свыше пяти тысяч наших соотечественников; они прочно удерживали второе место среди представителей всех национальностей, сражавшихся под знаменами легиона¹³. Да и после войны в Иностранном легионе тоже было немало русских. Так, по оценке Зиновия Пешкова, служившего в легионе в 20-х гг., их насчитывалось около трех тысяч (данные на февраль 1924 г.)¹⁴.

Вместе с тем не стоит путать с легионерами волонтеров Первой и Второй мировых войн, которых включали в специальные части легиона. Так, в состав волонтеров Первой мировой входили иностранцы, проживавшие до 1 августа 1914 г. во Франции, и которые после объявления войны решили стать вместе с французами на защиту их родины. В ряды волонтеров, то есть не легионеров, а людей, обязавшихся служить только до конца войны, попали тогда почти четыре тысячи русских. Однако, вопреки их желаниям, всех волонтеров, в том числе русских, в полном соответствии с французскими законами, военные власти зачислили в маревые полки 1-го и 2-го иностранных полков Иностранного легиона¹⁵. Таким образом, воевали волонтеры в Европе, но командовали ими настоящие кадровые легионеры – офицеры и унтер-офицеры, которых привезли из Марокко, Алжира, Индокитая и прочих заморских владений.

Тема русских волонтеров во французской армии на сегодняшний день остается «белым пятном»: на русском языке об этом практически не написано ничего, за исключением нескольких работ¹⁶.

Еще одно воинское формирование иногда, вольно или невольно, ассоциируется в литературе с Иностранным легионом, хотя для этого и нет оснований. В конце 1917 г. – начале 1918 г. во Франции, из частей русских 1-й и 2-й Особых пехотных дивизий, воевавших во время Первой мировой войны на Западном и Салоникском фронтах соответственно, были созданы специальные Русские легионы – 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. Подчеркнем: они никогда не входили в состав Иностранного легиона, несмотря на наличие в обоих названиях общего слова «легион». Окончательно сформированный в январе 1918 г., 1-й Русский легион (практически лишь он один и участвовал в боях до конца Первой мировой войны) был утвержден в качестве воинской части указом президента Франции только 11 апреля. Легион принял активное участие в боях на французском фронте. За участие в

сражениях под Суассоном в мае 1918 г. он получил, с легкой руки французских журналистов, почетное прозвище Русский Легион Чести (*Légion Russe pour l'Honneur*), под которым и вошел в военную историю. 19 декабря 1918 г. Русский легион был награжден фуражером цветов Военного креста. После окончания Первой мировой войны легион был расформирован и отправлен в Россию. Там «легионеры чести» приняли участие в гражданской войне, причем по обеим сторонам фронта¹⁷.

Количество российских (советских) граждан, прошедших через Иностранный легион во время Второй мировой войны, было на порядок меньше, чем в 1914-1918 гг. Как и в Первую мировую, из представителей нескольких десятков национальностей, включая русских, в начале вторжения на территорию Франции в июне 1940 г. немецко-фашистских войск были сформированы несколько маршевых полков иностранных волонтеров (21-й, 22-й и 23-й). Нам известны имена лишь некоторых соотечественников из их числа. Например, в дивизионной разведке служили лейтенант Румянцев, младший лейтенант Соколов, старший вахмистр Орлов, а в 1-м иностранном кавалерийском полку командиром взвода был Владимир Булюбаш, увезенный родителями из России в семилетнем возрасте и погибший в ноябре 1944 г.

К сожалению, исследований о специализированных воинских контингентах французской армии крайне мало. И практически ничего не известно об участии в них русских людей, – главным образом по причине удаленности от России соответствующих французских архивных фондов. О работах иностранных современников интересующих нас событий известно и того меньше¹⁸. Представляется, таким образом, необходимым выйти на качественно новый уровень исследований, который позволил бы не только осветить малоизвестные и вовсе неизвестные страницы мировой военной истории, но и очертить новый круг проблем.

---

¹ Таковыми являлись Капский легион, полк Иль-де-Франс, сенегальский батальон, 1-й и 2-й экспедиционные индийские батальоны и др. – См.: Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 546.

² Лашук А. Наполеон. Походы и битвы. М., 2004. С. 97-98, 910-911. Полк был сформирован 9 января 1799 г. и расформирован 5 сентября 1801 г.

³ Первый взвод мехаристов появляется в 1891 г., но широкое распространение мехаристы получили с 1899 г.

⁴ Conquête et pacification de l'Algérie. Paris, 1931. Р. 30, 51, 60. Вернье Ш., Виллинг П. Униформа французской армии. 1660-1845. М., 2002. С. 96.

⁵ Histoire militaire de l'Afrique occidentale française: Paris, 1931. Р. 307 (note), 323, 326; L'armée française en Indochine. Paris, 1931. Р. 130, 158 (note), 171. Mi-

---

chel M. Mythes et réalités du concours colonial: soldats et travailleurs d'outre-mer dans la Guerre française. – Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918. Paris, 1990. P. 393-409. Субботин В.А. Колониальные войска в конце XVIII – начале XX века // Вопросы истории. М., 2002. № 8. С. 35, 36.

⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976. С. 68-70.

⁷ Des Vallières J. Et voici la Légion Etrangère. Paris, 1963. P. 145. См. также: Swiggett H. March or die. New-York, 1953. P. 174-175. Черчилль У. История Второй мировой войны. М., 1991. Кн. 1. С. 294-295.

⁸ Des Vallières J. Op. cit. P. 148. Ravon R. A moi, la Légion... Paris, 1955. P. 233.

⁹ Брюонон Ж., Маню Ж. Иностранный легион (1831-1955). М., 2003. С. 220 (прим.). С сентября 1944 г. 13-я полубригада участвовала в боевых действиях в составе 1-й бригады 1-й маршевой пехотной дивизии, входившей, в свою очередь, в разные союзнические соединения.

¹⁰ Первоначально фуражер был элементом униформы, который отменили в 1872 г. В апреле 1916 г. фуражер стал коллективной наградой для особо отличившихся воинских частей. Фуражер вручался воинским частям также и во Вторую мировую войну и после нее, – за доблесть, проявленную на театрах военных действий вне Франции. За Вторую мировую войну фуражера цвета ленточек Военной медали и Военного креста были удостоены, кроме 13-й полубригады, только три пехотные части. При неоднократных награждениях в фуражер вплетался новый шнур соответствующего цвета. Внешне фуражер практически идентичен обычным аксельбантам и носится при парадной форме одежды на левом плече.

¹¹ Guyot Ph. La Légion étrangère sur le théâtre français // La guerre. Paris, 2002. № 5. Р. 32-33.

¹² Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 3083. Л. 22-23, 36.

¹³ Брюонон Ж. Маню Ж. Указ. соч. С. 421.

¹⁴ Пешков З. Письмо Максиму Горькому // Африка глазами эмигрантов. М., 2002. С. 54.

¹⁵ С ноября 1915 г. 2-й, 3-й и 4-й маршевые полки 1-го Иностранного полка и 2-й маршевый полк 2-го Иностранного полка станут Маршевым полком Иностранного легиона.

¹⁶ Лебедев В.И. Из рядов французской армии. М., 1916; Крестовская Л.А. Из истории русского волонтерского движения во Франции. П., [б.г.]. Колосов Е.Е. Русские волонтеры во Франции. Пг, 1916; Россель Л. Памяти С.Н. Слетова // Воля России. Прага, 1925. № 6. С. 84-96; Годовой отчет комитета помощи русским волонтерам с 1 июня 1915 г. по 1 июня 1916 г. [б.м, б.г.]. См. также. Petit P. Histoire des Russes incorporés dans les Armées françaises pendant la Grande Guerre (1914-1918). Nanterre, 1992. Р. 5-6.

¹⁷ Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. Париж, 1933; Карев П.Ф. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1957; Лисовен-

---

ко Д.У Их хотели лишить Родины. М., 1960; Павлов А.Ю. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны (1916-1918). СПб., 1998; Чиняков М.К. Русские войска во Франции и Македонии (Салониках). 1916-1918. М., 1997; Adam R. Histoire des soldats russes en France. 1915-1920. Les damnés de la guerre. Paris, 1996; Cockfield J.H. With Snow on their Boots: the Tragic Odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I. New-York, 1998.

¹⁸ О русских волонтерах в Первую мировую войну см.: France et Russie. Volontaires russes au front français. Paris [1916].

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1935-1941 гг. В ЭФИОПИИ И ДИПЛОМАТИЯ ИМПЕРАТОРА ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ I

5 мая 1936 г., когда после семимесячной кровопролитной войны итальянские войска под командованием маршала Бадольо вошли в столицу Эфиопии Аддис-Абебу, многие поспешили заявить о крахе Эфиопской империи. 9 мая 1936 г. Дуче с балкона Венецианского дворца, перед которым собралась многолюдная толпа, сделал заявление о захвате Эфиопии¹.

Лидеры Италии, в том числе король Виктор Эммануил II, которому был присвоен титул императора Эфиопии, не предполагали, что эфиопское правительство не только будет продолжать существовать, но и руководить партизанским движением внутри страны и вести дипломатическую борьбу на международной арене.

На начальном этапе оккупации (1936–1938 гг.) Эфиопской империи фашистской Италией многие политические силы готовы были признать завоевание и легитимизировать власть оккупантов. Даже в Великобритании, где император получил временное убежище, долгое время не хотели предоставлять ему статус политического эмигранта и признавать возглавляемое им правительство Эфиопской империи в изгнании. Хайле Селассие просили прибыть в Лондон инкогнито, чтобы не придавать этому событию официальный статус.

Лишь на следующий день глава МИД Великобритании Антони Иден нанес визит вежливости, посетив дипломатическую миссию Эфиопии, где временно остановился император. Борец за «коллективную безопасность» Иден в угоду британскому истеблишменту, опасавшемуся, что официальный прием императора Хайле Селассие I Лондоном может побудить Муссолини к сближению с Гитлером, вынужден был держать дистанцию.

Тем не менее, в день прибытия императора вдоль лондонских улиц, идущих от железнодорожного вокзала Ватерлоо, выстроилась многотысячная толпа, скандировавшая: «Хайле Селассие! Хайле Селассие!». Поэтому, опасаясь осуждения общественности, в том числе мировой, власти Великобритании не препятствовали участию эфиопского лидера в сессиях Ассамблеи Лиги наций. Так, в своем выступлении 30 июня 1936 г. он нарисовал драматическую картину трагедии маленькой свободной страны и высказал прогноз о будущей войне в Европе. Никто из британских высокопоставленных лиц открыто не выразил свое недовольство.

После нескольких неудачных попыток дипломатических миссий в Женеву император Эфиопии вернулся в Великобританию и был препровожден в город Бат, где его ждали тяжелые испытания. Первые годы жизни в Бате, особенно зима 1937–1938 гг., были омрачены и личными неприятностями. Тяжело болела императрица, ухудшилось финансовое положение вследствие замораживания счетов в европейских банках. «Очевидно, что мы, — пишет Хайле Селассие I, — не имели никаких доходов, поэтому вынуждены были жить на те скучные средства, которыми располагали»².

Официальный Лондон не хотел предоставлять императору, его семье и членам эфиопского правительства политическое убежище. Положительную роль в решении этого вопроса сыграл Антони Иден. «Не будь Антони Иден тогдашим главой МИД Великобритании, Хайле Селассие не получил бы убежища в стране», — пишет американец, советник императора Дж. Спенсер³. Еще будучи представителем Великобритании в Лиге наций, Иден предложил применить санкции против Италии во время ее агрессии в Эфиопии. После же ухода Идена с занимаемого поста главы МИД в 1938 г. премьер-министр Чемберлен и новый глава Форин-офиса лорд Галифакс фактически признали захват Эфиопии Италией, несмотря на существование правительства в изгнании.

Хайле Селассие понимал, что в данной ситуации не стоит ожидать помощи со стороны Великобритании, Франции и других стран. При этом он не отказывался от дипломатической борьбы, пытаясь склонить великие державы на свою сторону. Кроме того, Хайле Селассие постоянно держал связь с Временным правительством, которое от его имени руководило партизанским движением, не прекращавшимся на протяжении всей оккупации.

Поскольку движение сопротивления широко развернулось в провинции Шоа, на родине императоров Менелика II и Хайле Селассие I, репрессии оккупантов были направлены именно против ее жителей, особенно после покушения 19 февраля 1937 г. на «вице-короля итальянской Восточной Африки» маршала Грациани. Уничтожение жителей Шоа приняло характер геноцида. Репрессиям подверглась прежде всего образованная часть населения. Были расстреляны монахи известного эфиопского монастыря Дебре-Либаноса, расположенного к востоку от столицы.

В 1938 г. император Хайле Селассие I в телеграмме, адресованной всем христианским церквям, дал детальное описание преступлений, которые совершили итальянцы: уничтожение храмов, расстрел духовенства, публичная казнь в Аддис-Абебе отца Петроса, отказавшегося от

сотрудничества с оккупантами, перемещение исторических и культурных ценностей.

Ни одна из держав не выступила с осуждением этих преступлений. Европа и Америка сделали вид, что не услышали о варварских деяниях фашистов в феврале 1937 г. Как не заметили они и того, что итальянские агрессоры в 1936 г. использовали против эфиопских защитников родины химическое оружие.

В 1938 г. в оккупированной Эфиопии был создан «Комитет единства и сотрудничества» для руководства партизанской борьбой. Комитет поддерживал постоянные контакты с императором Хайле Селассие. Главной задачей комитета была координация движения сопротивления и развертывание партизанской борьбы во всех районах Эфиопской империи. Именно благодаря комитету в конце 1939 г. движение сопротивления охватило всю страну и дало важный результат. Из-за все усилившегося сопротивления населения итальянские власти не смогли реализовать свои планы экономической эксплуатации и поселения итальянцев в Эфиопии. Завоевание оказалось чисто символическим. Огромные расходы на подготовку и ведение войны, а затем на оккупацию страны привели Италию к банкротству.

Для выхода из создавшегося положения Муссолини предпринял несколько попыток склонить императора отказаться от власти. Ему было предложено стать правителем провинции, отречься от эфиопского престола в пользу старшего сына, принца Асфа Восена. Муссолини воздействовал на императора через политические круги Франции, Ватикана, Швейцарии. Одним из посредников был кардинал Пачелли, госсекретарь Ватикана (впоследствии Папа Пий XII). Он предложил императору за отречение 1 млн. фунтов стерлингов. Хайле Селассие I от предложения отказался⁴.

Потеряв надежду на помочь со стороны Лиги наций и великих держав, весной 1938 г. император Хайле Селассие начинает подготовку к возвращению в Эфиопию, чтобы возглавить сопротивление. Он проводит секретные переговоры с графом Карлом Густафом фон Розеном⁵, чтобы тот организовал его переезд в город Горе, где находилась штаб-квартира Временного правительства. Узнав о планах Хайле Селассие из разведданных, британский МИД убедил его отказаться от возвращения. Было очевидно, что он будет схвачен итальянцами, которые немедленно казнят его.

Здесь необходимо упомянуть, что в 1936–1941 гг. Англия вела двойственную политику. В Лиге наций англичане сначала осудили агрессию Италии против Эфиопии. Разрешив императору Эфиопии остаться в Великобритании, англичане одновременно вели переговоры с Италией по поводу его отречения. В том случае, если бы Италия всту-

пила в войну, Хайле Селассие должен был вернуться в Эфиопию как союзник Великобритании и возглавить военные действия против Италии.⁵

В 1939 г., накануне начала Второй мировой войны, Великобритания и Франция, наконец, пришли к выводу, что Италия будет союзником Германии. Таким образом, первый план Великобритании не увенчался успехом. Стало очевидно, что необходимо задействовать второй.

Правительство Великобритании начало официально оказывать помощь императору Хайле Селассие. Летом 1939 г. специальный представитель Хайле Селассие I Лоренцо Тызыаз (доктор Мартын) в сопровождении французского полковника Поля Робера Монньера и нескольких антифашистов, завербованных им, пересекли эфиопскую границу и встретились с партизанами в провинции Годжам на западе страны. Главной миссией этой группы было получение подробной информации о действиях сил сопротивления. «Эфиопия готова к восстанию»⁶, – доложил императору Лоренцо.

В тоже время в Каире бригадный генерал Сендфорд (с 1914 г. жил в Эфиопии, занимался фермерством, в годы оккупации служил в отделе военной разведки в штаб-квартире ближневосточного командования) организовал англо-эфиопскую разведывательную группу «миссия 101» в составе 5 эфиопских и 5 британских офицеров с целью изучения обстановки в Эфиопии, установки отношений с партизанами, а также подготовки пунктов для доставки оружия и боеприпасов. Иными словами, «Миссия 101» должна была подготовить общенациональное восстание в Эфиопии. Миссия Сендфорда, как ее по-другому называли, сыграла заметную роль в организации народного выступления накануне начала наступления союзников.

В конце 1939 г. стало ясно, что планам Великобритании и Франции, направленным на то, чтобы за счет эфиопской империи удовлетворить колониальные интересы Италии и тем самым предотвратить ее союз с Германией, не суждено было осуществиться. 10 июня 1940 г. дуче с того же балкона Венецианского дворца, откуда ранее он провозгласил об образовании Итальянской Восточной Африки и сокрушении Эфиопской империи, объявил о вступлении в войну на стороне Германии.

Только теперь, опасаясь потери своих владений в Африке и на Ближнем и Дальнем Востоке, правительство Великобритании решило помочь эфиопским партизанам. Император Эфиопии, конечно, понимал мотивы, побудившие Англию стать его союзницей. Ранее правительство Великобритании пыталось привлечь на свою сторону правителей Уоллеги и Годжама с целью присоединения этих эфиопских провинций к Англо-Египетскому Судану. Несомненно, Великобритания

хотела присоединить освобожденную страну к своим владениям в Восточной Африке.

Об этом свидетельствует и сообщение советника посольства США в Лондоне Хэршеля Джонсона от 16 мая 1941 г., ссылающегося на мнение ответственного чиновника британского министерства иностранных дел об истинных намерениях Великобритании в отношении Эфиопской империи. «Форин-офис, — писал Джонсон главе ближневосточного отдела министерства, — рассматривает восстановление императора как инструмент власти в части Эфиопии и соответственно признает его правительство, но императору ясно было показано, что он должен действовать только через англичан и с их согласия. Британское правительство далеко от готовности предоставить императору статус союзника или заявить, что оно может снова признать Эфиопию как полностью независимое государство»⁷. Тем не менее, правительства Великобритании и Франции понимали, что трудно добиться чего-либо в Эфиопии без союза с императором, который по-прежнему пользовался авторитетом и являлся единственным гарантом стабильности.

В правящих кругах Великобритании к этой проблеме относились по-разному. Такие политики как Антони Иден и Уинстон Черчилль публично заявляли о «признании за императором его “претензий на трон”», о «независимости Эфиопии», об «отсутствии со стороны Великобритании территориальных притязаний в Эфиопии», о том, что «Британская военная администрация контролирует страну временно»⁸.

Высокопоставленные военные и колониальные чиновники Англо-Египетского Судана, а также управляющие Британской Восточной Африкой, напротив, желали превратить Эфиопию в британский протекторат.

10 июня 1940 г., после объявления Италией войны Великобритании и Франции, Черчилль и Иден публично признали незаконность захвата Эфиопии Италией. В этой связи 24 июня они решили отправить Хайле Селассие на Ближний Восток, не дожидаясь возможного закрытия судоходства на Средиземном море, при наличии угрозы интервенции Германии во Франции.

Как и в 1936 г., в 1940 г. Хайле Селассие уехал из Англии инкогнито⁹. На Ближнем Востоке об этом знали лишь четыре человека: сэр Майлс Лампсон, посол Великобритании в Египте, генерал Уэйвелл, главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке, бригадный генерал Илтэн Клайтон, сэр Эдвин Чэпман-Эндрю, бывший британский консул в г. Хараре. Хайле Селассие, сопровождавшие его советники и его сын Меконян прибыли в Александрию 25 июня 1940 г. Его встречали Клайтон и Чэпман-Эндрю.

В Александрии было много подданных Италии. Поэтому присутствие императора держалось в строжайшем секрете, были приняты дополнительные меры по обеспечению его безопасности.

Утром 26 июня 1940 г. после остановки в Луксоре император и его свита направились в Судан, а его генерал-губернатор получил телеграмму с сообщением, что император направляется в Хартум. Власти Судана опасались войны с итальянцами, которые уже захватили такие важные города, граничившие с Эфиопией, как Кассала на севере и Галлабат на юге. Поэтому они направили императора не в Хартум, а в Вади-Хальфа (небольшое поселение на границе Судана и Египта). Император пробыл в Вади-Хальфа семь дней. В течение этого времени суданская администрация вела споры с ближневосточным командованием о необходимости пропуска Хайле Селассие в Хартум. Лишь после вмешательства Идена суданским властям пришлось отступить. 3 июля 1940 г. император прибыл в Хартум. Суданские власти отвели ему для жительства уединенную виллу на берегу Нила с усиленной охраной. В ней отсутствовал даже телефон. Император фактически оказался под домашним арестом.

Тогда же ему стало известно, что англичане ничего не предпринимают для формирования и военной подготовки эфиопских отрядов, что суданские колониальные власти всячески стремятся изолировать его, что кенийские власти используют эфиопских беженцев на различного рода строительных работах, что кенийская администрация отказывается освободить эфиопов-эмигрантов и предоставить им возможность пройти курс военной подготовки для последующего участия в боях против итальянских захватчиков. Хайле Селассие был в отчаянии. Он принял решение направить находившемуся в Каире Антони Идену (который возглавлял тогда военное министерство Великобритании) предложение о заключении долгосрочного официального договора о дружбе и союзе между Эфиопией и Англией.

После трехдневного совещания в Каире Иден решил признать Хайле Селассие I лидером Освободительной армии Эфиопии. Он получил неограниченную свободу передвижения, возможность ознакомиться с развитием событий в Эфиопии, формировать патриотическую армию из эфиопских эмигрантов. Более того, ближневосточное командование должно было оказывать ему материальную и моральную поддержку. Осуществление этих задач ближневосточное командование британскими вооруженными силами возложило на майора О. Уингейта.

Официальный Лондон, признавая Хайле Селассие единственным лидером его страны и эфиопского народа, начал оказывать ему всяческую поддержку. Колониальные же власти, несмотря на то, что они представляли интересы британской короны, не хотели его восстановле-

ния на троне. По их планам он не должен был стать императором эфиопской империи, а лишь правителем Шоа.

Хайле Селассие не исключал, что англичане будут использовать его как марионетку и понимал важность продолжения дипломатических игр. Его ответ на речь Уингейта во время их первой встречи в октябре 1940 г. был свидетельством этого.

Уингейт, в частности, сказал: «Я выражаю Вашему Величеству мое почтение. В 1935 г. пятьдесят два государства предали Вас и Вашу родину. Тот акт агрессии привел к этой войне .... Я приехал как Ваш советник и представитель Ваших войск, которые привезут Вас на родину и восстановят Вас на троне. Мы обещаем Вам свободу и равенство среди государств. Но и это все пойдет прахом, если Вы не примете активного участия в освобождении своей Родины. Чтобы там ни стало в будущем, Вы будете руководить всем». На что император с горечью ответил: «Какую роль я смогу сыграть, ничего не делается, они даже запретили беженцам из Кении прибыть сюда... меня используют как пешку»¹⁰.

Тем не менее, с прибытием Уингейта в Хартум началась полномасштабная подготовка патриотической армии, эфиопских беженцев начали отправлять из Кении в Судан. Там с помощью британских сержантов и офицеров они обучались военному делу. Был создан батальон «Силы Гедеона». Майор же Уингейт действительно стал близким помощником и советником императора.

Об том свидетельствует инцидент, произошедший в декабре 1940 г. В Каир прибыл некий полковник Брокельхерст – посланник кенийских и родезийских белых поселенцев, рассчитывавших создать после войны Восточно-Африканскую Федерацию под контролем Великобритании. В эту Федерацию предполагали включить и плодородные земли юга Эфиопии. Целью прибытия полковника были консультации с генералом Уэйвеллом (главнокомандующим британскими войсками на Ближнем Востоке) об организации восстания народов галла (оромо) как против итальянских захватчиков, так и против императора Хайле Селассие I.

Узнав об этом, Уингейт сразу же отправился к императору и посоветовал ему действовать незамедлительно. «Цель миссии Брокельхерста – расчленение Эфиопии... Вы должны связаться с Лондоном и сообщить им, что Вы догадываетесь о тайных замыслах этой миссии»¹¹.

Хайле Селассие отправил телеграмму Черчиллю с решительным протестом. Через несколько дней он получил заверения генерала Уэйвела, что он не разрешит Брокельхерсту вступить на территорию Эфиопии.

В январе 1941 г. началось наступление англо-эфиопских войск на Итальянскую Восточную Африку. 20 января 1941 г. император Хайле Селассие I и возглавляемый им батальон численностью в 800 человек пересекли эфиопскую границу. Хайле Селассие поднял национальный флаг Эфиопии в местности Омедла в провинции Годжам на западе страны. В этот же день наступление начали британские войска под командованием генерала Платта через Кассалу (город на востоке Судана) в Эритрею, а генерала Каннингэма – с территории Кении. А в марте 1941 г. англичан поддержали союзные подразделения, прибывшие из Бельгийского Конго.

Тем временем английское командование вооруженными силами на Ближнем Востоке (со штаб-квартирой в Каире) разработало план установления контроля британской администрации на территориях так называемой Итальянской Восточной Африки, в том числе в Эфиопии. Они получили название «оккупированные вражеские территории».

Для эфиопского руководства это было неожиданностью. Действительно, в течение пятилетней оккупации Эфиопия не потеряла свой суверенитет, а ее правительство не прекращало свою деятельность. Великобритания включила Эфиопию в разряд вражеских территорий лишь потому, что однажды ей пришлось признать законность итальянской оккупации.

Для проведения официальных переговоров с императором Хайле Селассие I в феврале 1941 г. в провинцию Годжам прибыл представитель ближневосточного командования Морис Лаш. Он должен был известить Хайле Селассие о замыслах англичан. Эти планы приняты не были.

20 марта 1941 г. в Каире Митчелл (в прошлом губернатор Уганды) встретился с министром иностранных дел Великобритании Иденом и начальником имперского генерального штаба генералом Джоном Диллом. Во время обсуждения этого вопроса Иден отверг план установления в Эфиопии протектората или распространения на ее территории администрации западного образца.

Нельзя не учитывать главные причины, заставившие британские власти отказаться от прямого захвата Эфиопии. Прежде всего здесь сыграл свою роль экономический фактор, и, в меньшей степени, – политический. Управление послевоенной Эфиопией означало вливание огромных средств в инфраструктуру, в управление, наконец, в социальную сферу. Английский капитал был не готов к этому.

Официальный Лондон, тем не менее, желал быть если не единственной, то основной державой, влияющей на политическую, экономическую и даже культурную жизнь Эфиопской империи. Для этого соз-

давалась видимость ведения переговоров с эфиопским руководством, имевших следующие результаты:

1. За императором Хайле Селассие I признавалось право издавать указы, а оккупационные власти Великобритании могли принимать “Public Notices” (временные законы);

2. Уголовные и гражданские дела между эфиопскими подданными подлежали рассмотрению в эфиопских судах, а смертные приговоры подтверждались императором после консультации с заместителем главы политического отдела британской оккупационной администрации;

3. Император мог назначать чиновников после консультации с британскими оккупационными властями¹².

Для эфиопского руководства это было временное отступление. До тех пор, пока итальянские оккупанты находились в стране, а национальный административный аппарат был недееспособным, отношения с британскими властями не должны были обостряться.

К моменту договоренности между императором Хайле Селассие I и М.Лашем обстановка на фронтах в Северо-Восточной Африке изменилась в пользу союзников. Возглавляемые генералом Каннингэмом южно-африканские войска, освободив британское Сомали и юг Эфиопии, подошли к Аддис-Абебе. Части генерала Платта теснили противника в Эритрее. Возглавляемые императором эфиопские соединения полностью освободили провинцию Годжам. 5 апреля 1941 г. они заняли ее главный город Дебре Маркос. Дорога к Аддис-Абебе была открыта. Однако дальнейшее наступление эфиопских частей приостановилось. Уингейт получил строжайший приказ из Хартума не допустить продвижение императора, задержать его в Годжаме.

Этот приказ по-разному расценивается исследователями. Ряд западных авторов объясняют это решение британского командования желанием предотвратить кровопролитие, которое могло произойти в результате столкновений между эфиопским населением и итальянцами, находящимися в столице¹³. Советские и российские исследователи придерживаются иного мнения. Они полагают, что основной причиной задержки возвращения императора в столицу было желание британских властей его опередить. Их целью было выиграть время для создания британских военно-административных органов¹⁴.

6 апреля возглавляемые генералом Каннингэмом южно-африканские части заставили сдаться итальянский гарнизон в Аддис-Абебе. Война приближалась к завершению. Между тем эфиопским отрядам был отдан приказ не вступать в столицу. Правящая элита Эфиопии по-прежнему не получила реальной власти.

Тем временем, повсюду, откуда были изгнаны итальянские оккупанты, усиленно насаждались британские военно-административные

органы власти. Главой администрации (военным губернатором) и командующим британским гарнизоном стал бригадный генерал Лаш. Общее руководство осуществляло главнокомандующий ближневосточными силами.

Для установления тотального контроля оккупационные власти разделили страну на девять провинций: Гондар, Тигре, Годжам, Уолло, Шоа, Уоллэга, Сидамо, Джимма и Харар. В каждую из них была послана специальная миссия, целью которой было привлечение к сотрудничеству местных вождей, хотя император возражал против этого¹⁵.

Спустя некоторое время британские власти разрешили Хайле Селассие I вернуться в столицу. Он выбрал дату 5 мая 1941 г. В этот день император в сопровождении эфиопских войск, сформированных О.Уингейтом в 1940 г. в Хартуме, и семитысячного отряда партизан под командованием Раса Абеде Арегая вступил в Аддис-Абебу. Этот день отмечался в Эфиопии (до революции 1974 г.) как день освобождения от ига фашистской Италии.

В Аддис-Абебе император произнес приветственную речь, где в частности сказал: «...сегодня начало новой эры в истории Эфиопии... Если это так, не творите зло... не совершайте жестокости... не дайте врагу опозорить добродетель нашей родины Эфиопии. Мы должны разоружить врага и заставить его уйти восвояси»¹⁶. И собравшаяся вооруженная толпа не опустилась до насилия и мести. По окончании выступления императора народ мирно разъехался, чтобы отметить восстановление суверенитета государства и конец фашистской оккупации.

Участие Великобритании в освободительной войне Эфиопии несомненно сыграло большую роль в ускорении процесса разгрома фашистов не только в этой стране, но и во всей Северной Африке.

Послевоенное присутствие британских властей, несмотря на подрывную деятельность отдельных личностей, также сыграло положительную роль. Особенно важным было соглашение 1942 г. между двумя странами, гарантировавшее финансовую и военную помощь Эфиопии. Эта помощь дала возможность государству приступить к восстановлению хозяйства и властных структур, пострадавших в годы оккупации¹⁷.

Восстановление требовало не просто реставрации прежних институтов и порядков (что было бы невозможным, если бы даже Хайле Селассие этого захотел), а преобразования государственного устройства страны и, главное, продолжения начатых еще до агрессии 1935 г. реформ, направленных на укрепление центрального правительства.

Для этого нужны были иностранные специалисты. Хайле Селассие надеялся воспользоваться услугами пленных итальянских военных и гражданских специалистов. Поэтому во время переговоров с британ-

скими военными властями одним из предметов ожесточенных споров стал вопрос об эвакуации итальянцев. Эфиопская сторона настаивала, чтобы пленные, пожелавшие остаться жить и работать в Эфиопии (таких было немало), были бы оставлены в стране. Оккупационные власти напротив не хотели, чтобы высококвалифицированные итальянские специалисты работали на Эфиопию. Присутствие итальянских специалистов означало бы наличие сильной конкуренции англичанам. Многие итальянцы в годы оккупации сумели завести собственное дело, стать хозяевами фабрик, недвижимости, транспортных средств, ферм, плантаций. В случае, если бы их оставили в Эфиопии, они могли потребовать компенсации или возвращения имущества, захваченного британскими властями. Поэтому оккупационные власти начали срочную эвакуацию итальянцев.

До середины 1940-х гг. одна Великобритания предоставляла специалистов для Эфиопии. Лишь после полного разгрома фашистов в 1945 г. в Эфиопию начали приезжать квалифицированные кадры из других стран.

Патриотическое движение эфиопского народа нашло отражение в эфиопской литературе, особенно в произведениях послевоенных 1940–1950-х гг. Помимо громких фраз о мудрости императора, приведшего своих подданных к победе, там описывалась тяжелая жизнь не только всего народа, но и трудная судьба отдельного человека в условиях террора и репрессий.

В дореволюционной Эфиопии 5 мая (день возвращения императора в столицу) отмечался как национальный праздник, день освобождения страны. После революции 1974 г. по декрету военного правительства Днем победы стало 6 апреля. Г.В.Цыпкин в книге «Эфиопия в антиколониальных войнах 1896–1941 гг.» пишет, что этой акцией власти Эфиопии «восстановили историческую справедливость»¹⁸.

У участников сопротивления, а также членов «Ассоциации эфиопских патриотов» иной взгляд. Как говорил один из участников дискуссии, посвященной проблемам эфиопской конституции, которая состоялась 5–6 апреля 1994 г., перенос Дня победы с 5 мая на 6 апреля не только несправедлив, но и далек от истины. В этот день ни один эфиопский патриот не вошел в Аддис-Абебу¹⁹.

Автор согласен с этим мнением. 6 апреля в столицу Эфиопии вошли британские войска во главе с генералом Канингэмом. А отряд эфиопских патриотов во главе с расом Абебе Арегай не вошел в столицу, так как получил строгий приказ оставаться за ее пределами. Перенос праздника с 5 мая на 6 апреля означает фактическое признание, что Эфиопия была освобождена британскими войсками.

Поставив перед собой задачу дискредитировать режим императора Хайле Селассие I, пришедшие после него к власти политики фактически отодвинули на второй план роль эфиопских патриотов. Таким образом, этот перенос даты Дня победы является не только переоценкой деятельности эфиопских патриотов, но и попыткой переписать историю.

Само празднование Дня победы постепенно теряет торжественность. Об этом свидетельствует отношение официальных средств массовой информации. Например, газета «Аддис Земен» упомянула о 53-й годовщине Дня победы над фашистами, поместив заметку лишь 8 апреля 1994 г.²⁰

---

¹ Хибберт К. Беннито Муссолини. М., 2001. С. 9–10.

² Император Хайле Селассие I. Моя жизнь и прогресс Эфиопии (на амхарском языке). Книга II. Аддис-Абеба, 1934. (Е.С.) С. 72–74.

³ Spencer J.H. Ethiopia at Bay a Personal Account of Haileselassies Period. Algonac (Michigan), 1986. P. 72.

⁴ Император Хайле Селассие I. Указ. соч. С. 82.

⁵ Фон Розен – шведский поданный, позднее – командир школы BBC Эфиопии, сделал очень много в годы итalo-эфиопской войны. Пораженный варварскими действиями фашистов, он добровольно отправился на фронт, где занимался перевозкой раненых эфиопских солдат в сложнейших ситуациях, при непрекращающихся обстрелах с самолетов противника. Он был единственным пилотом, который рисковал, часто не имея даже карты местности, ради спасения раненых и жертв газовой атаки. Он сам получил ожог от иприта. После падения Аддис-Абебы и отъезда императора он продолжал свою гуманитарную миссию вне оккупированных территорий.

⁶ Mosley Leonard. Haileselassie. The Conquering Lion. L., 1964. P. 248.

⁷ F.R. U.S. Diplomatic papers. 1941. Vol. III. (Wash.) P. 350.

⁸ Parliamentary Debates. House of Commons. (L.) Fifth series. Vol. 368. Col. 804.

⁹ Mosley Leonard. Op. cit. P. 251.

¹⁰ Spenser J.H. Op. cit. P. 83.

¹¹ Ibid. P. 85.

¹² Lord Rennell of Rodd. British Military Administration of Occupied Territories in Africa during the Years 1941–1947. L., 1947. P. 48, 64, 339.

¹³ Sandford I. Ch. Ethiopia under Haile Selassie. L., 1946. P. 118. K.D.D. Henderson. The Making of the Modern Sudan. The Life and Letters of sir Douglas Newbold. L., 1953. P. 203–204.

¹⁴ Ягъя В С. Эфиопия в 1941–1954 годах. М., 1969. С. 136.

¹⁵ Perham M. The Government of Ethiopia. L., 1969. P. 345.

¹⁶ Император Хайле Селассие I. Указ. соч. С. 315–316.

---

¹⁷ Agreements and Military Convention between the United Kingdom and Ethiopia. Addis-Ababa. January 31. 1942.

¹⁸ Цыпкин Г.В. Эфиопия в антиколониальных войнах. М , 1988. С. 283.

¹⁹ Аддис Земен. (Аддис-Абеба). 5 апреля 1994 г.

²⁰ Там же. 8 апреля 1994 г.

ТАЙНЫ РАЗВЕДКИ: МОЗАМБИК В СЕТЯХ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Сейчас есть все основания считать, что гибель президента Мозамбика С.Машела 19 октября 1986 г. произошла не в авиакатастрофе, а была преднамеренным убийством, тщательно подготовленным и осуществленным спецслужбами ЮАР. Незадолго до этого министр обороны ЮАР М.Малан выступил с грубыми угрозами в адрес Машела. В беседе с президентом директор Мозамбикского информационного агентства Кардозо сказал: заявление Малана выдает «намерение южноафриканской военщины убить вас»¹.

19 октября 1986 г. президентский самолет «ТУ-134», которым управлял экипаж опытных советских летчиков, врезался в дерево на склоне горы на территории ЮАР. Судя по всему, в горах Лебомбо был установлен и запущен ложный радиомаяк. Подставное мощное радиоустройство увело самолет с курса и завернуло его от аэродрома Мапуту, куда он летел, к горам Лебомбо.

После происшествия стало известно (об этом писали мозамбикские газеты), что накануне авиакатастрофы из Претории поступил приказ расположенным в Восточном Трансваале воинским частям быть в полной боевой готовности. Вблизи гор Лебомбо появились эскадрильи реактивных истребителей «Импала МК-2», военные вертолеты, воинские части с бронетранспортерами. Ложный маяк мог быть установлен на любой передвижной платформе².

Во время осмотра места падения самолета в 150 шагах от точки его соприкосновения с землей были обнаружены следы покинутой лагерной стоянки. По свидетельствам местных жителей, здесь стояла большая палатка, в которой находились южноафриканские солдаты³. Все говорило за то, что южноафриканские наземные средства увели с курса самолет С.Машела, таким образом была устроена авиакатастрофа.

ЦРУ действовало в Мозамбике с колониальных времен, координируя свою работу и обмениваясь информацией с португальской тайной полицией ПИДЕ/ДЖС и со спецслужбами португальских Вооруженных сил (особенно в вопросах обмена информацией и подготовки спецперсонала). 3 февраля 1969 г. ими был злодейски убит в Дар-эс-Саламе председатель ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане. В 1974 г. совместно с мозамбикскими белыми поселенцами они разработали план мятежа, целью которого было создание режима белого меньшинства «по Родезий-

скому образцу». Мятеж был запланирован на 20 сентября 1974 г. Главную ударную силу составляли командос и бывшие агенты ПИДЕ.

Однако мятеж вспыхнул 7 сентября 1974 г. после подписания Лусакского соглашения о прекращении колониальной войны. Мятежники захватили ряд стратегических объектов в Лоренсу-Маркише, в том числе радиостанцию, провозгласившую независимость страны и призывавшую их сторонников в ЮАР и Родезии оказать помощь. Однако, действуя совместно, бойцы ФРЕЛИМО и португальская армия отбили у путчистов радиостанцию и аэродром и подавили мятеж⁴.

После провозглашения независимости Народной Республики Мозамбик 25 июня 1975 г. американские секретные службы усилили свою деятельность в Мозамбике. С этого времени американские агенты в этой стране, как это обычно практикуется ЦРУ, действовали под прикрытием посольства США. Офицеры ЦРУ занимали там должности, которые гарантировали им дипломатическую неприкосновенность.

Крушение португальской колониальной системы явилось неожиданностью для Вашингтона. Достаточно вспомнить, что на рубеже 1970-х гг. знаменитый Меморандум № 39 Г.Киссинджера, характеризовал португальский колониальный режим, а также «белые режимы» Родезии и Южной Африки как очень прочные и рекомендовал администрации США поддерживать их в косвенной форме, не заявляя об этом публично.

Уже в 1975 г. в Мапуту обосновался резидент ЦРУ в этом регионе Африки Фредерик Ли Веттеринг – специалист по экономическим и военным проблемам юга Африки, который до этого работал в Танзании. Вместе со знаменитым Фрэнком Карлуччи они готовили антиправительственный путч на Занзибаре. Тот же Карлуччи в то время, когда Веттеринг работал в Мапуту, активно поддерживал контрреволюционные силы в Португалии. Позже за свои заслуги он был назначен заместителем директора ЦРУ⁵.

Веттеринг с помощью других агентов ЦРУ сумел значительно расширить сеть ЦРУ в Мозамбике. Наряду с вербовкой мозамбикских агентов он предпринимал попытки вовлечь в нее иностранных граждан, живших там, в первую очередь дипломатов и специалистов из СССР и других социалистических стран.

Как свидетельствует старый агент ЦРУ Джон Стокуэлл в своей книге «ЦРУ против Анголы», дипломаты из соцстран в развивающихся странах составляли «один из главных объектов» для вербовки ЦРУ, но, по выражению американских секретных агентов, считались «твёрдыми орешками».

ЦРУ применяло в Мозамбике те методы и механизмы дестабилизации, которые с тем или иным успехом уже были опробованы во многих

развивающихся странах, в том числе в Чили, на Кубе, в Гватемале, Никарагуа, Индонезии и др.

Всего в Мозамбике действовали 15 агентов ЦРУ. Они вовлекли в свои сети большое число мозамбикцев, как гражданских, так и военных, через которых ЦРУ получало ценную информацию⁶.

Самым ценным из мозамбикских агентов ЦРУ был чиновник МИД Жозе Массинга. Он был завербован ЦРУ в то время, когда учился в США. В Мозамбике действовал как главный агент-наводчик, то есть тот, кто указывал ЦРУ потенциальных кандидатов для вербовки, а в ряде случаев лично знакомил их с офицерами ЦРУ. Он использовал для этого свой авторитет ветерана ФРЕЛИМО. Через Массингу ЦРУ смогло наладить контакты с большинством своих будущих агентов в Мозамбике, в том числе и среди военной верхушки.

Среди мозамбикцев, завербованных ЦРУ, были сотрудники МИД, Генерального Штаба и других учреждений, где могла быть получена информация стратегического характера.

Какие сведения интересовали ЦРУ? Прежде всего – все, что имело отношение к президенту С.Машелу – состояние его здоровья, его передвижения, система охраны, его личные дружеские связи и т.п. Подобные факты собирались и в отношении высших военных руководителей. Также ЦРУ хотело знать все, что касалось схем передвижений и снабжения Вооруженных сил Мозамбика (ФПЛМ), особенно ВВС⁷.

Для чего ЦРУ была необходима информация такого рода? Есть основания считать, что разведуправление намеревалось в будущем содействовать планам дестабилизации Мозамбика, которые включали при подходящих условиях убийство высших руководителей и совершение государственного переворота.

Вся собранная ЦРУ информация передавалась южноафриканским и родезийским секретным службам, которые были вовлечены в более или менее открытую конфронтацию с Мозамбиком. Этот опасный заговор мозамбикская служба безопасности раскрыла в марте 1981 г., разоблачив сеть ЦРУ в Мапуту и опубликовав соответствующие документы⁸.

В качестве ответной меры на выдворение большой группы американских «дипломатов» США решили в одностороннем порядке приостановить снабжение Мозамбика пшеницей.

14 марта 1981 г. в Мапуту состоялась пресс-конференция, на которой было большое число журналистов из многих стран. Отвечая на их вопросы, Жозе Массинга – директор одного из департаментов МИД, член ФРЕЛИМО с августа 1962 г., рассказал о том, что во время учебы в Нью-Йоркском университете он был завербован агентом ЦРУ, на-

звавшимся Вилли. В 1967 г. Вилли просил его отправиться в штаб-квартиру ФРЕЛИМО в Дар-эс-Саламе.

Дело в том, что во ФРЕЛИМО, вплоть до убийства Эдуардо Мондлане, происходила острая идеологическая борьба, ослаблявшая движение. ЦРУ проявляло большое внимание к этим событиям (или провоцировало их). Поэтому оно сочло необходимым иметь своего агента в эпицентре этих событий.

Позже, когда Жозе Массинга уже работал в МИД, Вилли познакомил его в Женеве с другими американскими шпионами – Фредом и Джеймсом Смитом⁹. На вопрос журналистов, какая информация их интересовала, Массинга ответил: «Сначала они просили любую информацию. Когда я уже был в контакте с Фредом, он попросил меня выяснить, в чем суть соглашений, подписанных Мозамбиком с СССР... Спрашивал также, сколько в стране работает советских, китайских и кубинских специалистов. Они хотели также знать, существуют ли какие-нибудь противоречия между президентом и министром иностранных дел..., а также между Гебузой, Чиссано и Шипендорфом»¹⁰. Жозе Массинга рассказал на пресс-конференции, что по просьбе американских дипломатов он познакомил их с членами АНК из Южной Африки, с кубинцами и русскими. Всю добытую в Мапуту информацию американцы отправляли в Дар-эс-Салам, а потом в Эфиопию.

Другой высокопоставленный мозамбикец, завербованный ЦРУ, Алсиду Шивите, отвечая на вопросы журналистов, сказал: «Сообщаемые мной сведения ЦРУ всегда отправляло в Южную Африку... Возможно, они помогли южноафриканцам осуществить военную операцию против лагеря южноафриканских беженцев в Матола 30 января 1981 г.» (около Матолы находились тренировочные лагеря АНК). Журналист спросил: «Вы давали сведения о военных материалах, предоставлявшихся освободительным движениям в Зимбабве?» Ответ: «Они просили такие списки». Вопрос: «Но вы их дали или нет?» Ответ: «Да, дал. Часть списков»¹¹.

Сеть ЦРУ в Мозамбике удалось раскрыть благодаря внедрению в нее молодого офицера-летчика Жуана Карнестру Гонсалвиша, который в течение пяти лет действовал по инструкциям мозамбикской службы безопасности (СНАСП).

С его помощью была проведена операция под кодовым названием «Шестая годовщина», в ходе которой была выявлена и уничтожена агентурная сеть ЦРУ в Мозамбике. Была выиграна одна битва, но не война против иностранных спецслужб. Они продолжали действовать, о чем свидетельствовало убийство президента НРМ С.Машела.

---

¹ Литературная газета. 4.03.1987

² Там же; International Herald Tribune. 21.10.1986.

³ Там же.

⁴ Observer. (L.). 15.09.1974.

⁵ *Mutemba Abel. Como umrede da CIA foi desmantelada en Mosambique.*
Maputo, 1981. P. 9.

⁶ Ibid. P. 6.

⁷ Ibid. P. 7.

⁸ Ibid. P. 27-90.

⁹ *Tempo. (Maputo). 22.03.1981.*

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

КЕНИЯ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

«Холодная война», длившаяся более четырех с половиной десятилетий, была не только противостоянием двух сверхдержав, в нее был вовлечен весь мир, включая Африку. Степень участия каждой африканской страны в «холодной войне» была различной, как были различны ее причины и последствия для каждой из них.

У.Ростоу, выделяющий в истории «холодной войны» три периода – 1945–1955 гг., 1955–1973 и 1973–1989 гг., считает, что она распространялась на Африку на протяжении двух последних из них и стала одной из главных причин возникновения идеологических, политических и военных конфликтов в разных частях континента¹. По мнению Самира Амина, инициатива в развязывании «холодной войны» принадлежала Соединенным Штатам, которые первыми разработали концепцию глобальной экономической, политической и военной гегемонии США и начали ее реализацию. В то же время, по его словам, СССР никогда не имел подобных глобальных амбиций и его стратегия в мировой политике, включая политику в Африке, носила в основном оборонительный характер. В стратегии США выделялись пять «региональных военных зон» [Regional military commands]. Тропическая Африка, за исключением стран Африканского Рога, входила в так называемую южноатлантическую зону, в которой США действовали совместно с Великобританией, Францией и Португалией (вплоть до распада португальской колониальной империи)².

Вовлечение Кении – белой поселенческой колонии – в «холодную войну» было в значительной мере предопределено ее особым стратегическим значением среди британских владений в Восточной и Центральной Африке. В годы Второй мировой войны на территории Кении базировались части британской армии и военно-воздушных сил, а также колониальные войска, участвовавшие в боевых действиях в Африке, Азии, на Ближнем Востоке и в Европе. В 1950-е гг. Кения стала одной из важных военно-сырьевых и продовольственных британских баз, плацдармом «в системе мобильной обороны Британской империи и ... потенциально тыловой стратегической базой, ... оперативным и ракетным плацдармом в (возможной) ракетно-ядерной войне»³.

Великобритания сохранила прочные экономические, политические и военные позиции в Кении и после провозглашения ее независимости (1963 г.). Государственное устройство, административная, политическая и судебная системы, принципы экономической и внешней полити-

ки Кении разрабатывались при непосредственном участии Лондона. Ряд двусторонних соглашений 1960-х гг. свидетельствовал об особой роли Великобритании во многих сферах жизни Кении. Однако ее вовлечение в международную политику и, в частности, в противостояние между Востоком и Западом, произошло прежде всего под воздействием США и СССР, находившимися в эпицентре «холодной войны». Великобритания была одним из главных союзников США в Африке, Лондон поддерживал Соединенные Штаты в «холодной войне», но роль Великобритании в ее развязывании не была главной. Не столь важно, какая из двух сверхдержав первой втянула Африку в «холодную войну». Важно другое: избежать этого, оставаться нейтральными смогли лишь немногие из африканских государств.

Какие цели преследовали в Кении США и СССР?

До провозглашения независимости Кении Соединенные Штаты, избегавшие вторжения в сферу британских колониальных интересов, не проводили активной политики в этой стране, пытались, по словам угандинского историка П. Годфри Окота, «... играть роль “честного посредника” между британским колониализмом и африканскими националистами»⁴. В первую половину 1960-х гг. США видели свою главную задачу в Кении в том, «... чтобы воспрепятствовать взаимодействию молодого государства со странами восточного блока и ... монополизировать международные связи Кении. Для достижения этих целей США проводили в Кении антикоммунистическую и антиреволюционную политику... Любая помочь или проявление дружбы по отношению к Кении со стороны Советского Союза и Китая были объявлены Вашингтоном как опасные признаки установления советского и китайского контроля над Кенией»⁵. П.Г.Окот считает, что «... интересы США, СССР и Китая отражали общую заинтересованность этих стран в Африке...», но США, более чем какая-либо другая мировая держава, стремились к монопольному влиянию на Кению в силу ее geopolитической значимости⁶. В своих рекомендациях Государственному департаменту США, касающихся американской стратегии в Африке, первый американский посол в Кении У.Эттвуд утверждал, что Кения является ее «ключевым объектом»⁷. Возможно, это преувеличение, хотя возрастающий интерес США к Кении был очевиден. Эттвуд считал, что США должны «... укреплять популярность и власть дружественных и ответственных (кенийских) лидеров», оказывать им помощь в осуществлении эффективных краткосрочных программ развития в наиболее важных экономических и социальных сферах⁸.

Великобритания, США и Запад в целом имели в Кении устойчивую социальную опору – европейских поселенцев и экономически и политически влиятельную прослойку африканского населения. Прозападно

настроенные лидеры образовали большинство в правящей партии – Национальном союзе африканцев Кении (КАНУ), правительстве и парламенте. В программных документах КАНУ и правительства официальной идеологией Кении был объявлен «африканский социализм». Главные установки по социально-экономическому развитию страны предусматривали поощрение частного африканского предпринимательства и иностранных капиталовложений, высокие темпы хозяйственного роста при помощи извне, прежде всего со стороны стран Запада⁹.

Лидером прозападного большинства в правящих кругах Кении стал генеральный секретарь КАНУ, влиятельный член кабинета министров Том Мбоя, которого называли «человеком Америки». Мбоя принадлежал к этнической группе луо, второй по численности после кикую «титульной нации» Кении. Он был одним из самых талантливых политиков Тропической Африки 1960-х гг. На Западе, прежде всего в США, его рассматривали как наиболее желательного преемника президента страны кикую Джомо Кениаты. Ближайшее окружение Кениаты, состоявшее из лидеров-традиционалистов кикую, ненавидело Мбоя, но его главным противником был луо Огинга Одинга, заместитель председателя КАНУ и вице-президент Кении. Огинга Одинга возглавлял небольшую группу кенийских политиков, которая, как считали на Западе, «ориентировалась на Восток», на СССР и Китай. Он и его сторонники действительно настаивали на строгом соблюдении провозглашенных КАНУ принципов неприсоединения и нейтралитета в международных делах и в этой связи – на необходимости даже «немного больше повернуть в сторону Востока»¹⁰.

Но это требование было вызвано скорее pragmatическими соображениями, чем идеально-политическими симпатиями Огинги Одинги. Его группа была необходима финансовая поддержка, которую на Западе она получить не могла. СССР и Китай такую помощь оказывали, правда, не в таких масштабах, на которые рассчитывала эта группа.

В литературе об Африке установилось деление соперничающих кенийских лидеров на «правых» и «левых» – деление, скорее, условное. Не последней причиной их противостояния был назревавший с конца 1950-х гг. этно-политический конфликт кикую-луо и личное соперничество между Мбойей и Огиной Одингой. И «правые», и «левые» отрицали свою связь с Западом и Востоком. Выступая в начале 1964 г. на заседании Генеральной ассамблеи ООН в качестве представителя Кении, Огинга Одинга заявил: «В «холодной войне» мы не принадлежим ни к какому лагерю, мы принадлежим Африке»¹¹. Был ли он искренен? Как отмечалось, связи кенийских «правых» и «левых» с соответственными Западом и Востоком существовали. Именно они способствовали бы-

строму – в течение полутора-двух лет – втягиванию Кении в «холодную войну».

Это произошло в 1965-1966 гг., когда политическая эйфория, охватившая значительную часть населения, особенно учащуюся молодежь, после провозглашения независимости, пошла на спад. Многие были разочарованы политикой Кениаты, еще недавно пользовавшимся неоспоримым авторитетом. В такой обстановке требования «левых» безвозмездно передать безземельным и малоземельным крестьянам выкупаемые у поселенцев земли и национализировать крупные иностранные компании выглядели привлекательно. «Левые» ссылались на советский опыт социалистического реформирования экономики. В результате возрос интерес к СССР – стране, ранее неизвестной большинству кенийцев.

Политика СССР в Африке в 1960-70-е гг. формировалась под значительным влиянием распространенных в то время концепций «некапиталистического развития» стран «третьего мира» и их «ориентации на социализм». Первый советский посол в Кении В.С.Лавров писал, что «претворяя … в жизнь принципы, сформулированные в конституции КАНУ 1962 г., независимая Кения смогла бы пойти по некапиталистическому пути развития». Речь шла об утопичной цели КАНУ, внесенной в конституцию, вероятно, с подачи «левых», в соответствии с которой в независимой Кении «рабочим и народу» должны были принадлежать плоды их труда, а средства производства находиться «под наилучшей системой народного контроля»¹². Лавров делил кенийских лидеров на «национал-реформистов» и «революционных демократов», к первым он относил прозападное большинство в правительстве и руководстве КАНУ, ко вторым – Огингу и его сторонников¹³.

Дипломатические отношения между СССР и Кенией были установлены в январе 1964 г. В том же году был подписан ряд советско-кенийских соглашений: о торговле, мореплавании, научном и культурном, экономическом и техническом сотрудничестве, а в 1965 г. – о прямом воздушном сообщении. В Найроби были открыты представительства советских средств массовой информации – «Правды», ТАСС, АПН, некоторых общественных организаций. Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве (ноябрь 1964 г.) предусматривало строительство в Кении с советской помощью ряда сельскохозяйственных и промышленных объектов. Затраты на его осуществление предполагалось покрыть за счет товарного кредита – реализации советских товаров в Кении. СССР также предложил построить больницу на 300 мест с поликлиникой и оборудовать техническое училище в качестве дара Кении, а также предоставить 300 стипендий для обучения кенийцев в советских вузах¹⁴.

Соглашения 1964 г. отражали лишь видимую сторону советской политики в Кении, советско-кенийских отношений. Главной целью этой политики было распространение советского влияния на среднее звено руководства КАНУ и на кенийскую армию.

В 1964–1965 гг. в Найроби с помощью СССР была создана партийная школа КАНУ – Институт имени Патриса Лумумбы по подготовке партийных кадров. По словам В.С.Лаврова, инициатива в создании этого института исходила от Огинги Одинги, который, с согласия Кениаты, обратился «... к общественным организациям СССР и других дружественных стран с просьбой оказать содействие в его строительстве» с тем, чтобы «... функционеры КАНУ и прогрессивных партий других африканских стран, прежде всего соседних государств, могли бы познакомиться с опытом строительства социализма в СССР, с практической деятельностью КПСС и других коммунистических партий...»¹⁵. По его же словам, «деятельность по организации партийной школы руководством КАНУ не афишировалась, с тем чтобы колониалистские силы не могли затруднить ее создание...»¹⁶.

Институт им. Лумумбы был открыт 12 декабря 1964 г., в день провозглашения Кении республикой. Патронами института стали Кениата и Огинга Одинга, среди членов его правления преобладали кенийские «левые». Некоторые из них стали преподавателями, в институте работали и советские ученые – философ и социолог А.Здравомыслов и экономист А.Богданов. Первый набор в институт на трехмесячные курсы обучения состоялся в марте 1965 г. и составил 90 слушателей из 31 районной организации КАНУ¹⁷.

В том же месяцев произошло событие, свидетельствующее об активизации советской политики в Кении и вызвавшее болезненную реакцию со стороны кенийских «правых»: в кенийский порт Момбасу вошел корабль «Физик Лебедев» с грузом оружия, присланного СССР в дар правительству Кении. Одновременно прибыла группа советских военных специалистов, которым предстояло обучить кенийцев обращению с этим оружием. В самом факте советского военного дара Кении не было ничего необычного, поскольку военные поставки (в качестве даров или на коммерческой основе) занимали тогда значительное место в отношениях СССР со странами «третьего мира». В разгар «холодной войны» на долю СССР приходилось почти 50% всех зарубежных военных поставок в страны Тропической Африки. Советский дар был, однако, отвергнут, после того как проинспектировавшие «Физика Лебедева» кенийские министры (Мбойя, Дж.Гичуру и Б.Маккензи, единственный европеец в правительстве, бывший полковник южноафриканских BBC) вынесли вердикт: «Оружие очень старое, оно бесполезно для современной кенийской армии»¹⁸. В действительности на ее воору-

жении в середине 1960-х гг. не было современного по тому времени оружия. Причина была иной: кенийские «правые» однозначно расценили этот дар как попытку советского внедрения в вооруженные силы Кении.

Борьба «правых» против «коммунистической угрозы» велась в разных формах, включая крайние. В феврале 1965 г. на пороге собственного дома был застрелен гоанец Гама Пиа Пинто, член парламента, редактор-издатель журнала «Панафрика», ближайший помощник Огинги Одинги. Были арестованы и осуждены двое из трех возможных участников убийства (один из них в конце 1990-х гг. еще находился в тюрьме, не признавая свою вину), однако его организаторы так и не были названы.

В июне того же года состоялся первый и, как оказалось, последний выпуск слушателей института им. Лумумбы (85 человек). В начале июня «левые» функционеры КАНУ, включая выпускников и преподавателя института В.Нгангу, попытались явочным путем переизбрать руководство «Национального союза». Не ясно, знал ли о подготовке этой авантюры Огинга Одинга. Так или иначе, но в ее результате престижу «левых» в стране был нанесен ущерб, а ее участники оказались на скамье подсудимых. 25 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения «за нарушение общественного порядка». Набор новых слушателей был прекращен, за советскими преподавателями установлена жесткая слежка. В 1966 г. институт был закрыт¹⁹.

В 1964–1965 гг. «левые» безуспешно пытались утвердиться в профсоюзном объединении страны – Федерации труда Кении (ФТК), настаивали на ее выходе из прозападной Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП). В сентябре 1965 г. правительство Кении установило свой контроль над профсоюзами. Федерация труда была преобразована в Центральную организацию профсоюзов, укрепившую связи с МКСП.

К началу 1966 г. «правые» добились полного превосходства во всех властных структурах страны: в правительстве и парламенте, руководстве КАНУ, армии и судебных органов. В парламенте они имели трех-четырехкратное превосходство над «левыми», под их контролем находились партийные организации всех провинций, за исключением Ньянзы и крупных городов, за исключением Кисуму. Наступление на «левых» велось под флагом борьбы с «коммунистической угрозой».

В британской и прозападной кенийской прессе участились сообщения о «борьбе за власть» между президентом и вице-президентом страны, о намерении Огинги Одинги установить в Кении «потенциально прокоммунистический» режим. Об этом же сообщали своим прави-

тельствам посып некоторыи западных стран в Кении, прежде всего, посол США У.Эттвуд.

Прием на государственную службу лиц, связанных с «левыми», за исключением учреждений, находившихся под их непосредственным контролем, был строго ограничен. Это касалось и кенийцев, окончивших учебные заведения в СССР, Китае, Чехословакии и ГДР, в особенности выпускников военных училищ²⁰.

Очевидно, что действия «правых» были хорошо организованы и скоординированы. Как пишет Огинга Одинга, в начале 1965 г. наиболее активные члены парламента из их числа объединились для проведения согласованной кампании против «левых»²¹. Одновременно якобы существовала «группа некоторых членов кабинета» и «более высокая группа внутреннего планирования, включавшая советников из некоторых западных посольств»²².

В феврале 1966 г. кенийский парламент принял резолюцию о доверии правительству, осуждавшую деятельность «раскольнических групп», не согласных с его деятельностью²³. В начале марта 1966 г. «правые» организовали общенациональную конференцию КАНУ – формально для пересмотра партийного устава, принятого еще в 1960 г., а фактически с целью разгрома левой оппозиции. Эта цель была достигнута благодаря ашпаратному мастерству Мбойи: он предложил ликвидировать пост заместителя председателя партии, который со дня ее основания бессменно занимал Огинга Одинга, и учредить восемь постов вице-президентов КАНУ (по одному от каждой провинции). Все восемь заняли кандидаты «правых». Огинга Одинга в выборах вице-президентов не участвовал. После переизбрания Мбойи генеральным секретарем КАНУ он покинул конференцию. В день ее окончания «левые» вышли из КАНУ и создали свою организацию – Союз народа Кении (СНК).

Наступление на «левых» сопровождалось жестокими внешнеполитическими акциями. Из Кении была выслана группа дипломатов и журналистов стран советского блока. У.Эттвуд в своей книге «Красные и черные» откровенно пишет, что посольство США и другие «дружественные посольства» советовали кенийским властям, кого «следует выслать из Кении»²⁴.

Образование СНК было кульминацией противоборства между «правыми» и «левыми» в Кении. Его исход был, однако, предрешен, поскольку «правые», как отмечалось, располагали полным превосходством во всех властных структурах страны, значительными финансовыми средствами, поддержкой бывшей метрополии, США, других стран Запада.

Программные документы СНК осуждали «капиталистическую политику правительства КАНУ» и создание им «немногочисленного класса богачей», предлагали в качестве альтернативы «социалистическую политику на благо народа, расширение национального контроля над средствами производства», «ликвидацию власти иностранцев над экономикой» и ее передачу «в руки народа», «государственное управление экономикой», создание «демократически избираемого правительства, действующего в интересах мелких фермеров и рабочих», то есть практически повторяли требования, которые ранее выдвигала левая оппозиция²⁵.

В то же время в документах СНК признавалась необходимость привлечения частных и государственных капиталовложений из-за границы и отмечалось, что Великобритания занимает особое место в экономической и политической жизни Кении, как страны, «создавшей ее»²⁶.

СНК просуществовал недолго. Противоборство между «правыми» и «левыми» завершилось внутриполитическим кризисом 1969 г. К этому времени обострилась фракционная борьба в КАНУ, где на смену этнополитическому блоку кикуйю – луо пришел альянс кикуйю – календжин, ставший опорой руководства правящей партии. Летом 1969 г. в Найроби был убит Том Мбоя, в стране начались столкновения между кикуйю и луо. В октябре 1969 г. в Кисуму, во время визита президента Кениаты, прибывшего на открытие больницы, построенной с помощью СССР, произошли массовые волнения; толпа забросала камнями президентский кортеж. Охрана Кениаты открыла огонь, убив и ранив более сотни человек.

Правительство обвинило левую оппозицию в подрывной деятельности и попытке переворота, запретило СНК и арестовало всех его лидеров во главе с Огиной Одингой. После декабрьских 1969 г. парламентских выборов, в которых участвовал только КАНУ, в Кении вновь установилась однопартийная политическая система (де-факто – с 1969 по 1982 гг. и де-юре – с 1982 по 1991 гг.).

Активизация советской внешней политики в Кении в середине 1960-х гг. была связана, на наш взгляд, с переоценкой в СССР антиколониальных и антиимпериалистических настроений первого президента страны Джомо Кениаты и возможностей кенийских «левых».

У Кениаты было сложное политическое прошлое. Более 16 лет он прожил в Европе, главным образом в Великобритании. В 1932–1933 гг. он был слушателем закрытой иностранной секции Коммунистического университета трудящихся Востока им.Сталина (КУТВ) в Москве. Учеба в СССР принесла Кениате репутацию «коммунистического агента» на Западе и на родине, которым он никогда в действительности не был. Документы КУТВ определенно говорят о Кениате как о «вполне сло-

жившемся национал-реформисте», настроенном «антикоммунистически и даже антисоветски»²⁷. Кениата возглавил КАНУ, в 1963 г. стал премьер-министром независимой Кении, а в 1964 г. – ее первым президентом. Недолгое время Кениата пытался соблюдать паритет во внешнеполитических делах, однако к середине 60-х гг. он всерьез поверил – во многом под влиянием его пробританского и проамериканского окружения – в «коммунистическую угрозу» Кении, исходящую от СССР и кенийских «левых». Он все более и более склонялся к тому, что деятельность «левых» направляют СССР и Китай. Родство его недоверие не только к африканской политике Советского Союза, но и к странам, оказавшимся, по его мнению, в сфере советского влияния. Он фактически выступил против признания провозглашенной в 1975 г. Народной Республики Анголы, выдвинул компромиссный, основанный на англо-американских предложениях проект урегулирования родезийской проблемы и план «интернационализации помощи» Африки, предполагавший предоставление предпочтительных прав Западу в отношениях с африканскими странами. Его личные связи с главами африканских государств, которых он считал «прокоммунистически настроенными» (К.Нkruma, Дж.Ньнерере и др.) ослабли или полностью прервались.

Особое беспокойство Кениаты вызывало военно-политическое сближение соседнего Сомали с СССР и попытки воплощения в жизнь идеи «великого Сомали» за счет приграничных с ним территорий Эфиопии и Кении. Трехлетняя пограничная кенийско-сомалийская война окончилась заключением хрупкого мира, однако, по твердому убеждению Кениаты, сомалийская угроза сохранялась. Он был уверен, что противостоять сомалийской экспансии можно только с военной помощью Запада. Как явствует из рассекреченных в 1998 г. документов британского кабинета министров, относящихся к англо-кенийским отношениям, в 1965-1966 гг. Кениата неоднократно обращался к правительству Вильсона с просьбой об оказании широкомасштабной военной помощи для отражения ожидаемой сомалийской агрессии. В личных письмах и через специально направленных в Лондон генерального прокурора Ч.Нджонджо и Б.Маккензи Кениата просил предоставить Кении реактивные бомбардировщики. Англичане отказали, обещав однакоказать помощь в случае, если Кения действительно подвергнется нападению²⁸. В конце 1960-х гг. Кениата обращался с просьбой к США нанести «ракетный удар» по Могадишо.

Усиление прозападной ориентации внутренней и внешней политики Кениаты произошло под влиянием американской дипломатии и разведки. Об этом писал У.Эттвуд: в рассекреченных документах государственного департамента США содержатся свидетельства того, как и по

каким каналам осуществлялось американское воздействие на правительство Кении.

Таким образом, вовлечение Кении в «холодную войну» было следствием активных попыток США и СССР утвердиться в качестве ее главных внешнеполитических и идеологических партнеров, а также острого противоборства так называемых правых и левых в правящей партии, правительстве и профсоюзах этой страны.

США, поддерживавшие кенийских «правых», своей цели достигли. В СССР будущее советско-кенийских отношений связывали с укреплением позиций «левых». Поражение СНК в противоборстве с правящей партией стало своего рода рубежом в этих отношениях. Пока они разvиваются в строго дипломатических рамках.

---

¹ Nyunya J.D. Olewe. Towards Understanding US-Africa Relations During the Cold War Era // The United States and Africa. From Independence to the End of the Cold War. Nairobi, 1996. P. 178–179.

² Ibidem. P. 179–182.

³ Круглов Л. Кения – военная база // Специальный бюллетень № 10. Институт Африки АН СССР. М., 1963. С. 49.

⁴ Okoth P.Godfrey. United States of America's Foreign Policy Toward Kenya, 1952–1969. Nairobi, 1992. P. 85.

Американская политика в Кении в 1950-е – начале 1960-х гг. преследовала, как и в ряде других колониальных странах, гуманитарные, пропагандистские и, в меньшей мере, экономические цели. В этот период Американское агентство международного развития осуществило в Кении «Программу развития сельского хозяйства и образования» – создала сеть исследовательских центров, организовала краткосрочные сельскохозяйственные курсы для молодежи и женщин, а также курсы для подготовки специалистов высшей квалификации, оснастило литературой и всем необходимым свыше 100 средних школ и колледжей. Во время катастрофических стихийных бедствий 1961–1962 гг. в Кении США оказали этой стране продовольственную помощь в рамках программы «Продовольствие для мира», которая была объявлена американской пропагандой «ключевым элементом политики США в Кении».

В 1959–1961 гг. американские государственные и частные организации финансировали три «воздушных моста» – доставку в США сотен молодых кенийцев и их обучение в американских колледжах. Инициатором этой программы был Том Мбоя, в то время генеральный секретарь профсоюзного объединения – Федерации труда Кении (ФТК). Он же добился финансовой помощи ФТК от контролируемой США Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП). См.: Okoth, P.Godfrey. Op. cit. P. 44–58.

⁵ Ibid. P. 87.

⁶ Ibid. P. 93.

---

⁷ Ibidem. Okot ссылается на рассекреченные документы американского Государственного департамента.

⁸ Ibid. P. 93–94.

⁹ What a KANU Government Offers You. Nairobi [1963]; Republic of Kenya. African Socialism and Its Application to Planning in Kenya. Nairobi, 1965; Republic of Kenya. Development Plan 1966–1970. Nairobi, 1966.

¹⁰ Gertzel C. The Politics of Independent Kenya, 1963–1968. Nairobi, 1970. P. 52.

¹¹ Odinga J.A. Odinga. Kenya at the United Nations // The African Communist. № 16. January-March. 1964.

¹² Владимиров Л. (литературный псевдоним В.С.Лаврова). Рожденная в огне. Путь Кении к независимости. М., 1972. С. 159.

¹³ Владимиров Л. Кения: выбор пути. Основные этапы и проблемы освободительного движения. М., 1979. Часть II. Гл. I–IV.

¹⁴ Владимиров Л. Там же. В 1964/65 учебном году на учебу в СССР выехали 300 кенийских студентов. В 1965 г. в СССР выехал только 151 студент. В последующие годы их число неуклонно сокращалось: в 1966 г. – 45, 1968 г. – 27, в 1970-е гг. примерно по 20 студентов ежегодно.

Больница с поликлиникой в г. Кисуму, построенные в качестве дара СССР в 1967 г., была открыта в 1969 г. В ней работали советские врачи и медсестры.

¹⁵ Владимиров Л. Там же. С. 158.

¹⁶ Владимиров Л. Рожденная в огне. С. 270.

¹⁷ Nyunyu J.D. Olewe. Op. cit. P. 185; Архив автора. Найроби, июль-август 1965.

¹⁸ Okoth P. Godfrey. Op. cit. P. 94; Архив автора. Найроби, июль-август 1965 г.

¹⁹ Владимиров Л. Кения: выбор пути. С. 163–167; Архив автора. Найроби, июль-август 1965 г. Вероятно, что июльские события были инспирированы посольством КНР в Найроби. Один из главных организаторов «захвата руководства КАНУ» В.Нганга учился в Китае и «был левым экстремистом, маоистом». См.: Владимиров Л. Там же. В конце июля из Кении был выслан корреспондент агентства Синьхуа, якобы причастный к этим событиям.

²⁰ Пегушев А.М. Раскол КАНУ и последствия организационного оформления левой оппозиции в Кении // Специальный бюллетень №22. Институт Африки АН СССР. М., 1968. С. 100–102, 104.

²¹ Odinga O. Not Yet Uhuru. The Autobiography of Oginga Odinga. L., 1967. P. 288–291.

²² Wananchi Declaration. The Programme of the Kenya People's Union. L., 1968.

²³ East African Standard. (Nairobi). 16.II.1965.

²⁴ Attwood W. The Reds and the Blacks. L., 1967. P. 286.

²⁵ KPU Manifesto. Nairobi, 1966; Wananchi Declaration.

---

²⁶ Wananchi Declaration; подробнее о левой оппозиции в Кении см.: *Пегушиев А.М. Кения. Очерк политической истории (1965 – 1969)*. М., 1972. Глава IV.

²⁷ О пребывании Кениаты в Москве см. *Пегушиев А.М. Неизвестный Кениата* (Москва, Коминтерн, «Нигро Уоркер») // Восток. М., 1997. № 4. С. 37–48.

²⁸ Daily Nation. (Nairobi). 2.1.1998.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В 1950-1960-е гг.: ВЗГЛЯД РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Для первых послевоенных десятилетий характерным является стремительный выход на арену мировой политики десятков стран «третьего мира». Бывшие колонии, получившие независимость, становились объектом пристального внимания политических аналитиков всего мира. Не могли пройти мимо этой темы и публицисты из числа российской политической эмиграции. Особенно активно африканские проблемы освещались в работах авторов социал-демократического направления. Но, надо отметить, что к ним обращались и публицисты, придерживавшиеся других политических ориентиров.

Российская социал-демократия после Второй мировой войны была представлена, прежде всего, Заграничной делегацией РСДРП – одним из последних (наряду с Заграничной делегацией Латвийской социал-демократии) осколков меньшевизма. Меньшевики были единственной партией дореволюционной России, которой удалось частично сохраниться в качестве организованной политической силы вплоть до середины 1960-х гг. На страницах их основного печатного органа – журнала «Социалистический вестник», издававшегося в течение 44 лет – с 1921 по 1965 гг. (причем фактически неизменным редакционным коллективом) был представлен глубокий анализ разнообразных проблем мировой политики эпохи «холодной войны». Африканский континент также привлекал внимание старых русских социал-демократов.

Значение Африки российская политическая эмиграция видела прежде всего в том, что континент был одним из важнейших фронтов «холодной войны». Антиколониализм, как указывали представители российской diáspоры, являлся одним из инструментов, используемых коммунистическим руководством СССР в борьбе против «свободного мира». При этом подчеркивалось, что стремление африканских государств освободиться от колониальной зависимости представляло собой объективный процесс, который можно лишь приветствовать. Как указывал известный социалист П.Берлин, уже к началу 1950-х гг. вся Африка была охвачена «глубоким брожением», стремясь вырваться из «нищеты и темноты». Союз с СССР, который выбрали многие африканские страны, представлялся ему пагубным средством, поскольку коммунисты своей политикой, наоборот, «закроют возможность поднятия народа из нищеты». Отсюда П.Берлин делал важнейший вывод, об-

щий для многих социалистов: США, на которых возлагалась ответственность за послевоенную политику Запада, должны осознать, что спасение Африки от коммунизма «лежит на путях поднятия народного благосостояния». Поэтому необходимо через международные организации, в частности ООН, оказывать комплексную помощь населению континента. Это помогло бы избавить многие народы от возможных коммунистических иллюзий. Как отмечал П.Берлин, американское руководство уже в 1950-е гг. осознало необходимость именно такой политики¹.

Особенно активным защитником демократической линии в африканском вопросе стал в 1950-1960-е гг. Ю.П.Денике. Он был, пожалуй, крупнейшим в среде российской эмиграции экспертом по африканской проблематике. Об этом человеке следует сказать особо. Социал-демократ с первых лет существования партии, он уже в революционные дни 1905 г. был одним из основных большевистских пропагандистов на Путиловском заводе, приобрел популярность у рабочих Петербурга. В 1907 г. после разрыва с большевиками примкнул к меньшевистскому крылу РСДРП и остался верен ему до своей смерти в 1964 г. Революция 1917 г. застала Ю.П.Денике в Казани, где он быстро стал одним из лидеров местной меньшевистской организации. Здесь ему пришлось выдержать нелегкую борьбу с набиравшим популярность большевизмом. Неслучайно, как отмечают уральские историки Н.Н.Попов и Г.А.Дробышев, именно в Казани в ноябре-декабре 1917 г. прошел Второй окружной съезд делегатов военных секций Советов Поволжья и Урала, принявший большевистские резолюции². В итоге, после нелегких лет гражданской войны Ю.П.Денике вынужден был эмигрировать. В течение многих десятилетий он являлся одним из лидеров Заграниценной делегации РСДРП.

Именно Ю.П.Денике в 1950-е гг. неоднократно обращался к «алжирской проблеме», ставшей одним из важных факторов кризиса Четвертой республики во Франции. Российский социал-демократ отмечал, что идея де Голля выйти из кризиса с помощью новой конституции, построенной на «величии Франции» – это утопия, так как великой державой в прежнем смысле страна снова стать не сможет. В лучшем случае стремление к величию Франции может выразиться в форме «мечты». Но особенно опасным является вариант, при котором имперские амбиции приведут к истощению Франции непомерными военными расходами, «тратой молодых человеческих жизней» и материальных средств. И все это для того, чтобы предотвратить то, что с точки зрения Ю.П.Денике было неизбежно – независимость Алжира³.

Такую позицию Ю.П.Денике занимал весь период существования «алжирской проблемы». Особенно четко он выразил свои взгляды по-

сле того, как на референдуме о судьбе Алжира в 1960 г. большинство высказалось за предоставление ему независимости. Социал-демократ отмечал необходимость скорейшего решения проблемы Алжира, пока антиколониальное движение в этой североафриканской стране не попало под полный контроль сил, связанных с СССР. Он указывал в 1961 г., что французскому правительству необходимо договориться с Фронтом национального освобождения, который был «совершенно свободен от коммунистического влияния и не искал помощи у коммунистических стран»⁴.

Заметим, что подобная позиция отражала принадлежность Заграничной делегации РСДРП к левой части политического спектра и вызывала возражения у многих консервативно настроенных политиков из числа российских эмигрантов. Вместе со многими французами, придерживавшимися традиционно правых взглядов, эта часть эмигрантов до последнего момента надеялась на сохранение Алжира в составе Франции, одновременно создавая негативный образ алжирских повстанцев. Так, еще в 1956 г. правые заявляли: «разжигая религиозный и расовый фанатизм, зверским террором поражая мусульманское население» руководители восстания хотят «сломить сопротивление Франции и, при поддержке коммунистов, добиться самостоятельности Алжира»⁵.

Интересно, что подобных взглядов придерживались не только монархисты, но и организации, занимавшие позицию правого центра в Российской эмиграции, прежде всего крупнейшая политическая сила послевоенного Российского зарубежья – Народно-трудовой союз (НТС). Его лидеры решительно выступали против потери Францией Алжира, так как это влекло за собой «государственную катастрофу ведущей демократической страны на европейском континенте». Приверженность НТС традициям имперской модели государства выражалась также в отстаивании тезиса о необходимости уступок Франции и со стороны уже ставшего независимым Туниса. Эта африканская страна должна была, по мнению российских солидаристов, согласиться на присутствие на своей территории французских войск. Особую важность приобретало, с их точки зрения, сохранение военно-морской базы Франции в Бизерте⁶.

Однако объективная логика развития ситуации вокруг Алжира неизбежно привела к закономерному итогу: североафриканская страна получила независимость. Российская монархическая эмиграция увидела в этом тяжелое поражение Франции. По мнению монархических публицистов, развал французской империи привел к тому, что из могущественной колониальной державы современная Франция превратилась во «второстепенное государство, сжатое в своих естественных

границах на европейском материке и в экономическом отношении во многом зависящее от своих соседей в Европе и от государств в других частях мира». Правая часть эмиграции настойчиво подчеркивала причину этого – излишнюю, с их точки зрения, склонность французских политиков к компромиссу, их «оппортунизм», «братание с коммунистическими заговорщиками»⁷. Таким образом, если социал-демократы зачастую упрекали политическую элиту Франции в недостаточной гибкости в алжирском вопросе, то для консерваторов она, наоборот, была слишком уступчива по отношению к Фронту национального освобождения.

Аналогичной была позиция правой части российской эмиграции и в вопросе о предоставлении независимости Марокко. В этой североафриканской стране проживало достаточно большое количество россиян. В начале 1950-х гг. в Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи даже возникли организации НТС. Большинство русских эмигрантов понимало, что после получения Марокко независимости их положение может ухудшиться, так как велика была вероятность всплеска исламского экстремизма, проявлений ненависти ко всем европейцам. Одновременно для многих было очевидно, что США стремятся вытеснить Францию из этого региона и поддерживают сторонников независимости. Так, бывший офицер Белой армии Е.В.Каликин указывал в личном письме своему старому товарищу, бывшему участнику Второго Кубанского похода Добровольческой армии Б.В.Прянишникову: «Американцы из чисто коммерческих интересов стремятся к тому, чтобы Северная Африка стала «самостоятельной» и могла открыть свои двери сразу американцам без посредников»⁸.

Помимо алжирской и марокканской проблем, внимание всего мира в 1950-е гг. было приковано к Египту. Политика режима Насера в период Суэцкого кризиса, позиция западных держав активно обсуждались и в российской эмигрантской прессе. Затрагивался этот вопрос даже в частной переписке эмигрантов. В обнаруженном нами в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме письме старого социал-демократа Е.А.Ананьина вдове многолетнего лидера меньшевиков Ф.И.Дана Лидии Дан, написанном в 1956 г., была представлена характерная для эмигрантов различных направлений позиция: «Если Насеру не будет дан отпор (согласно англо-французской формуле), то он обнаглеет еще больше. Даллес напрасно думает, что можно будет «откупиться» от него долларами»⁹. Иными словами, даже представители Российской социал-демократии полагали, что США должны не искать компромиссного решения проблемы, а занять более жесткую позицию.

Вместе с тем, анализ личной переписки отдельных российских эмигрантов показывает, что в их среде присутствовало и понимание то-

го, что классическая колониальная политика Великобритании и Франции должна отойти в прошлое. Традиционные методы взаимодействия со странами Африки, основанные на осознании своего априорного превосходства, диалог с позиции силы в середине XX в. уже не могли принести необходимых европейским державам результатов. Об этом недвусмысленно, хотя и с определенной долей грусти писал, например, деятель левого крыла движения ветеранов власовской армии Б.Марченко. В одном из писем к профессору К.Ф.Штеппе в 1956 г. Б.Марченко указывал: «Английские консерваторы воспитаны в духе XIX в., и все выступления отражают прошлое время. Видимо, пришло время умирать старому миру». Любопытно также и то, что размышления о противоречиях между США и Великобританией в период Суэцкого кризиса привели бывшего власовца к достаточно популярной в эмиграции мысли о грядущей Третьей мировой войне. Однако, в отличие от большинства деятелей российской diáspоры, Б.Марченко полагал, что противоборствующими сторонами в этой войне, возможно, будут не СССР и «свободный мир», а крупнейшие капиталистические державы – прежде всего именно США и Великобритания¹⁰.

Резко отрицательно оценивали позицию США в период Суэцкого кризиса и лидеры Заграничной делегации РСДРП. Так, вождь послевоенного меньшевизма, член ЦК РСДРП с 1906 г. Р.Абрамович отмечал пассивность администрации Д.Эйзенхауэра, которая долгое время равнодушно относилась к поставкам советского оружия на Ближний Восток. США, отмечал он, «с философским спокойствием» смотрели на то, как в Египте создавалась военная база СССР, где хранились огромные запасы самого современного оружия. Причину этого Р.Абрамович видел в том, что США надеялись «столковаться» с Насером. Именно поэтому американцами была занята такая позиция в период Суэцкого кризиса. Однако подобная политика США, указывал лидер послевоенной российской социал-демократии, могла бы иметь некоторый эффект, если бы была более последовательной. Однако в 1956 г. «Даллес внезапно решил, что давать деньги на Асуан – дело совершенно нестоящее. Он отказал Египту в кредитах»¹¹. Тем самым контроль над Египтом – важнейшей страной региона – окончательно переходил к Советскому Союзу, что значительно усиливало его позиции в «холодной войне».

Суэцкий кризис вызвал разногласия в среде российской социал-демократической эмиграции. Большая часть меньшевиков, как и российская эмиграция в целом, вслед за Р.Абрамовичем осудили позицию США. Они полагали, что мировое сообщество должно было поддерживать Великобританию и Францию. Характерно, что даже находившийся обычно в меньшевистском центре на левых позициях Б.Л.Двинов

считал, что критика Социнтерном франко-британской позиции в Суэцком кризисе не является справедливой, поскольку иного выхода, кроме силового решения проблемы, не оставалось. Одновременно он указывал, что слабость Великобритании и Франции была связана с тем, что за ними не стояло некой мощной международной организации, в связи с чем ставилась проблема европейской интеграции, создания федерации государств: «только объединившись в одно целое, европейская демократия может занимать достойное ее место в мире»¹².

Иную позицию отстаивал бывший лидер меньшевистского молодежного крыла времен Гражданской войны Б.М.Сапир, оставшийся, однако, в меньшинстве. Он считал, что социалистическая демократия должна поддерживать левые, демократические течения во всем мире. Египетский, да и в целом арабский национализм оценивался Б.М.Сапиром как один из «секторов» национально-освободительных движений колониальных народов. Любые попытки подавить эти движения при помощи оружия, подобно тем, что были предприняты Великобританией и Францией, Б.М.Сапир считал заранее обреченными на провал. В связи с этим он полностью одобрил ту линию, которую заняли в Суэцком конфликте западноевропейские партии-члены Социалистического интернационала¹³.

Разрешение Суэцкого кризиса было воспринято большинством эмигрантов как поражение западных демократий и укрепление позиций коммунистического лагеря в Северной Африке. При этом события в Северной Африке рассматривались как часть общемирового наступления коммунизма. Уже упоминавшийся Б.Л.Двинов, например, заявлял о возникновении после Суэца новой «оси»: Москва – Пекин – Каир. Отмечалось и стратегическое значение победы советского лагеря в Суэцком конфликте, так как наследовский Египет контролировал «ключ к линии жизни Европы»¹⁴. В связи с этим очень многое стало зависеть от позиции других стран региона. Ведь еще в конце 1955 – начале 1956 г. деятели эмиграции предупреждали, что СССР постепенно формирует антиизраильский союз из Египта, Сирии и Саудовской Аравии, который одновременно будет являться и антizападным блоком «в полном соответствии с политикой наследников Сталина». Постепенно в создаваемую Советским Союзом коалицию втягивались также Йемен и Иордания¹⁵. Основой возникновения данного блока, по мнению российских эмигрантов, было стремление СССР контролировать поставки в эти страны оружия и военной техники.

Внимание эмиграции во второй половине 1950-х гг. обратилось к Судану. Деятель НТС А.Перуанский приветствовал позицию режима С.Халиля, в результате которой Судан оставался вне коммунистического лагеря¹⁶. Вместе с тем, антикоммунистически настроенная рос-

сийская эмиграция указывала на то, что катализатором многих конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке являлся именно насеровский Египет, преследовавший как свои собственные внешнеполитические цели, так и способствовавший решению стратегических задач просоветского блока. Именно с этим связывалось, например, обострение межконфессионального конфликта в Ливане¹⁷.

Развитие политических процессов на Ближнем и Среднем Востоке вело к тому, что страны региона формировали свою внешнеполитическую стратегию, которая могла резко расходиться с линией СССР. Российская эмиграция, враждебно относившаяся к советскому государству, с энтузиазмом встречала каждое известие о противоречиях внутри просоветского блока. А создание Объединенной арабской республики (ОАР) на основе сирийско-египетского союза было воспринято как серьезное поражение Советского Союза. Антикоммунистический журнал «Посев» указывал, что возникновение ОАР означало «крупный удар» по «интригам» СССР в Сирии. В единой республике, подчеркивали деятели НТС, будет установлен тот же режим, что и в Египте, где «коммунисты сидят по тюрьмам». Но общее отношение эмиграции к ОАР оставалось негативным: так, заявление о присоединении к ней Йемена оценивалось как начало нового раскола в арабском мире¹⁸.

И в дальнейшем, в начале 1960-х гг. российские эмигрантские публицисты антикоммунистического направления внимательно отслеживали каждый факт, свидетельствовавший о конфликте Египта и Советского Союза. В 1961 г. либерально-демократическая газета «Новое русское слово» писала, что в Египте, как и в Ираке, Сирии и Ливане коммунисты потерпели «серьезное поражение»: «арабы прозрели и не ослеплены больше оказываемыми им Хрущевым благодеяниями»¹⁹. Заметим, что нередко эмиграция выдавала желаемое за действительное, преувеличивая масштабы противоречий между СССР и арабским миром.

Бесспорно, анализ российскими эмигрантскими публицистами политических конфликтов в Северной Африке не был беспристрастным. Противники существовавшего в СССР политического режима воспринимали этот регион, прежде всего, как один из фронтов «холодной войны». Тем не менее, обращение к данным материалам позволяет расширить наши представления о содержании и своеобразии политических конфликтов, охвативших Северную Африку в середине прошлого века.

---

¹ Берлин П. Коммунизм и нищета // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1951. 1 июля.

---

² См.: Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983. С. 157; Дробышев Г.А. Борьба в Советах Урала по вопросам войны и мира в период двоевластия. Положение и борьба трудящихся Урала XVIII – начала XX вв. Свердловск, 1987. С. 136–143.

³ Денике Ю.П. Политический кризис Франции // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. № 55. С. 218.

⁴ Денике Ю.П. После референдума // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1961. № 1. С. 7.

⁵ Русское воскресенье. Париж, 1956. 6 мая.

⁶ Посев. Франкфурт-на-Майнс, 1958. № 8. С. 10.

⁷ См.: Тихонов И. Развал Франции // Наше время. Сан-Франциско, 1962. 14 июля.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10032. Оп. 1. Д. 36. Л. 69.

⁹ International Institute of Social History (IISH). Fund of L.O.Dan. Folder 7.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 10082. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.

¹¹ Абрамович Р. США и Ближний Восток // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1957. № 1. С. 2.

¹² Двинов Б. После бури – перед бурей // Там же. С. 15.

¹³ Сапир Б. Социалистический Интернационал и Суэц // Там же. С. 17.

¹⁴ Двинов Б. Напряженное положение // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1957. № 2–3. С. 29.

¹⁵ См.: Новое русское слово. Нью-Йорк, 1956. 9 января; 10 марта.

¹⁶ Перуанский А. Антикоммунизм в Африке и политика Запада // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1958. № 13. С. 10.

¹⁷ См.: Посев. Франкфурт-на-Майне, 1958. № 22. С. 10.

¹⁸ См.: Посев. Франкфурт-на-Майне, 1958. № 7. С. 9.

¹⁹ Новое русское слово. Нью-Йорк, 1961. 8 июня.

**АЛЕКСАНДР ВОЕВОДИН И ЕГО ОЧЕРКИ
«ДВА ГОДА В ТУНИЗИИ»
(из архивных находок)**

В период между двух мировых войн XX-го столетия в Африке оставили свой след многие россияне, чьи имена малоизвестны современной России. Тем не менее, все они достойны того, чтобы о них больше знали и помнили на их исторической родине.

Речь пойдет об Александре Александровиче Воеводине. Он был известен в дореволюционной России как начинающий литератор. В эмиграции же состоялся как писатель, критик, журналист, редактор, издатель, художник, общественный деятель. Александр Воеводин был одним из создателей Студенческого Русского Союза в Тунисе в 1921-1922 гг. Позже в 20-х годах он продолжал какое-то время работу в студенческом движении русской колонии в Праге, будучи секретарем правления Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО).

Как и многие, ныне широко известные нам россияне – антифашисты: Вика Оболенская (Вера Аполлоновна, ур. Макарова 1911-1945), мать Мария (Елизавета Кузмина-Караваева 1891-1945), И.И.Фондаминский (псевд. Бунаков 1880-1942) и другие А.А.Воеводин в годы Второй мировой войны был участником сопротивления и погиб в концлагере¹.

Документальной основой этого материала послужили фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также эмигрантская пресса. Опубликованные труды А.А.Воеводина, его рукописное наследие, материалы, связанные с его деятельностью в эмиграции, дают довольно полное представление о его личности, о его вкладе в общественную деятельность и литературу.

В ГА РФ, в личном фонде Воеводина, имеются неопубликованные очерки «Два года в Тунисии», которые представляют собой машинопись на 140 листах. Очерки написаны в Праге и датированы 1928-1929 гг. В конце каждого очерка имеется автограф автора. Есть один карандашный рисунок. Текст вычитан и, возможно, подготовлен к публикации (автор на титульном листе каждой части обозначает количество типографских знаков). Очерки можно отнести к числу ценных источников по истории «Русского Туниса» (или как называли русские страну – Тунизии или Тунисии), по истории возникновения там Союза русских студентов. По содержанию – это воспоминания и хроника со-

бытий, описывающие зарождение Союза, его работу, отъезд автора в Прагу на 2-й студенческий съезд ОРЭСО осенью 1922 г. Возможно, Воеводин пишет по документам, хранившимся у него. Поражает географическая точность описываемых мест в городах Тунисе, Бизерте и прилегающих к ним районов, а также четкость хронологии событий этого периода беженской жизни, количество имен россиян, с которыми автору пришлось работать, встречаться и просто жить рядом. Хочется отметить, что Воеводин свободно владеет морским словарем.

А.А.Воеводин (р.1888 г.) был уроженцем Екатеринославской губернии. Там он окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Через год перевелся на юридический факультет, а еще через год – в Московский университет, где проучился четыре года. В Москве он стал учиться живописи в мастерской у С.Жуковского и Н.Холявина (около двух с половиной лет), затем у К.Юона и И.Дудина¹. Был участником выставки «Свободное творчество» Московского общества художников между 1910-1914 гг. Сам он пишет, что думал всю свою жизнь посвятить живописи². В 1914 г. отправился на Кавказ, где его застала Первая мировая война. Воеводин поступил добровольно в Тифлисское военное училище, а, закончив его, попал сразу в Сарыкамыш, где русская кавказская армия проводила крупную наступательную операцию против турецких войск (конец 1914 – начало 1915 г.). В составе Русской добровольческой армии эвакуировался из Крыма в Константинополь, а затем в Бизерту, где он постоянно с болью думал «о бесконечно дорогих сердцу близких, оставшихся в голодном Екатеринославле» без его помощи³. В Бизерту, тогда французскую, бывший офицер белой армии попал на миноносеце «Гневный». О том, что он видел и пережил в пути и о своих первых шагах по африканской земле, читаем в Очерках. В главе «Бизерта – Миноносец Гневный» Воеводин пишет о том, что настроение на кораблях, входивших в бухту Ферривиль⁴, было приподнятое: «...скоро-скоро...можно будет походить по таинственной африканской земле ...мечтали и без устали говорили о службе во французском флоте по охране северных африканских берегов». Но это были призрачные надежды, которые быстро рассеялись.

---

¹ Жуковский Станислав Юлианович (1873-1944), художник. В 1923 г. выехал в Польшу. Умер в концлагере для высланных после Варшавского восстания жителей польской столицы в Прушкове под Варшавой; Холявин Николай Федорович (1869-1947); Юон Константин Федорович (1875-1958); Дудин Иван Осипович (1867-1924).

² Ферривиль – пригород Бизерты, ныне город Мензель-Бургиба.

Матросами на крейсере была в основном молодежь: бывшие учащиеся средних учебных заведений, кадетских корпусов, студенты самых различных вузов, многие из этих матросов впоследствии и войдут в Союз русских студентов в Тунисе, преобразованный позже в Филиальное отделение в Северной Африке Союза русских студентов во Франции.

По прошествии карантина, Воеводин в числе прочих, сошел на берег бухты Каруба. Матросы обычно отправлялись в ближайшие кафе... «Многие потом обращали это приятное занятие в постоянное и к обратной шлюпке являлись в таком виде, что из них, как из намокшей греческой губки можно было выжимать вино и прочие спиртные напитки»⁵. Закончился поход русской черноморской эскадры «и началась новая – длинная, жуткая, полная испытаний, страдания и неожиданной красоты – глава о жизни русских в Северной Африке, вернее в Тунизии». Не думал Воеводин, «что придется при столь неожиданных обстоятельствах попасть в Африку, в загадочную страну львов и негров....»⁶.

В Бизерте встал вопрос о переходе на беженское положение, надо было подумать о работе, наконец, об одежде. И вот друзья молодого литератора братья Розовы пошили себе штатский костюм из сукна, купленного в Константинополе. Распороли старый, изучая отдельные его части, раскроили материал, да и сшили. Воеводину пригодилось умение рисовать. Через всю гражданскую войну и эвакуацию он пронес ящик с масляными красками. Чтобы заработать на жизнь, он начал с друзьями разрисовывать всевозможные игрушки, выпиленные из фанеры. Товар выставлялся в лавке в Бизерте с надписью «изделия русских офицеров эскадры». Товар не раскупался, но исчезал. Тогда Воеводин с друзьями стал участвовать в Русском базаре, устроенным в одной из гостиниц Бизерты. На «Базар» выставили макеты и открытки русских церквей, карманные часы, янтарную трубку и альбом фотографий, снятых во время плавания из Константинополя в Бизерту. На продажу выехавшие из России предложили и то, что успели вывезти: меха, драгоценности, материю, вышивки. «Базар» собрал многочисленную французскую публику.

После ухода с корабля Воеводин поселился в лагере «Надор». Тот, что был ближе других к Бизерте. Прощаясь с «Гневным», Воеводин прощался с годами гражданской войны, спрашивая себя: «Сохраним ли мы себя сами?» Как подтвердилось позже, Воеводин и многие из его друзей не только выжили, но и получили высшее образование, занялись творческим трудом.

О россиянах, ушедших на заработки и попавших в тяжелые жизненные обстоятельства, рассказал Воеводин во второй части своих Очер-

ков. С группой в 35 человек он отправился на работы на виноградники в имение «Нефери» в долине Кангет «вглубь незнакомой страны, в Африку, ... о которой и читать-то приходилось так мало...». Описывая свой путь на виноградники, Воеводин отмечал: «Тунисские поезда совершенно не похожи на европейские... Пассажиры – почти сплошь арабы, европейцев очень мало < ... >. Арабы все в грязно-белых грубых рубахах до колен. На голых ногах жалкое подобие обуви – рваные солдатские ботинки, соломенные или веревочные туфли, некоторые босые. На головах – красные фески с черными, до плеч кистями или широкопольные соломенные шляпы наподобие наших украинских брилей. В вагоне арабы снимают обувь и садятся на скамьи, поджав потурецки ноги, и закуривают тоненькие трубочки с плохим табаком, иногда ощущаешь травянистый запах такрури (нечто вроде табака, или табак с чем-то смешанный – в общем, довольно сильный наркотик, от которого деревенеет тело, – очень распространен среди арабов). Многие везут большие корзины с курами, которые ставят на верхние полки. Стучит колесами поезд, галдят арабы, кудахчат куры, печет африканское солнце .... В соседнем отделении затягивают «Вниз по матушке, по Волге ...»⁷.

Условия работы оказались очень тяжелыми. Скудная еда, нищенская зарплата, жили под открытым небом в грязных сараях, грубое, унизительное отношение приказчиков, обманы при расчете. Арабов и африканцев, которые работали рядом с россиянами, надсмотрщики били плетьми. Все это действовало угнетающе.

Бывшие офицеры сбивали молодые побеги с кустов винограда прутьями, обрабатывали виноградники серой, раздражавшей кожу и вызывавшей удушье, занимались уборкой сена, что было привычнее для русского человека, и борьбой с многочисленными змеями, которые, по образному выражению автора «на манер малороссийской колбасы», лежали под виноградными кустами. Случались обмороки от солнечных ударов. Вот описание типичного рабочего утра: «Попив... чаю, мы с граблями и вилами на плечах строились в колонну по четыре и с песнями отправлялись на работу, отбивая шаг. И запевалы, и свистуны нашлись среди нас первоклассные. Когда первый раз мы выступили стройной колонной, запев «Бородино», со всех сторон стали сбегаться изумленные арабы и негры, и с тех пор каждое утро перед нашим строем собиралась изрядная толпа благодарных слушателей. Особенно большое впечатление производили русские песни на негров – они приплясывали, размахивали руками, что-то выкрикивали, а на лицах их было написано неподдельное восхищение»⁸. Попытки россиян изменить условия работы, часто переходящие в конфликты с администрацией, привели лишь к тому, что обращение работодателей стало

вежливым. Воеводин, пытавшийся оградить своих товарищей от эксплуатации и обмана, вызвал недовольство управляющего и его попросили покинуть имение. Отдался он легко благодаря офицерскому удостовериению на французском языке об участии в войне с немцами. Взяв расчет, Воеводин и еще несколько человек отправились по железной дороге до Туниса.

И вновь от голода его спас труд художника. Воеводин извлек полуза сохшие акварельные краски и чистые открытки и принялся за рисование московских церквей, а его друг Маляревский разносил открытки по магазинам и конторам по 3 франка за штуку. Для богатого владельца нескольких имений и большого цветочного магазина он делал зарисовки видов имения. Затем попал на малярные и декораторские работы в город Мактар. Пришлось учиться малярному делу, в чем ему помог бывший боцман с «Георгия Победоносца», превращенного в плавучий отель и прозванный «отелем Жорж» или «как шутливо ласково называют его во флоте, – «Жоржик»⁹. Расписывая стены, рамы окон, жалюзи, дверные створки и потолки имения, Воеводин много интересного узнал о жителях города, арабах и итальянцах. Мусульманский мир очаровал его.

Вернувшись в Тунис, Воеводин опять увидел безотрадную картину беженской жизни. Счастливчики служат мелкими чиновниками на тунисском почтамте, чертежниками в частных конторах, работают на рыболовных катерах, в компании с итальянцами ловят рыбу у берегов Ля-Гулета, продают самодельное печенье, сладкие сухарики. Нетрудно было устроиться домашней прислугой. Но оплата была ничтожной. К тому же страдало уязвленное самолюбие молодых людей. Работали русские конюхами, лакеями, «гарсонами» в ресторанах и гостиницах, в качестве рабочих – в магазинах (упаковывали бумагу в тюки, наклеивали этикетки на бутылки), на почте – по проверке и ремонту телефонных линий. Кто-то уехал на фосфатные и свинцовые рудники, но некоторые из них вскоре вернулись и попали в госпиталь Красного Креста. Бывало, что опускались до нищенства и попрошайничества. По словам Воеводина, «русские, имевшие власть и возможности, не могли или не хотели договориться и объединиться, а с другой стороны – французские власти и общество либо относились к русским беженцам недоброжелательно и недоверчиво, либо с полным равнодушием проходили мимо явной нужды»¹⁰.

Не раз автору очерков приходилось покидать дешевую гостиницу, искать жилье и временный заработок. Постоянно захаживая в район русского трудового кооператива с рестораном на рю Эль-Карамед (улица, переименованная русскими в рю Эй Камарад), чтобы узнать новости, Воеводин был нескованно обрадован однажды появлением в

углу русского ресторана шкафа с книгами и маленького столика у шкафа, за которым сидел библиотекарь. Им был Леонид Александрович Крезе, заведующий культурно-просветительным отделом представительства парижского Земгора¹ в Тунисе. «С Л.А.Крезе» у меня связана большая и интересная полоса общественной работы, особенно среди русского студенчества в Северной Африке, – писал Воеводин. – С ним, Н.А.Антиповым², П.П.Милославским и Б.С.Костомаровым мы организовали студенчество в союз, издавали периодический информационный листок, связались со многими организациями и деятелями просвещения в различных странах и добились некоторых положительных результатов в деле устройства русских студентов в высшие учебные заведения³. Узнав, что Воеводин хотел бы заниматься общественной работой, Л.А.Крезе знакомит его с семьей Переверзевых, Павлом Николаевичем и его женой – талантливой художницей. Она писала маслом этюды и картины из жизни арабов. Ее картины выставлялись в Тунисском Салоне 1922 г. вместе с работами уже известного в стране русского художника Александра Рубцова. О П.Н.Переверзеве, бывшем министре Временного правительства, члене IV Государственной думы в России, который в эмиграции в 20-х гг. был председателем представительства парижского Земгора в Тунисе, Воеводин пишет много и подробно, давая высокую оценку его человеческим качествам и сделанного на этом посту для эмиграции⁴.

Воеводин целиком погружается в общественную жизнь русской колонии, начав ее с выдачи книг из маленькой библиотечки Земгора. Но чтобы существовать, ему еще долго придется «тянуть лямку простого маляра». Вокруг книжного шкафа постепенно образовался круг студентов, музыкантов и художников, среди которых главной темой разговоров стали сведения о растущем движении русского эмигрантского студенчества, создание студенческих союзов в Европе, особенно в Чехословакии, где помочь русским студентам была реальной. «В то время Чехословакия и высшая школа казались нам недостижимой, волшебной мечтой, куда попасть нам из далекой Африки было совершенно невозможно», – пишет Воеводин. Инициативная группа по созданию

---

¹ Земгор (сокр.) – Российский земско-городской комитет помощи русским беженцам во Франции.

² Крезе Леонид Александрович (1894 – после 1928) юрист, общественный деятель, с 1920 г. в эмиграции в Тунисе, затем в Чехословакии.

³ Антипов Николай Александрович (1889 – после 1940), литератор, участник Белого движения, общественный деятель среди эмигрантского студенчества, с 1920 г. в эмиграции в Тунисе, затем в Чехословакии. В 20-х гг. был председателем Русского студенческого союза в Чехословакской Республике.

союза студентов была создана, надо было найти необходимые средства. Л.А.Крезе благодаря посредничеству видного общественного и политического деятеля русского зарубежья Н.В.Чайковского получил от одного русского издательства книги для продажи, которые и стали основой библиотеки Земгора, впоследствии библиотеки Союза русских студентов. Желающих получить книгу становилось все больше. За чтение книги взималась плата. К работе по созданию Союза приступили, «имея в своем распоряжении чернильницу и перо на библиотечном столике в ресторане кооператива»¹³. Председателем инициативной группы был Л.А.Крезе. Воеводина и других организаторов студенческого союза отвлекала тяжелая повседневная работа по добыванию средств к существованию. К вечеру, после целого дня тяжелой физической работы приходили они, чтобы переписывать регистрационные списки студентов Тунисской области, отвечать на письма, разрабатывать анкету с призывом к вступлению в Союз.

Подготовительная работа по организации Союза русских студентов в Тунисе была закончена в сентябре 1921 г. Число желающих вступить в Союз росло. Заброшенные воюю суды в далекий, глухой и чуждый им край, молодые люди хотели вырваться из Африки и продолжить прерванную гражданской войной учебу. Целью Союза было помочь им в этом.

Сначала отношение к работе Союза студентов в Тунисе у русских беженцев было скептическое, не верилось в бескорыстие инициаторов, не получавших от своей работы никакого вознаграждения. Но дело продвигалось. Воеводин стал секретарем правления Союза. О тех, с кем он работал, он пишет, что «не встречал людей, желавших извлечь из своего нового положения непосредственной выгоды, помимо стремления к высшему образованию, при том с весьма малой надеждой на его получение»¹⁴.

Во многие адреса правлением Союза были высланы обширные документальные записки о положении русского студенчества в Тунисе: проф. Платуе во Францию, проф. Л.М.Берлину в Бельгию, проф. А.И.Каминке в Германию, проф. А.В.Маклецову в Сербию. Было отослано 54 заявления студентов, желающих учиться в Германии. Разослана информация, приглашения на учредительное собрание Союза. Большие трудности были с легализацией Союза. Тунисская прокуратура мотивировала отказ в регистрации (легализации), отсутствием высших учебных заведений в Тунисе. Были наложены связи с Союзом русских студентов во Франции, с ОРЭСО в Праге, Союзом студентов в Германии, с Комитетом по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии и с другими общественными организациями и лицами, которые могли бы помочь студенчеству в Африке покинуть континент, чтобы продолжить образование. Особенно упирали на Прагу, так как «Чехословакия была един-

ственной страной, где правительство щедро и радушно помогало русским студентам получить высшее образование...»¹⁵.

На учредительном собрании Союза русских студентов в Тунисии 2 октября 1921 г. было зарегистрировано 203 чел. по тунисскому району и около 250 чел. по Бизертскому. Все они желали продолжить учебу в высших учебных заведениях¹⁶. Эти сведения были направлены в Прагу, откуда Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии сообщил, что студентам Тунисской области предполагается выделить 400 вакансий, обеспеченных правительственными стипендиями. Из Праги в Тунис предполагался приезд специальной комиссии, которая должна была обследовать положение студентов, провести беседование с теми, кто не имел необходимых документов и вывезти в Прагу первую группу студентов старших курсов для продолжения образования¹⁷.

В Комиссию вошли проф. Л.К.Художилов (1883-1969), химик, до отъезда в Прагу преподававший в Морском Корпусе в Бизерте, приватдоцент, профессор гражданского права, управляющий делами Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике У. Д. Жиляев (1886 – ?) и проф. И.Д.Жуков, проживавший в то время в Тунисе. Приезд этих людей был особенно дорог россиянам, все еще остававшихся в Тунисе. Профессора были прекрасно осведомлены об условиях жизни русских беженцев в Северной Африке. Союз русских студентов в Германии также сообщал о возможности устройства студентов в технические школы страны. Находивший в Тунисе представитель Лиги Наций обещал членам правления Союза содействие в получении виз для переезда в культурные центры Европы. Были выписаны некоторые учебные пособия, литература для восстановления знаний, необходимых для поступления в ВУЗы. Морской корпус в Бизерте предоставил учебники и книги по специальным отраслям знаний. Там же, а также в лагере «Надор» устраивались подготовительные курсы, читались лекции по физике и математике.

4 декабря 1921 г. правление сообщило о легализации Союза в качестве «Филиального отделения в Тунисии Союза русских студентов во Франции». А в январе 1922 г. Центральное Бюро по объединению русских студенческих организаций в Северной Африке закончило оформление единого Филиального отделения в Северной Африке Союза русских студентов во Франции, объединив Филиальное отделение в Тунисии Союза русских студентов во Франции (правление в г. Тунисе) и Студенческий русский союз в Северной Африке (правление в г. Бизерте). Был намечен план дальнейшей работы Союза. Бюро приступает к выпуску «Студенческого листка» – печатного органа объединенных

Союзов^{*}. За короткое время существования объединенного Союза вышло 14 номеров студенческой газеты. А.А.Воеводин – член редколлегии и художник. «Студенческий листок» рассыпался всем членам Союза, жившим в провинции, а также всем заинтересованным лицам в Европе. Позже для каждого номера А.А.Воеводин рисовал заголовок «четыре краски». Иногда рисунки помещались и в тексте. Постепенно информационный листок превратился в газету, где в каждом номере помещалась передовая, был отдел вестей из Европы об устройстве и положении русских студентов в высшей школе, местные новости, касающиеся студенчества, официальные сообщения Союза, некрологи¹⁸.

Тем временем, в ожидании приезда комиссии из Праги правлению Союза приходилось составлять списки по специальностям, курсам, наличии академических документов. Готовилась записка о положении и нуждах студенчества в Северной Африке.

25 января Союз отпраздновал Татьянин день выпуском специальной листовки, напоминавшей о значении этого дня для студентов. Листовка призывала не оставлять мысли о высшем образовании, быть оптимистами. Был устроен товарищеский вечер, на который приехали многие из провинции. Такого рода мероприятия объединяли русскую молодежь.

Комиссия из Праги приехала 24 февраля. Ее приезд вселил надежду, что в 1922 г. в Северной Африке не останется ни одного студента, не принятого в высшие учебные заведения, – писал «Студенческий листок» №3¹⁹. На правление Союза обрушился шквал заявлений о принятии в его члены, запросов о возможности поступления в вузы, о времени и месте проведения регистрации и собеседований в Тунисе, Ан-фидавиле (ныне Энфида), Сусе, Сфаксе. С приездом комиссии число членов Союза дошло до 700. Было даже выпущено воззвание с просьбой сохранять спокойствие и не бросать работы. Воеводин рассказывал о чувстве радости, восхищении, благодарности, которые охватили студентов Туниса, слушавших рассказы профессоров о жизни русского студенчества в Чехословакии, о братском отношении со стороны чехов, «какого мы не знали здесь – в Африке». Через регистрацию и со-

---

* «Студенческий листок» № 1 был издан ранее Студенческим русским союзом в Северной Африке (в г. Бизерте) 25 декабря 1921 г. в количестве 100 экземпляров; №2 и последующие номера выходили уже в г. Тунисе после объединения студенческих союзов, возникших одновременно, под разными названиями в Тунисе и Бизерте (ГА РФ. Ф.Р-6340. Оп.1. Д.4. Л.9; Ф.Р-5837. Оп.1.Д.20. Л.20; Там же. Оп.2. Д. 220).

беседования прошло 377 студентов, 76 абитуриентов и 14 окончивших высшую школу в России²⁰.

А 14 марта из Бизерты в Прагу отправилась первая группа студентов. Провожала их вся многочисленная русская колония. Вот как описывает отъезд Воеводин: «Задолго до отплытия военного транспорта “Вэн-Лонг”, на котором должны были отправиться в Тулон студенты, – набережная саженей на 200 была залита сплошной, густой толпой русских. Со всех сторон, привлеченные необычным зрелищем, сбегались арабы, французы и итальянцы... – до конца дней врезалась в память вся та торжественно-прекрасная и трогательная картина проводов, весь этот день, до краев наполненный восторгом, любовью ко всему миру и трепетом, я бы сказал национальной гордости – радости от сознания, что ты русский, что несчастья не сломили нашего духа, нашего мужества...»²¹.

«Студенческий листок» писал через две недели после проводов: «В первый раз организованная группа русских уезжала из Африки, и этот отъезд превратился в национальную манифестацию. Положено начало осуществления до сих пор, казалось, несбыточной мечты. Нет у них больше заботы о куске хлеба. Они едут получать научную подготовку, чтобы в нужный момент русскими руками восстановить свой разрушенный Дом. Через Родственную Чехию в Родную Россию»²².

Уехавшие в Прагу Л.А.Крезе и другие писали восторженные письма, в которых звучала глубокая уверенность, что в самый короткий срок из Туниса будут вывезены все студенты. «К сожалению, эта уверенность не оправдалась, и кроме группы студентов уехавших с профессорами в Прагу не было вывезено ни одной группы», – писал Воеводин²³. Для членов Союза русских студентов было привезено 24 визы и 52 визы предназначались гардемаринам^{*}. «Последние [гардемарины], – пишет [Н.А.Антипов], – получили преимущество потому, что деньги на перевозку из Тунисии в Прагу дал российский морской агент кап. 1-го ранга [В.И.] Дмитриев, поставивший условием вывоз в первую очередь гардемарин. Это обстоятельство вызвало среди студентов некоторое раздражение против морского начальства, так как приезд профессорской комиссии был следствием работы студенческих союзов, а не военных организаций»²⁴. Что подтверждает слова Н.А.Антипова. Про-

* Цифры в документах о прибытии в Прагу студентов из Туниса противоречивы. Так, в списке студентов, отбывших в Прагу 14 марта 1922 г., значатся 27 фамилий (ГА РФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д.28. Лл. 64 об., 65). В другом документе говорится, что в начале марта чехосlovakским правительством было принято 90 молодых людей из Тунисии, в том числе 50 гардемарин и 40 студентов (ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д.26. Л. 21).

фессор Художилов, вспоминая день отъезда, рассказывает, что тайно с ними «ехало больше, чем было мест, надо было устраивать наших «слепых пассажиров» и подумать об их разгрузке в Марселе, ибо в Ту-лоне было бы хуже, так как там военный порт. Не все с нами ехали до Чехии, некоторых мы должны были оставить во Франции»²⁵.

После отъезда в Прагу Л.А.Крезе Воеводин стал секретарем правления единого Союза, а председателем – Н.А.Антипов. Деятельность Союза не прекращалась. Нельзя было надеяться только на Прагу. Надо было работать над тем, чтобы устроить членов Союза в высшие школы других стран Европы. Во время пребывания президента Французской Республики Мильерана в Тунисе ему была вручена правлением Союза петиция с просьбой дать возможность студентам получить высшее образование во французских высших школах, чтобы вернуться на родину активными членами и принести ей свои таланты и способности, развитие, благодаря французскому образованию. Петиция была опубликована в газете “Le Progrès de Tunis” N141 от 29 апреля 1922 г.²⁶

По-прежнему выходил «Студенческий листок», велся учет молодых людей, желавших продолжить свое образование в Европе, но не имевших необходимых документов, потерянных в процессе эвакуации из России. По-прежнему правление Союза вело переписку с русской профессурой в Германии, Югославии, Бельгии и других странах. Активисты Союза засыпали «своими посланиями мэров городов южной Франции и ректоров их университетов»²⁷. Наконец, была обещана поддержка из Франции и Германии. Была надежда на помощь Русского студенческого фонда (Нью-Йорк).

Помог Союз и своим коллегам-студентам, бедствовавшим на Кипре, послав небольшую сумму денег, книги, газеты, а главное, сообщив в Союз русских студентов во Франции, Правлению ОРЭСО и другим организациям об их бедственном положении. Помощь оказалась действенной: Союз на Кипре, в котором состояло около 80 членов, стал филиалом Союза русских студентов во Франции²⁸.

К лету 1922 г. был разрешен безвизовый въезд русских во Францию из Африки. Русские беженцы были охвачены лихорадкой. Уезжали даже те, кто имел пусть небольшой, но постоянный заработок. Положение осложнялось растущей безработицей и следствием этого стало «повальное … бегство из Тунисии в Европу, в Алжир и даже … в Конго»²⁹. Это был тяжелый момент для Союза, надо было удержать молодежь от отъезда. Рассуждал Воеводин так: Франция приобретала хорошего рабочего, Россия теряла врача, учителя или инженера³⁰. Цель Союза русских студентов была обязательно добиться выезда всей молодежи из Африки для продолжения образования. «Иначе дрогнет вер-

ное войско и устремится в Марсель и куда оно двинется дальше, одному Богу известно», – так писал в Прагу П.Н.Переверзев Л.А.Крезе³¹.

Надежда на получение стипендий в Европе оставалась. Весной 1922 г. состоялась международная Генуэзская конференция по экономическим и финансовым вопросам, которая привлекла внимание русских беженцев. А.А.Воеводин и Н.А.Антипов с помощью П.Н.Переверзева взялись за издание ежедневных бюллетеней конференции. Переводы телеграмм и сообщений делал П.Н.Переверзев из “Dépêche Tunisienne”. Воеводин и Антипов редактировали, печатали тираж. Бюллетени продавались по 20 сантимов, и выходили они значительно раньше русских эмигрантских газет, присылавшихся в Тунис. Так пополнялась касса Союза. Из Праги поступали противоречивые сообщения о предполагаемом переезде студентов из Туниса. Приходили, в частности, вести о том, что рассчитывать на прием новых групп за счет чешского правительства в ближайшее время не приходится. Из Праги просили собрать фотографический материал для издания книги о жизни русских студентов. Воеводин за короткое время подготовил целую коллекцию. Эти материалы были выставлены в Женеве на международной выставке в разделе, посвященном помощи русским студентам. Позже большая часть их была передана в Русский Заграничный Исторический архив в Праге.

Союз по предложению ОРЭСО обращался ко всей русской колонии в Тунисе с призывом о помощи голодающим в России. Но результаты были незначительны. «К глубокой нашей печали, – пишет Воеводин, – не оказалось единства в русской колонии»³².

При всей занятости Александр Воеводин находил время и для продолжения литературной деятельности. В конце осени 1921 г. у него и у Л.А.Крезе возникла мысль об издании журнала, рассчитанного на распространение среди широкого круга читателей-беженцев с отделами: литература, публицистика, хроника беженской жизни, сатира. Среди сотрудников были поэт В.А.Мамченко, (ставший впоследствии известным в русском Париже), художник А.П.Шеметов («Шем» – соредактор парижского сатирического журнала «Ухват»), писатель Н.А.Антипов, поэт А.Лунев. Все они продолжат свою творческую деятельность на страницах пражских и парижских изданий. Воеводин работал время от времени маляром, Н.А. Антипов служил поваром, садовником, «горничной» и нянькой «в семье веселых французов», поэт А.Лунев прокладывал телеграфную линию, другие развозили молоко, работали на конюшне и осваивали прочие специальности³³.

Редакции было выделено помещение при русском ресторане в европейской части города на авеню де Пари, 53, вместе с представительством Земгора и Студенческим союзом. По этому адресу приходило

«много сотен, а может быть не одна тысяча русских ... подписчики библиотеки, ... сотрудники журнала, здесь же профессорская комиссия из Праги производила коллоквиум, здесь печатались бюллетени Генуэзской конференции ...» рассказывает автор Очерков³⁴. Создание остроумного рукописного журнала, работа в нем – это еще одна творческая линия литератора и художника Воеводина. «Днем я и Антипов работали по студенческому союзу и библиотеке: писали письма, подбирали и обрабатывали материалы для очередного «Студенческого листка», выдавали подписчикам книги, ... а вечером собирались все усаживались «творить» журнал «Жили-Были» и новый журнал «Уютка», – сообщает литератор³⁵.

Первый номер журнала «Жили-Были» увидел свет в марте 1922 г. В обоих номерах журнала Воеводин опубликовал рассказ и отрывок из повести, а также рисунки сатирического характера. Пражский критик Е.Л.Недзельский в статье об эмигрантской периодической печати положительно отзывался о прозе Воеводина. (Позже об одном из рассказов, опубликованном уже в Праге, одобрительно высажется и Г.В.Адамович, В.Ф.Булгаков назовет Воеводина даровитым писателем Праги. Писатель, поэт, критик русского зарубежья И.Ф.Каллинников писал в 1927 г. о А.А.Воеводине, который был еще мало известен Праге: «Лучше всего Воеводину удаются картинки восточных базаров. Очевидно, пребывание в Тунисе помогло автору впитать в себя жизнь и краски арабских и турецких улочек и базаров»)³⁶.

Воеводин продолжал работать над рассказами и воспоминаниям о Добровольческой армии, заметками о Тунисе, отсылая наработанное Л.А.Крезе, для дальнейшей публикации в пражских изданиях. У него были новые литературные замыслы и наброски. Он мечтал работать в газете или журнале. «Я собираю материалы о жизни русских в Африке и, между прочим, об иностранном легионе, откуда в скором времени должен получить интересные сведения»³⁷. Ему было 34 года, и для себя он видел три возможности уехать из Африки: в Прагу, где можно окончить университет и продолжать писать, уехать во Францию, окончить школу шоферов, чтобы было на что жить. «Писать, конечно, и там не брошу. – Не могу ...»³⁸. А если удастся выиграть много денег – издавать литературно-художественный журнал, в крайнем случае, уехать в Константинополь к своим прежним знакомым

Недолго работал А.А.Воеводин карикатуристом в сатирическом журнале *«Le Sarcasme de Tunis»*. В журнале мы видим его рисунки. На одном из них, – фигуры европейцев и арабов на фоне арабских улочек и крыш, занесенных снегом; под ним подпись “Tunis sous la neige”; на другом – выяснение отношений автомобилиста с ажаном на тунисской улице. В номере – мягкие шаржи на артистов тунисского театра-шанта-

на (*casino municipal*) «Пальмариум». Журнал закрылся после выхода второго номера.

Воеводин был активным поборником вызволения сотен русских студентов-эмигрантов, оказавшихся в тисках французского Иностранных легиона. Впервые Воеводин столкнулся с этой проблемой, когда отдельные номера «Студенческого листка» попали в среду русских легионеров. Благодаря газете легионеры узнали о существовании студенческого Союза и русской библиотеки. Завязалась переписка, как с отдельными легионерами, так и с целыми группами, которые просили прислать старые газеты, журналы, книги. Союз тайно от французского начальства стал посыпать учебники, конспекты лекций, книги, рассказывал о развитии студенческого движения русского зарубежья.

В самом Тунисе временно дислоцировались небольшие части легиона, а находились постоянно, не то учебная команда, не то гимнастическая школа. Студенты-легионеры тайком бегали в библиотеку Союза, брали оттуда книги и аккуратно возвращали. Тогда же впервые встал вопрос о попытке освобождения из Иностранного легиона русских студентов и организации ячеек Союза внутри легиона.

В своих Очерках Воеводин давал портретные зарисовки своих товарищей. Жизненные условия, в которых они находились в Северной Африке, не сломили их воли и стремления к образованию. О тех, с кем была связана целая полоса «африканской жизни» Воеводин писал с большой теплотой, называя всех поименно, рассказывая о сложившихся или несложившихся судьбах. Перед нами проходит целая галерея молодых людей, выбитых из привычной колеи, поставленных в тяжелейшие условия, продолживших самообразование и сохранивших человеческий облик. Самоусовершенствование многим из них помогло вырваться из Африки и продолжить образование в Европе.

Наступила осень 1922 г. Предстоял 2-й Общестуденческий эмигрантский съезд в Праге. Комиссией по подготовке к съезду был составлен доклад о положении студентов в Северной Африке и наказ. Воеводину предстояло выступить с докладом о положении русского студенчества во Французском иностранном легионе. Все эти материалы были отосланы в Прагу. Прошли собрания в Тунисе и Бизерте, делегировавшие Воеводина и Антипова на съезд³⁹.

2 октября 1922 г. в зале русского собрания (русский кооператив) в присутствии всей русской колонии была отпразднована годовщина существования Союза. Отмечались достижения Союза, его большая организаторская работа. Вышел 10-й, юбилейный номер «Студенческого листка», были получены поздравительные письма и телеграммы от студенческих, академических, общественных организаций. А 23 октября 1922 г. А.А.Воеводин покидал Африку. «Очень трудно передать те

сложные чувства, которые волновали нас, покидающих в Африке дело, созданное нашими руками и в которое было вложено столько усилий и искреннего чувства... грустно было думать о расставании даже с этой Африкой, так негостеприимно нас принял, так сурово с нами обошёлся. Но впереди светила новая жизнь, новые возможности более широкой работы, работы на пользу общестуденческому, общерусскому делу, впереди светила Золотая Прага, которая и для нас из области бесплотной мечты превратилась в реальнейшую действительность. И вместе с тем нас утешала мысль, что дело устройства в высшие школы членов нашего союза находится на верном пути, что скоро многие из них также уедут из Африки в новую, творческую жизнь»⁴⁰.

Н.А.Антипова, тоже одолевали раздумья об оставляемой ими Африке: «Мы все время говорили об африканской глупости. Но как интересна и нова была страна, в которую мы попали, как разнообразна ее история и как мало с ней мы познакомились. Спешно трачу остаток времени на посещение того, что по усам текло, а в рот не попало, пусть остается до будущих времен, когда я приеду в Африку не беженцем, а туристом»⁴¹. Не довелось больше попасть в Африку, ни А.А.Воеводину, ни Н.А.Антипову.

После отъезда обоих в Прагу Филиальное отделение в Северной Африке Союза русских студентов во Франции продолжало работать и в 1923 г., и в 1924 г.* К этому времени в Тунисе закрылись все общественные организации, созданные иммигрантами из России. Студенческий Союз остался единственной культурной организацией, объединяющей русских. В Тунисе оставалась библиотека и читальня Союза, которые обслуживали не только ее членов, но и всех русских, живущих в регионе, а «также русских студентов-легионеров, находящихся в Иностранном легионе в г. Сус и на границе Триполи» – писало правление Союза в Прагу⁴².

О пражском периоде жизни автора очерков источники сообщают меньше, чем о его пребывании и деятельности в Тунисе, хотя и такие материалы есть в фондах ГА РФ и РГАЛИ. В Праге А.А.Воеводин, будучи избранным на должность секретаря правления ОРЭСО не прекращал интересоваться делами своего тунисского детища. Правление ОРЭСО помогало студенческому Союзу материально книгами, поиском вакансий.

Не забывал он и своих друзей-легионеров. Через Правление ОРЭСО Воеводин предлагал обратиться к президенту Чехословакии Т.Масари-

* За два года существования Студенческого Союза смогли попасть в вузы организованным порядком около 50 его членов (ГАРФ. Ф.Р-5837. Оп.1.Д.48.Л.13)

ку с просьбой походатайствовать перед президентом Франции А. Мильераном об освобождении русских студентов от службы в легионе. Через военное министерство был получен ответ, что из легиона «могут быть отпущены т о л ь к о и н в а л и д ы ». «Теперь кажутся наивными мысли о возможности освобождения русских студентов от службы в легионе и об устройстве их при содействии французского правительства во французские высшие школы. Нам казалось, что подобное действие будет лишь актом благодарности Франции к своей бывшей союзнице России: в этом мы, к сожалению, глубоко ошиблись.... Ни освободить из легиона студентов, ни существенно помочь им нам не удалось»⁴³, – вспоминает он это время.

В 1923–1924 гг. Воеводин продолжал переписываться с легионерами, посыпал им эмигрантскую прессу, свои публикации, принадлежности для рисования, пытался хоть чем-то облегчить их участь. Один из его постоянных корреспондентов оценил работу А.А.Воеводина как «колossalную». Переписка обогащала обе стороны. Литератор получал уникальный материал для своих будущих рассказов и очерков и на его основании писал о бедственном положении легионеров в эмигрантских изданиях, сопровождая написанное фотоиллюстрациями. Взвал и к французской общественности, и к эмигрантским кругам с просьбой о помощи по вызволению русских из легиона. Образец антилегионерской публицистики А.А.Воеводины мы уже опубликовали в 2002 г.⁴⁴

С конца 1922 г. в Чехословакии Воеводин занимался общественной работой. Но все больше он связывал свою жизнь с литературной деятельностью. Получить диплом об образовании ему не удалось, хотя он и числился студентом Русского юридического факультета в Праге в 1922–1925 гг. Сыграла свою роль материальные трудности и большая загруженность литературной и общественной работой. Литературный труд приносил небольшой доход, отнимая много времени. В анкетно-регистрационной карточке, заведенной в Объединении российских земских и городских деятелей в Чехословакской республике в 1925 г., он написал, что нуждается в работе, хотел бы изучить ремесло шофера⁴⁵.

Был Воеводин и заведующим канцелярией Русского свободного университета в Праге, в 1923 г. был одним из редакторов и автором журнала «Студенческие годы». Затем являлся членом редколлегии газеты «Крестьянская Россия» и журнала «Своими путями», где печатал очерки и рассказы. Был редактором «Справочного листка» – еженедельной газеты Русского свободного университета в Праге. Входил в редакцию еженедельной газеты «Второе поколение», печатался в журналах «Казачий путь» (Прага, 1924–1927), «Путь казачества» (Прага, 1927–1928).

С 1926 г. Воеводин посещал литературные вторники «Воли России» где обсуждались важнейшие литературные и культурные события в Европе. С 1928 г. вторники стали своего рода филиалом парижского клуба молодых литераторов «Кочевые». В 1922–1928 гг. был постоянным членом и участником собраний литературного кружка «Далиборка», читал свои произведения на литературных авторских вечерах и собраниях, организованных Союзом русских писателей и журналистов в Чехословакии, был действительным членом этого союза, его секретарем (с 1923 г.) и членом правления. Являлся автором статей, критических отзывов, очерков и участником литературного объединения «Скит поэтов», публиковался на страницах журналов «Ухват» (Париж), а также в газетах: «Дни» (Берлин), «Звено», «Последние новости» (Париж), информационном листке русской колонии в Праге «Дневник» и других. Опубликовал повесть в альманахе «Ковчег» (1926 г.). В газете «Лидове Новины» (1935) на чешском языке вышли 12 детских сказок под названием «Лягушонок Квак». В 1934 г. Воеводин получил премию на литературном конкурсе Союза русских писателей и журналистов в Югославии за рассказ «Хизорик» («Яблочко») (опубликован на чешском языке в газете «Народни листы»). В Русском свободном университете выступал с лекциями и чтением своих произведений. Там же, в декабре 1937 г. выступил с чтением пьесы «Окно в небо», а в 1939 г. отрывка из романа «Кетурский мост». Много занимался редакторской работой⁴⁶.

В годы Второй мировой войны работал в подполье против немцев, был арестован и погиб в фашистском лагере. В каком именно и когда, выяснить не удалось⁴⁷.

Вот что пишет о Воеводине знавший его по Праге Дмитрий Мейстер, который во время войны входил в руководство антифашистского подпольного русского оборонческого движения в Праге: «В Праге и других городах некоторые русские эмигранты активно включились в борьбу с оккупантами, энергично искали связи с партизанским движением, с чехосlovakским подпольем того страшного времени. Были и жертвы. Долгое время в предвоенные годы секретарем Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии состоял А.А.Воеводин, ... также в русском Народном университете – эмигрантской организации, вокруг которой объединилось немало людей. Я близко знал Воеводина и по Союзу писателей, и по другим общественным организациям ... Воеводин был арестован гестаповцами в разгар войны с Советским Союзом и замучен в одном из нацистских лагерей смерти...»⁴⁸.

Не удивительно, что этот яркий и неординарный человек, оставивший заметный след в истории эмиграции первой волны, не остался равнодушным в то время, когда в его любимой Праге и на его исторической родине бесчинствовал фашизм.

Бывший студент юридического факультета МГУ и бывший врангельевец, издаватель русских рукописных журналов в Тунисе, писатель, публицист, активист Союза русских писателей и журналистов в межвоенной Чехословакии, внесший большой вклад в создание и развитие студенческого движения в русском зарубежье, человек небезучастный к судьбе русских легионеров, участник Сопротивления нацистской оккупации страны, заплативший за это своей жизнью, – таков жизненный путь Александра Воеводина.

¹ Валентина Хохлова Опаленные войной // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 185-193.

² РГАЛИ. Ф. 267. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 2-3.

³ ГА РФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 38. Л.8.

⁴ Там же. Ф. Р-6340. Оп. 1. Д. 2. Л.2.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 12, 20.

⁷ Там же. Л. 33, 34.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 15.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 12; Д. 3. Л. 28; Д. 1. Оп. 1. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 34; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-6340. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

¹² Там же. Л. 36-38 и др.

¹³ Там же. Л. 39.

¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Л.К.Художилов. Прага – Тунис // Юбилейный сборник 1921 – Брно – 1931. Jubileiní sborník svaz ruských studentů Vno. Брно, 1932. С. 69-71.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 2а. Л. 132.

¹⁹ Там же. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 28. Л. 61.

²⁰ Там же. Ф. Р-6340. Оп.1. Д. 4. Л.17; Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 28. Л. 63 об.

²¹ Там же. Ф. Р-6430. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 19-20.

²² Там же. Л. 20. Ф.Р-5934. Оп.1. Д.28. Л.63 об.

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ Там же. Ф. Р-5834. Оп.1. Д. 2а. Л. 92; Ф. Р-6845. Оп.1. Д.3. 53-55.

²⁵ Л.К.Художилов, С.71; См. также: Студент. Прага, 1922. №2. С. 20; Капитан 2 ранга Нестор Александрович Монастырев. Обзор жизни русской эскадры в Бизерте за 1922 год (вып.XIX, N1, январь 1923) // Бизертинский Морской сборник 1921-1923. Избранные страницы. Составитель и научный редактор В.В.Лобыцын. М., 2003. С. 420; ГА РФ. Ф. Р-5934. Оп.1. Д. 2а. Л. 145.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5837. Д. 20. Оп. 1. Л. 26, 27; Там же. Оп. 2. Д. 392. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. Р-5934. Оп.1. Д. 2а. Л. 145.

²⁸ Там же. Ф. Р-6340. Оп.1, Д. 4 Л. 41.

-
- ²⁹ Там же. Ф. Р-7356. Оп. 1. Д. 2. Л. 33 об.
- ³⁰ Там же. Л. 23.
- ³¹ Там же. Д. 6. Л. 2 об.
- ³² Там же. Ф. Р-6430. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.
- ³³ Там же. Д. 3. Л. 42; Д. 4. Л. 9, 10.
- ³⁴ Там же. Л. 11.
- ³⁵ Там же. Л. 30.
- ³⁶ Е.Недзельский. Мемуары лагерей // Воля России. Прага, 1925. NN 5, 6; Звено. Париж, 1926. N 188. С. 2; РГАЛИ. Ф. 267. Оп. 2. Ед.хр. 41. Л.14.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7356. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 22 об., 23.
- ³⁸ Там же. Л. 12 об.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 81. Л. 50.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р-6340. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 2а. Л. 147.
- ⁴² Там же. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 48. Л. 11а, 14, 25; Студенческие годы. Прага, 1924. № 5 (16). С. 47.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-6340. Д. 4. Оп. 1. Л. 12, 13, 39.
- ⁴⁴ См. также: Александр Воеводин. Студенческая жизнь (иностранный легион) // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 116-119.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 983. Л. 1; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 135.
- ⁴⁶ РГАЛИ. Ф.1568. Оп. 1. Ед.хр.50; Ф.2474. Оп.1. Ед.хр. 53. Л.3; Годы. Прага. 1926. № 2 (24). С.37; Валентин Булгаков. Словарь русских зарубежных писателей. Н.У., 1993. С. 31; Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918-1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах). Т. I. Часть 1. Прага, 1996; Нечаев В.П. Воеводин Александр Александрович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918-1940). Т.И. Писатели Русского Зарубежья. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 109-110; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословакской республике. Т. I. 1919-1929. Прага, 2000. С. 218, 262, 280, 295, 360, 366; Том II 1930-1939 Прага, 2001. С.20, 30, 33, 36, 112, 119, 247, 251, 256, 340, 346, 457, 499; Рябова В.И. Студенты-эмигранты в Северной Африке. М., 2004.
- ⁴⁷ По сведениям общественного деятеля, просветителя, писателя, публициста, основателя Русского культурно-исторического музея в Праге, председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакской республике, который сидел в тюрьме в оккупированной немцами Праге, а затем в баварском концлагере в замке Вюльцбрук, Валентина Федоровича Булгакова, и знавшего А.А. Воеводина по Праге, Воеводин погиб в концлагере в Германии (предположительно в 1944 г.).
- ⁴⁸ Дмитрий Мейснер. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 259.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО – ПУТЬ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ АФРИКАНСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зададимся вопросом – какие события из африканской истории доказывают то, что вовлечение Африки (южнее Сахары) в международные отношения происходило преимущественно коллективными действиями великих держав, включая в первые годы и Россию, и какие противоречат этому тезису.

К событиям, подтверждающим первое положение, можно отнести:

- создание «Международной африканской ассоциации» (1876 г.) (первая попытка коллективного освоения Тропической Африки);
- Берлинскую конференцию 1884–1885 гг.;
- активизацию коллективных действий в Африке под эгидой сначала Лиги наций (мандатная система) (1919 г.), а затем ООН (система опеки) (1945 г.);
- концепцию усилий в рамках «Восьмерки» (Программа НЕПАД) (2001 г.).

Ко вторым – две мировые войны.

Менее определенным будет ответ на вопрос о характере воздействия этих событий на обеспечение безопасности Африки, но, по мнению автора, преобладали все же тенденции к мирному сосуществованию.

Пролог (1876–1885 гг.). Инициатором создания Международной африканской ассоциации была Бельгия, попытавшаяся прикрыть свое участие в дележе Африки гуманитарно-научными целями.

Для этого в 1876 г. в Брюсселе была создана Международная географическая конференция с участием знаменитых путешественников по Африке (Стенли, Нахтигаль, Камерон, Грант и др.), дипломатов, представлявших Германию, Австро-Венгрию, Англию, Францию, Италию, США и Россию (от нее приехал путешественник П.П.Семенов-Тянь-Шанский). Главными задачами созданной Ассоциации были научные исследования неизвестных областей Центральной Африки, привлечение ее народов к европейской цивилизации и торговле, а также уничтожение работорговли.

Представляется верным утверждение А.З.Зусмановича, что эта научная конференция являлась прологом к разделу Центральной Африки¹.

I этап (1885–1914 гг.). Главной вехой этого периода был созыв в 1884–1885 гг. Берлинской конференции с участием 14 стран: Германии, Франции, Англии, США, России, Австро-Венгрии, Турции, Ита-

лии, Испании, Португалии, Бельгии, Дании, Голландии и Швеции. Попробуем оценить вклад этой конференции в «безопасность» Африки через ее восприятие западными, африканскими и советскими исследователями.

Так, в трактовке английского африканиста М.Кроудера, исследовавшего сравнительный эффект французского и английского управления в колониях Западной Африки в период 1885–1945 гг., эта конференция, безусловно, положила начало империалистическому разделу Африки, хотя и внесла некоторую «дисциплину в ситуацию, которая в любой момент могла выйти из-под контроля». Результатом конференции было согласие каждого участника, претендующего на африканские земли, информировать других участников с тем, чтобы дать им возможность, если это будет необходимо, предъявить свои претензии и поддержать их быстрой оккупацией. По мнению Кроудера, Берлинская конференция важна тем, что на основе ее итогов были установлены политические границы, сохранившиеся и после освобождения Африки в 60-х гг. XX в. Это также означает, что вопреки другому распространенному мнению, новые границы во многом совпадали с этническими, религиозными и географическими реалиями².

Оценку Берлинской конференции можно найти в многотомной «Всеобщей истории Африки», изданной под эгидой ЮНЕСКО в 80–90-х гг. XX в. Соответствующий раздел написан нигерийским историком Г.Н.Узоигве, профессором Мичиганского университета, чья трактовка отличается «взвешенностью», свойственной научному сообществу Запада. По его мнению, созыв Берлинской конференции был инициирован Португалией, которая теряла свое влияние в Центральной и Южной Африке. Она стремилась выработать приемлемые для всех европейских стран (и США) принципы мирного раздела сфер влияния в Африке, оставляя шанс и для слабых держав. Но эти принципы полностью игнорировали само африканское население.

Легализация действий европейских держав на Африканском континенте была основана на принципе «эффективной оккупации», согласуемой европейскими державами лишь между собой и, якобы, в рамках международного права. Это фактически означало, что все дальнейшие приобретения в Африке должны были оформляться договором с соответствующей европейской державой и не вызывать возражений других европейских держав. В каждом случае необходимо было приобрести «партнера» в лице африканских вождей, возглавляющих данные территории. В основном заключались договоры о протекторате. Согласие на них африканцев объяснялось их надеждой сохранить власть, хотя бы под защитой «протектора» от полного захвата другой европейской державой.

Такие договоры имели место в бассейне Нила (между Англией и Италией, а затем между Англией и Францией), в Южной Африке (между Англией и Португалией), в Западной Африке (между Францией и Англией).

Но имели ли эти двусторонние договоры элемент «партнерства» с Африкой? Да, если под Африкой понимать местных вождей, ставших исполнителями интересов соответствующей европейской державы. Нет, если иметь на тот период современное понимание национальных интересов этого региона.

Характерной особенностью первого этапа было то, что великие державы не переносили противоречия в Африке на свои европейские дела, а реальное освоение африканских территорий зависело от политической силы и экономических возможностей.

Наибольший удар идеи коллективного освоения Африки нанесла Первая мировая война 1914–1918 гг. Ей предшествовал раскол великих европейских держав на два лагеря: Антанту и Тройственный союз. По итогам войны германские колонии были в соответствии с Версальским договором переданы победителям и оставлены под опекой Лиги наций.

Именно тогда возник первый наднациональный орган – Совет Лиги наций, в состав которого вошла Япония в качестве постоянного члена наравне с Англией, Францией и Италией, а с 1934 г. и Советский Союз.

II этап (1914–1939 гг.). Межвоенный этап характеризовался усиливающейся интернационализацией внешней политики великих держав. В этом процессе свою роль сыграло принятие Лигой наций 14 пунктов В. Вильсона и декларация Советской России о мире без аннексий и контрибуций.

При внешнем администрировании колониальных владений великим державам вменялось проведение социальной политики, способствующей повышению материального и духовного уровня местного населения, а также декларировался принцип «международной ответственности» в рамках созданной Лигой наций международной мандатной системы в соответствии с п. 22 Устава Лиги наций. В отношении Африки предусматривалась передача под управление союзных держав германских колоний с тем, чтобы «передовые» страны, обладающие соответствующими ресурсами, опытом или занимающие необходимое для этого географическое положение, могли наилучшим образом осуществлять эти задачи. Они будут действовать как мандатарии: благосостояние и развитие опекаемых народов станет «священным долгом цивилизации» и они будут ежегодно отчитываться перед Лигой наций о выполнении их мандата.

До начала второго периода «и короли, и королевы, и вожди» были охвачены одной идеей: сохранить свой суверенитет, свою вотчину и

культуру, избирая для этого любой из методов: борьбу, союз или подчинение. Но к 1914 г. всякие столкновения или просто противодействие европейцам прекратились и вся Африка (кроме Эфиопии и Либерии) потеряла свой суверенитет. Такой вывод сделан А.Аду Боахеном – ответственным редактором VII тома «Всеобщей истории Африки»³.

Второй удар по коллективным действиям в Африке нанес раскол в Европе и стремление гитлеровской Германии к пересмотру статей Версальского договора.

Начавшаяся с захвата Польши, Вторая мировая война проходила при иной расстановке воюющих сторон. Вместе с Германией выступили Италия, Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия, а решающим фактором их поражения стал вклад в победу Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции.

В начале 1945 г., накануне Победы состоялась Ялтинская конференция, где по настоянию Советского Союза рассматривались принципы перехода от мандатной системы к системе опеки под эгидой ООН. В выступлении представителя США было повторено обязательство союзников об учреждении опеки над колониальными территориями. Это упоминание вызвало резкое возражение Черчилля, который заявил, что «он не допустит, чтобы хоть какой-либо кусок британской земли попал на аукцион с участием 40 государств. Никогда Британская империя не будет посажена на скамью подсудимых в международном суде по вопросу об опеке над несовершеннолетними нациями». Но его заверили, что речь будет идти только об опеке над территориями, которые будут отняты у врага⁴.

После завершения Второй мировой войны состоялась Потсдамская конференция, на которой, в частности, было «реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир, который должен обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь не зная ни страха, ни нужды»⁵.

III этап (1945–1994 гг.). Год окончания третьего периода (1994) обусловлен тем, что в этом году Совет Безопасности ООН «прекратил деятельность Соглашения ООН об опеке последней территории, находящейся под опекой, – Тихоокеанских островов (Палау), управлявшихся Соединенными Штатами». Это произошло после провозглашения независимости островов и присоединения их к ООН. «В связи с тем, что под опекой не осталось ни одной территории, система опеки выполнила свою историческую задачу»⁶.

Система опеки сыграла роль индикатора эффективности коллективных решений ООН в процессе общей ликвидации колониальной системы. В Устав ООН были включены главы XI, XII и XIII, затрагивающие

интересы зависимых народов, и к 1960 г. из общего списка 72-х зависимых территорий 56 обрели политическую самостоятельность.

IV этап. Начинается в 2001 г. Необходимо обратить внимание на то, что возникает хронологический разрыв в период между 1994 г. и переходом к партнерству в рамках НЕПАД (2001 г.).

В рамках этого «разрыва» (1994-2001 гг.) на Африку начинает распространяться активность «Большой Восьмерки». На встрече в Лионе в 1996 г., два года спустя после отмены системы опеки ООН, впервые была упомянута тема партнерства с Африкой в интересах развития ее стран. Эта тема вновь удостоилась внимания на следующей встрече в Денвере (США), участники которой выразили готовность увеличить официальную помощь развитию (ОПР) стран Африки южнее Сахары.

Африканская тематика была конкретизирована на встрече в Генуе (Италия) в 2001 г., где было принято решение об участии «G-8» в программе «Новое партнерство в интересах развития Африки» (НЕПАД). В 2002 г. в Канадасисе (Канада) был принят Африканский план действий, предусматривающий увеличение помощи странам континента. Впервые «Восьмерка» взяла на себя функции, которые ранее выполняли органы ООН, обязавшись помочь Африке развивать ее экономику. Аналогию усиливает еще одно обстоятельство: «G-8» имеет некое подобие секретариата в рамках института личных представителей президентов, которые ведут подготовку очередных саммитов.

Тот факт, что «Восьмерка» берет на себя, казалось бы, несвойственные ей функции, можно объяснить не только ее стремлением управлять миром, но и постоянными упреками в адрес ООН, которую все чаще обвиняют в бездействии и неспособности решить глобальные проблемы, с которыми столкнулось человечество на грани двух эпох. Подтверждением пассивной роли, которую, возможно в силу обстоятельств, играют сегодня в мировых делах ООН и ее органы, стала позиция Совета Безопасности, который не смог помешать действиям США в Ираке, квалифицируемым международным правом как агрессия.

Современный IV этап представлен программой НЕПАД, принятой в 2001 г. в Абудже (Нигерия). В этом документе иностранная помощь приветствуется, но подается как часть равноправного партнерства. Откликом на это приглашение может служить заявление Генерального секретаря НАТО лорда Холбрука о том, что «на нас лежат серьезные обязательства по решению африканских проблем, но Берлинской конференции 1884 г. больше не будет»⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения, установленные в НЕПАД, в принципе обеспечивают внутренние и внешние аспекты достижения безопасности в партнерстве с «Восьмеркой». Но во многом это остается делом самих африканских стран.

---

¹ Зусманович А.З. «Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894 гг.). М., 1962. С. 43–44.

² Crowder M. West Africa under Colonial Rule. L., 1968. P. 5, 63–64.

³ Histoire Générale de l’Afrique. Vol.VII. L’Afrique sous domination coloniale. 1880–1935. 1987. P. 23, 49.

⁴ Сборник документов. Тегеран. Ялта. Потсдам. М., 1970. С. 168.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Организация Объединенных Наций. М., 2000. С. 15, 332.

⁷ ООН. A/55/741. 23.01.2001. Р. 11.

ЧАСТЬ II

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая часть настоящего сборника состоит из пяти статей по общезафриканским вопросам, а также материалов, в которых рассматривается экономическая и социально-политическая ситуация в отдельных странах континента.

Л.В.Гевелинг полагает, что в общественном развитии постколониальной Тропической Африки сложилась своеобразная система форм организации власти как один из основных продуктов становления новых общественных отношений. Эта система выступает в роли, во-первых, субъекта полного или частичного отрицания отживших видов власти и отторжения «импортированных» политических институтов; во-вторых, – питательной среды для роста новых способов властевования.

Н.Д.Косухин анализирует проблему легитимности власти в странах Африки в ее связи с вопросами, определяющими степень политической стабильности и нестабильности на континенте. К таким вопросам относятся, в частности, становление парламентаризма, рассматриваемое Л.М.Садовской, и широкие масштабы беженства, ставшего, как показывает О.Б.Громова, остройшей проблемой Африки в последние десятилетия. Д.Г.Соколов сопоставляет унитарную и федеральную модели государственности в Тропической Африке.

Различные аспекты конкретных страновых ситуаций анализируют Р.Н.Исмагилова, Н.В.Виноградова, А.П.Позднякова, С.Н.Шленская, Н.Н.Родионова, О.Я.Иванова, Н.М.Рукина. П.М.Шмельков рассматривает место некоторых стран Африки в Индексе человеческого развития.

Ю.В. Потемкин

К ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ В СТРАНАХ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

I

Политические катаклизмы и неожиданные повороты в социально-экономическом развитии Африки позволяют предположить, что в странах континента образовалась своеобразная система *форм организации власти* (ФОВ). Будучи одним из основных продуктов становления новых общественных отношений, ФОВ-система развивалась в постколониальной Африке, во-первых, как субъект нарушения и отрицания политических пропорций, а также отживших свой век типов и видов власти. Во-вторых, – как момент отторжения большинства чужеродных, привнесенных извне институтов и отношений политического характера. В-третьих, как «питательный бульон» для роста новых способов властевования, субстанционально отличающихся и от старых африканских, и от трансплантированных из-за рубежа форм политического руководства. Иными словами, – как «оптимальный для своих стран вариант синтеза заимствований извне с традиционными структурными элементами»¹.

Система способов властевования – это не столько собственно власть с ее нормами, юридическими актами и социальными носителями, сколько «программа» движения политической действительности, отражающая особенности эволюции руководства и управления обществом. (Здесь уместно провести аналогию с соотношением собственности как суммы материальных объектов и собственности как системы отношений в трактовке Э. де Сото).² Иначе говоря, ФОВ-система – это прежде всего социальная и политико-правовая *концепция власти*.

Научное определение формы организации власти отражает некоторые грани таких понятий, как форма правления (состав, порядок образования и соотношение высших органов государства), политический режим (методы осуществления госвласти плюс структура госаппарата) и политическая динамика. ФОВ-система частично преломляет в себе содержание категорий таких как: форма государства, государственный строй и особенно организация государственной власти; кроме того, она взаимно определяется родом и – в меньшей степени – типом государства.

ФОВ – это в равной мере и виртуальный канал «соединения» национальной элиты и (или) правящего слоя с политической (обычно –

государственной) властью, и архитектоника, совокупность принципов сохранения и реализации политической власти.

Африканским моделям организации власти свойственно сосуществование множества форм политического руководства, своеобразные виды их сочленения и взаимодействия. Множественность ФОВ служит отражением, с одной стороны, многоукладности местного общества, с другой – внутренней логики развития властных отношений.

В своем теоретически чистом виде формы организации власти в большинстве африканских стран представляет собой сложную и динамичную многопараметрическую систему. Элементы ФОВ-системы, взаимодействие которых «развертывается через относительно обособленные и взаимообусловленные подсистемы»³, обладают определенной потенцией к действию и способностью к изменению. Относительная целостность рассматриваемой системы базируется на генетическом, функциональном, пространственном и иных типах связей. Большое значение в функционировании и развитии политической власти имеют связи кооперативного и конфликтного типов. Что же касается связей управления, то они, бесспорно, играют детерминирующую роль в существовании системы; при этом степень их жесткости и эффективности значительно отличается на различных «этажах» власти и во многом зависит от национальных особенностей той или иной модели политического развития.

Распространенные в Африке ФОВ-системы – это, как правило, дискретные структуры. Большинство из них одновременно развиваются и как горизонтальные структуры (взаимодействие ветвей власти, а также региональных и «отраслевых» властных структур) и как вертикальные структуры (что в массовом сознании отражается в представлениях об иерархии власти, о политической субординации и о социальной пирамиде общества). Организация власти (способ осуществления связей внутри системы) демонстрирует степень уравновешивания структуры и обеспечивает единство ее субстратных, функциональных и иных свойств, которые постоянно пребывают в процессе упорядочения.

В Африке, как и в других регионах мира, формы организации власти активно взаимодействуют – обычно через политисистему – с окружающим миром и формируются под воздействием среды. Последняя, участвуя в изменении как отдельных компонентов структуры политической власти, так и всего ее состава, способствует разрушению системы и появлению в странах континента новых форм руководства. Разумеется, процесс взаимодействия является двусторонним. Способы властowania (может быть, в большей степени, чем любая другая система или подсистема политической и социальной сферы) имеют возмож-

ность не только противостоять среде, но и изменять ее в соответствии со своими целями и задачами.

Социальной *микросредой* ФОВ-системы служат правящие группы общества, непосредственно вовлеченные в процессы принятия политических решений. В качестве социальной *макросреды* власти можно рассматривать все политически активные слои населения данного государства, обеспечивающие функционирование и развитие политической структуры. Наконец, социальная *мегасреда* – это все общество в масштабе одной цивилизации или на стыке различных цивилизаций.

Властные структуры в африканских странах постоянно функционируют, т.е. находятся в процессе смены состояний одного уровня, не отражающих важных изменений в строении и формах политического руководства и управления. В то же время ФОВ-система включена в процессы развития, т.е. необратимого преобразования объекта. В постколониальный период политическую историю большинства африканских стран характеризовала эволюционная форма развития власти – умеренные виды обновленчества и реформаторства, – что, впрочем, не исключало и радикальных способов перестройки руководства и управления обществом. Утверждение основных форм властной системы в целом соответствовало динамике ее развития – периодам стагнации и спада, затухания и отката назад (ретрадиционализации), которые порой сменялись локальными всплесками, периодами форсированного развития или даже «большими скачками». В отдельных странах континента действовали «пульсирующие» модели политической власти.

Как правило, смена организаций системы происходит в результате серьезных сдвигов в политической жизни – деколонизации, выборов руководящих работников, междоусобных войн, государственных переворотов и т.д. Следует подчеркнуть, что новые модели власти в известном смысле «программируются» самой системой, которая обладает некоторой свободой в их выборе, причем именно в момент трансформации из одного состояния в другое⁴.

В принципе цель функционирования и развития системы форм организации власти (как элемента политсистемы) должно способствовать движению по пути социального прогресса и стабилизации общественной жизни в странах Африканского континента. (Правда, политическая история ряда африканских государств свидетельствует о постоянных отступлениях от этого курса.) Важнейшими задачами бытия ФОВ – в их земном, а не абстрактном виде – служит «настройка» механизма управления политической системой, а также приведение в соответствие меняющихся социально-экономических структур африканского общества с трансформирующейся политической властью.

Внутренние факторы перестройки властных систем в государствах Африки второй половины XX века определялись тенденцией их адаптации к условиям развития местной социально-политической системы, а точнее: комплексными преобразованиями с учетом специфики «почвенной» политической традиции и культуры. При этом во многих странах Африки модель властовования формировалась под воздействием импульсов, вызванных кризисно-конфликтными изменениями в функционировании различных подсистем общества, нередко сочетавшихся с катастрофами и кризисами социоестественного и природного характера. Типы воздействия варьировались от умеренного (адаптация) до радикального (ломка), от депрессирующего до революционного. При этом воздействие проявлялось не только в своеобразии форм власти, но и в порядке их развития.

II

Внешним источником действия этой тенденции служили изменения в системах политической и экономической власти, происходившие на планетарном уровне. Трансформация распространялась на принципы и институты публичной политики, алгоритмы руководства и управления общественными процессами, состав и иерархию социальных носителей власти. Сдвиги и разрывы в мировом политическом пространстве, обнажившие новые альтернативы развития человечества, охватили, разумеется, не только наиболее развитые в экономическом отношении страны, но и практически все «периферийные» регионы, включая Африку.

Африканские ФОВ-системы ныне функционируют в условиях глобальной, а в известном смысле и региональной переходности. В планетарном измерении властные системы стран Африки развиваются на фоне целой серии грандиозных общественных изменений. Западные страны вступили в эпоху информационно-коммуникационной революции и постиндустриальной модели хозяйствования, основанной на научных знаниях и новейших технологиях. Бывшие социалистические страны Европы и Азии, а также Китай, Вьетнам, Монголия встали на путь фундаментальных рыночных преобразований и замены рентостремительной активности на прибыльно-ориентированную⁵. В некоторых из этих государств наступил «политический переходный период», который, однако, знаменовал собой не превращение капиталистического общества в коммунистическое (как это виделось К.Марксу⁶), а совершенно иные общественные процессы. Народное хозяйство ряда постсоциалистических стран трансформировалось в сущность, которую Дж. Хеллман, Г.Джонс и Д.Кауфманн назвали «захватнической экономикой» (*capture economy*)⁷. В международных отношениях, отмечал Г.К.

Широков, также обозначился «переходный период, в котором будут бороться тенденции к многополярности и многополюсности»⁸.

Ориентирами общественной эволюции большинства стран «третьего мира» стал переход к наемному труду и рынку, к современным системам обучения, от простого воспроизведения к расширенному, к «новому технологическому способу производства» и «современному экономическому росту», «демографический переход»⁹. В ряде развивающихся странах происходила конверсия государственной власти¹⁰, а также наметился переход «от вневедомственных прав к единой системе легальной частной собственности»¹¹. В общественной жизни стран афро-азиатского региона, по мнению некоторых исследователей, распространялись «переходный способ производства»¹²; «переходные производственные отношения» и «переходные экономические формы», эволюционизировали «переходные общества» и «государства переходного типа»¹³.

«Идеология» трансформации и переходности не могла не наложить отпечаток на общественные и политические структуры современного мира, состояние которых корректировалось социальными явлениями транзитного характера. В их числе – «диалектически противоречивый синтез цивилизационного и формационного начал»; то обстоятельство, что синтезированная структура «социального и экономического базиса не переносится адекватно на уровень политического правления, т.е. на структуру политического режима»; расширение сферы общественных компромиссов¹⁴; временный «распад ценностей» (К.Карпентер); «дисгармония в общественном сознании и морали»¹⁵; медленное уничтожение пережитков экономического и иного характера в сознании людей. С точки зрения теории власти и исторической науки, именно в переходный период перед обществом открываются альтернативные пути развития¹⁶.

Феномены трансформации и переходности задают новые количественные и качественные параметры различным видам публичной власти и политики. Системы политического руководства и управления начинают развиваться в рамках транзитной логики. В «переходный период» ФОВ-система призвана обеспечивать оптимальные варианты сосуществования традиционного и современного в различных и постоянно меняющихся комбинациях¹⁷, а также координировать перестройку институционально-правовой структуры общества в целях его постепенной модернизации. Часть элементов этой системы несет в себе особым образом сочлененные черты прошлых и будущих ФОВ и, играя роль антикризисного механизма, действительно превращается в инструмент структурных преобразований революционного или «радикально эволюционного» характера. Другая часть системы не только стремится

приспособиться к условиям перманентного кризиса, но и пытается извлечь собственную выгоду из результатов кризисного развития.

Учитывая то обстоятельство, что процессы социальной и экономической трансформации привносит в политическую жизнь современной Африки множество кардинальных изменений, ряд существующих в странах континента форм организации власти можно было бы назвать «переходными», «транзитными».

Транзитные разновидности власти по определению (с точки зрения формальной логики) отличаются от основных способов властевования. Достаточно вспомнить, что, например, основные типы демократии (рабовладельческая, буржуазная и др.) отличаются от ее *переходных*, промежуточных типов (раннефеодальной и пр.)¹⁸. На основе сходных логических посылок выделяются «основные» и «не основные» (переходные, промежуточные) типы государств.

К числу универсальных характеристик переходных способов властевования следует отнести, во-первых, заведомо ограниченные рамки их активной жизнедеятельности (суть *продолжительность* переходного периода). Во-вторых, – момент «*обреченности*», т.е. перспектива неизбежной гибели транзитной формы в качестве самостоятельной и влиятельной политической сущности. В-третьих, – *необратимость* эволюции властных форм, которые никогда не восстанавливаются в прежнем виде (путем инверсии или как-либо иначе). В-четвертых, – синтез или симбиоз старых и новых властных сущностей. ФОВ переходного типа, как правило, отмечены чертами синкретичности, маргинальности, гибридности; им свойственно состояние политической «трансмутации» и слабо артикулированные траектории развития. При этом неустойчивость, расплывчатость и латентность, отличающие состояние властной переходности, обычно порождают представления о наступлении периода «безвластия».

Особенностью переходной власти в развивающихся странах можно считать неравномерность политического развития в регионах или субрегионах, многообразие властных форм и часто возникающую неопределенность в конечных целях транзитного движения. Так, анализ магистральных направлений эволюции политической власти и тенденций социально-экономического развития стран афро-азиатского мира, как правило, помогают определить «пункт отправления» политического «локомотива». Но при этом далеко не всегда удается совершенно четко обозначить и научно описать предполагаемый «пункт» его прибытия.

Отсюда возникают серьезные методологические сложности, связанные с набором противоречий, свойственных переходному периоду (конкуренция между созидательными, антикризисными способами реализации власти и ее разрушительными, негативными формами; вре-

менный характер и нестабильность власти блокового типа и т.д.). Властно-политические противоречия дополняются и усиливаются специфической структурой самих переходных социумов, которые характеризуются высокой степенью стратификации и сегментации, многочисленными линиями несходства и противостояния интересов – социальными, этнонациональными, конфессиональными, клановыми¹⁹.

Определенные трудности в развитии теории власти в рамках транзитологии вызывает разработка критериев завершения всего переходного периода и (или) его отдельных этапов. В целом, важнейшими признаками окончания процесса трансформации власти, видимо, должно служить создание основы политической системы (институты которой отвечают задачам социального прогресса) и достижение минимально достаточного уровня руководства модернизированной социально-экономической структурой. Особый смысл решение этого вопроса приобретает в конкретно-историческом контексте политического развития той или иной африканской страны.

III

Тенденции развития транзитных ФОВ в известной степени коррелируют с процессами политической, социальной и идеологической модернизации, которые призваны высвободить внутреннюю энергию из пребывающих в застое подсистем африканского общества. Помимо формального включения Африки в «гонку за лидером» и отдаленной перспективы подтягивания части ее государств к уровню мирового политического «авангарда», страны континента постепенно начинают претендовать на реальные плоды модернизации. В их числе – национальная консолидация, утверждение рациональных начал в политической культуре и сознании, расширение практики политического участия, совершенствование избирательного процесса и политических технологий и т.д. Модернизация властных структур в Африке отличается незавершенностью и противоречивостью (имеется лишь общий вектор перемен); носит очаговый и элитарный характер; отличается использованием умеренных (синтез традиционного и современного), а не радикальных (полное искоренение традиционного) методов. При этом реальные процессы модернизации политических систем в большинстве стран континента отстают от декларированной политики модернизации, часто повышают конфликтный потенциал страны, уровень ее децентрализации и раздробленности.

Во многих странах Африки проводником идеологии развития, национальной консолидации и модернизации (в сочетании с традиционными ценностями) выступает государство, которое представляет собой совокупность общественных отношений, складывающихся вокруг ин-

ститута публичной власти и ряда других политico-управленческих структур²⁰. Принято считать, что эволюция государственной власти испытывает существенное воздействие переходных отношений²¹; в переходном обществе и при чрезвычайных исторических обстоятельствах заметно возрастает самостоятельность государства, расширяются его социально-экономические функции, увеличивается значение «субъективной правительственної политики»²². И напротив, уход государства и из области руководства, и управления переходными обществами почти неизбежно поднимает уровень социальной напряженности²³.

Действительно, роль государства в системе транзитных ФОВ уже в ближайшей перспективе может оказаться весьма значительной, но лишь при условии, что само государство выйдет из состояния острого системного кризиса. Представляется, что «ресоциализация» африканского государства может быть осуществлена только на путях борьбы с произволом, паразитизмом и криминализацией бюрократической машины (в ее военно-административном или гражданско-административном вариантах), которая должна воплощать в политике не «рыхлое», а «монолитное единство» страны.

Одним из источников системного кризиса власти в странах Западной Африки стало перенесение в современную, пробуржуазную по форме, систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. Развитие «реформированных» и модернизированных элементов архаики и полутрадиционных структур содействовало «трансплантации во времени» и внедрению неполитических форм демократии в политическое пространство африканских стран. В результате, оно обогатилось некоторыми свойствами и признаками «первобытного народовластия» с присущим ему эгалитаризмом, коллективизмом, коллегиальностью руководства, выборностью, отчетностью, а порой и сменяемостью правителей. Традиции, как опыту прошлого, живущему в настоящем, обязаны своим существованием и некоторые латентные институты политических систем Тропической Африки (прежде всего тайные союзы), социально значимые эзотерические знания, органы традиционной юстиции, а также скрытые от непосвященных механизмы власти, особенно на уровне влияния или контроля.

Сохраняясь благодаря живучести некоторых принципов общинной организации социального и экономического пространства, а также инерции политического сознания, матрица традиционных и неотрадиционных форм властвования объективно ограничивает возможности модернизации и вестернизации политических отношений, которые далеко не всегда можно описать с помощью категорий «демократия», «автократия» или «олигархия» в их современном понимании.

Искусственно вызванный правящими группами процесс рецепции «демократии» был лишен в Африке своей естественной среды – современной политической культуры, что, если не исключало, то, во всяком случае, серьезно препятствовало распространению принципов буржуазной демократии и адаптации ее институтов.

Воздействие западных стран на процессы демократизации политической и либерализации хозяйственной жизни африканских государств более или менее четко проявлялось в течение всего постколониального периода. В конце XX века Запад зачастую увязывал вопрос предоставления материально-финансовой помощи и морально-дипломатической поддержки африканским государствам с их политической трансформацией. При этом распространение демократии трактовалось как компонент общей стратегии неолиберальных экономических преобразований на основе программы структурной адаптации.

Принципиальной проблемой развития транзитных ФОВ остается мера готовности африканских, да и многих других развивающихся стран к распространению народовластия в его более или менее классических формах. В этом отношении трудно не согласиться с Н.А. Симонией, который пишет, что суть вопроса состоит «не в абстрактной предпочтительности демократии вообще, а в ее адекватности или неадекватности конкретным социально-экономическим и политическим условиям той или иной страны»²⁴. Действительно, далеко не в каждой стране афро-азиатского региона наступление «демократии» ведет к превращению качества «хаотического» в качество «самодисциплинированное»²⁵ и к демонтажу основ авторитаризма.

В настоящее время нельзя исключить, что подобная «демократическая» модель организации власти (или «полудемократия», по определению К. Янга), вновь не деградирует в формальную и искаженную копию западного аналога, тем более что в ряде регионов мира уже развиваются различные виды ложного народовластия. Именно поэтому перестройка политических механизмов Африки требовала на рубеже XX–XXI веков «неортодоксальных» подходов и решений.

Новые черты процесса демократизации были отмечены уже на международной конференции «Военные, демократия и безопасность в Африке к югу от Сахары», проходившей в декабре 1997 г. в Абудже. Ее участники подчеркивали, что западные демократии не должны, как прежде, копироваться полностью и в сверхсжатые сроки. В то же время африканские разновидности народовластия целесообразно программировать и развивать с учетом местных условий и культурных традиций.

Вполне вероятно, что модели африканского «народоправства» вновь будут отторгнуты местными политическими институтами, в том

случае, если эти формы организации власти не будут существенно обогащены неотрадиционными нормами, не получат поддержку в обществе и не будут развиваться в условиях относительной социальной и экономической стабильности. (При этом явно тупиковым вариантом «демократического развития» можно считать и «инверсионную модель ФОВ», в рамках которой принципы и институты неполитической демократии подчинят себе политически организованное общество.)

В области фундаментальной политической науки развитие демократии и авторитарии зачастую исследуются как противоборствующие и взаимоисключающие тенденции. В рамках политической практики эти способы властвования (особенно демократия) нередко фетишизируются и становятся объектом завуалированных политических спекуляций.

В современных африканских странах складывается весьма специфический первичный (основной) способ организации власти, соединяющий в единое целое отдельные принципы и институты старых («традиционных») и новых (пробуржуазных) форм демократии и авторитета, а также элементы неполитического архаического властвования. Этот способ власти в целом отражает степень соответствия политических систем и всего политического пространства магистральному направлению развития общественного прогресса стран региона в нынешний исторический период. Во временном отношении данный способ организации власти более или менее активно формировался на протяжении последних трех-четырех десятилетий, а в пространственном – развивался как структурно-горизонтальная система, своеобразная несущая конструкция политической сферы.

Основной способ властвования, с одной стороны, служит субстратом моделей политического руководства тех или иных африканских стран, властные процессы в которых, разумеется, отмечены серьезной национальной спецификой. С другой стороны, он является основой для параллельных (вторичных) форм организации власти, которые представляют собой сравнительно устойчивые вертикальные структуры политического пространства.

Параллельные – по отношению друг к другу – способы организации власти возникали в Африке (как, впрочем, и в других регионах континента) по мере определения и реализации интересов тех социальных групп, которые созрели для активного и целенаправленного участия в системе политических отношений. Источниками параллельных способов властвования (речь идет не о формальных источниках власти – таких как монарх, народ, небольшая закрытая группа «правителей», – которые находят отражение в соответствующих формах государственного устройства, т. е. монархии, республики) служит концентрированное выражение воли определенных социальных общностей. Так, основой

параллельных способов организации власти может быть преклонный возраст (геронтократия) или «благородное происхождение» носителей властных функций (аристократия), выдающиеся заслуги в сфере общественной деятельности (меритократия), принадлежность к верхушке той или иной социально-профессиональной группы (бюрократия, милитократия, технократия, партократия и др.), реализация общественно-го потенциала крупной частной собственности (плутократия), ведущие позиции в политико-религиозной (теократия) или политико-антиправовой (клептократия и лутократия) областях. Политическое пространство африканского региона знакомо с элементами охлократии (включая ее «партизанские» разновидности, например, в Либерии и Сьерра Леоне), усиливающееся значение которых отражает тенденцию к активизации маргинальных слоев города, а в последнее время и сельской местности.

Бытие всех форм организации власти заметно отличается на разных этапах становления политических систем и в разные исторические периоды развития африканских стран. Особые черты принимают способы властовования в переходный период, когда общество подчиняется качественно иным законам развития. Учет фактора переходности важен при анализе проблем политического руководства и управления, поскольку этот специфический этап характеризуется сосуществованием множества разнонаправленных общественных тенденций и процессов. В их числе – «диалектически противоречивый синтез цивилизационного и информационного начал»; то обстоятельство, что синтезированная структура «социального и экономического базиса не переносится адекватно на уровень политического правления, т.е. на структуру политического режима»; расширение сферы общественных компромиссов; временный «распад ценностей»²⁶, медленное уничтожение пережитков экономического и иного характера в сознании людей. С точки зрения теории власти и исторической науки, именно в переходный период перед обществом открываются альтернативные пути развития. В трактовке А. Дж. Тайнби – это «архаизм» (попытка возвратить былые формы жизни), «футуризм» (попытка совершить прыжок из Настоящего в Будущее), а также формы реакции на распад цивилизации – «отречение» и «преображение», представляющие собой своеобразные «попытки уйти от Настоящего, не оставляя мирского уровня»²⁷.

Переходный период привносит в политическую жизнь Тропической Африки множество кардинальных изменений. «Нынешний этап развития африканских государств является только фазой медленного вызревания новых категорий социальных агентов, новых типов лидеров, которые будут черпать энергию и силу рядом или вне политики в узком смысле этого слова»²⁸.

IV

Одним из «продуктов» развития в Африке общественной системы переходного периода и одновременно результатом взаимодействия первичных и вторичных форм политического руководства стало появление своеобразного способа *организации* (и в равной мере *дезорганизации*) власти, который – если не бояться парадоксов – можно было бы условно назвать новой «анархией» (или псевдоанархией).

Логическая модель новой «анархии» не имеет, по существу, ничего общего ни с представлениями древних мыслителей (которые трактова-ли это понятие едва ли не семантически), ни с теоретическими по-строениями таких идеологов анархизма и «апостолов разрушения», как М.Штирнер и П.Прудон, М.А.Бакунин и П.А.Кропоткин, а также с концепциями их современных последователей. Псевдоанархия – как транзитная форма властования в Африке XXI века – ориентирована отнюдь не на решение проблем завоевания «абсолютной свободы», реализации «суверенных прав индивида», достижения его независимо-сти от общества, развертывания антиэтатистского движения и провока-цию всенародного бунта. В задачи теории новой «анархии» не входит анализ и тем более разработка проектов «социальной ликвидации», идей «рабочей демократии», организации народных масс «снизу довер-ху» и самоуправления в хозяйственной сфере. Представляется, что тео-рия «африканского безвластия» в перспективе должна предложить принципиально иную трактовку ключевых категорий классического анархизма. В частности, таких понятий, как «свобода», «закон», «власть», «государство», «кризис», «революция», «собственность», «насилие».

Еще дальше теория «безвластия в Африке» отстоит от расхожих, обывательских представлений об анархии, как о полной утрате порядка, о разгуле террора и хаосе, о «войне всех против всех» и об абсолютном безвластии. Любопытно, что эмоционально окрашенные и явно уп-рощенные представления об анархизме достаточно широко распро-странены и в современной политологической литературе. Как правило, они сводят «задачи» анархистского движения к дестабилизации соци-ального порядка, подстрекательству террористов, отрицанию частной собственности.

Конструирование теоретической модели «анархии» в качестве пере-ходной формы организации власти, вероятно, должно проводиться на основе следующих предположений.

Новая «анархия» (в качестве реального политического феномена, а не абстрактной научной схемы) возникает и существует только на оп-ределенном историческом отрезке времени, в специфических условиях переходности. Пользуясь словами П.Кропоткина (правда, сказанными

по несколько иному поводу), можно сказать, что «анархия» – это «дитя переходного периода» и предшественница фундаментальных общественных сдвигов.

«Безвластие» никогда не может быть полным и абсолютным. Как и многие другие формы политического руководства, оно не существует в чистом виде или в свободном состоянии. (Анархия в принципе не означает политического хаоса, это подчеркивал еще П.Кропоткин.) Более того, на начальных этапах своего развития псевдоанархия строго ограничена принципами и институтами основного (первичного) способа властвования и законами существования параллельных (вторичных) форм организации политического руководства. Правда, в дальнейших фазах своего становления «анархия» приобретает большую свободу маневра. Она может свести к минимуму влияние в обществе вторичных форм властвования и даже получить относительную самостоятельность по отношению к первичным способам политического руководства.

«Безвластие» стихийно по своей сущности. «Анархию» не вводят законом или декретом; она приходит сама, часто помимо воли и наперекор субъективным желаниям отдельных политиков и социальных групп. В значительной мере именно поэтому рассматриваемую форму организации власти отличает относительная социальная чистота и политическая неангажированность, т.е. чрезвычайно низкая степень зависимости от интересов тех или иных социальных групп, включая правящую элиту. Новая «анархия» в строго социальном смысле не бывает «плохой или хорошей». Она представляет собой самоконструирующуюся и самонастраивающуюся децентрализованную систему, которую характеризуют высокие потенции к изменению и способность быстро приспосабливаться к меняющейся политической обстановке.

Задачами существования псевдоанархии служат снятие ряда глубоких, базисных противоречий (например, находящихся на оси «эволюция – революция», «свобода – зависимость», «прогресс – регресс» и др.), компенсация неспособности господствующего режима направлять и контролировать развитие политической системы, подготовка почвы для повышения конкурентоспособности и модернизации наиболее перспективных властных систем и, в конечном счете, выживание самого политически организованного общества. Однако объективная причина генезиса, а также цель функционирования и развития «анархии» носят еще более фундаментальный характер и состоят в создании условий для революционного перехода общества в новую политическую реальность. (Здесь уместно вспомнить, что появление бакунинского анархизма во многом было обусловлено именно ожиданиями скорой социальной революции и намерением встретить наступающий «день всеобщ-

щей ликвидации».) При этом формирование новой политической реальности (своего рода «параллельного мира») ориентировано не столько на очищение и рационализацию верховной власти, сколько на строительство солидного цивилизационного фундамента.

«Анархия» – сравнительно редкое явление. Но не в Африке. Значительные участки политического пространства африканских стран в постколониальный период были «свободны» от политического руководства и управления. Отчасти факт политического «безвластия» объяснялся опустошительными войнами, эпидемиями и т.п. причинами. Отчасти – особенностями государственного строительства (разрывами в вертикальных связях между социумом и структурами власти), на которые обратили внимание некоторые отечественные африканисты, сделавшие в целом справедливый вывод о том, что «не надо искать власть там, где она отсутствует»²⁹.

В период системного кризиса и грядущих перемен новая «анархия» или ее элементы могут рассматриваться в качестве одной из наиболее распространенных форм организации власти транзитного типа. Быстрое развитие региональной модели африканской «анархии» (как суммы страновых моделей, некая суперструктура) гипотетически свидетельствует в пользу особого пути развития властных систем субсахарской, а может быть, и всей Африки.

Позитивное снятие кризиса государственности в современной Африке гипотетически возможно осуществить в русле квазидемократического развития. Определенный опыт в этой области был накоплен северо-африканскими странами (Египет, Тунис, Марокко) и некоторыми государствами Африки, расположенными южнее Сахары: Нигерией, Мавриkiem, Ботсваной, Ганой, Буркина-Фасо и др.

Однако более вероятным и действенным способом преодоления кризиса государственности может стать прохождение африканских стран через стадию «псевдоанархии». Существует угроза, что при неблагоприятном стечении обстоятельств утверждение этой формы власти обернется периодом хаоса, абсолютной стихии и торжества самых примитивных форм неоварварства. Но, скорее всего, произойдет обратное. Вероятно, волна «псевдоанархии» расчистит и подготовит политическое пространство стран Африки для процессов «скрещивания» принципов и институтов демократии (не обязательно западного образца) с не утратившими свой социальный смысл элементами местной политической традиции и культуры. Опыт подобного синтеза почти на веряка приведет к появлению новой политической сущности, принципиально новой модели властных отношений.

Только кардинальные сдвиги в общественной жизни стран Африки в состоянии, во-первых, сбалансировать волевые и правовые начала

власти, привести в соответствие уровни ее делегирования и легитимации, сблизить формальный и реальный механизмы принятия политических решений. Во-вторых, изменить систему воспроизведения господствующих слоев и правящих групп, а также формы политической организации и активности (прежде всего этнического, регионального, конфессионального и социально-классового характера) общественных групп. В-третьих, трансформировать политическую культуру, «откорректировать» поведение личности в политических процессах и воздействие общественного сознания на содержание политики и политические отношения. В-четвертых, перестроить политические системы африканских стран, основы государственности и партийно-политические структуры. Наконец, в-пятых, урегулировать нынешние конфликты международного уровня и найти оптимальный код сотрудничества с внешним миром.

Выживание африканских обществ во многом зависит от алгоритма и темпов их перехода в иное политическое измерение, где существуют новые системы координат социальной жизни и господствуют другие (не западные и не нынешние африканские) аксиомы верховной власти.

---

¹ Симония Н.А. Современный этап общественной трансформации стран Востока. М., 2004. С. 2.

² Сото Э.де. Загадка капитала. М., 2001. С. 57.

³ Фофанов В.П. Диалектика и системность // Системный метод и современная наука. Сб. научных трудов. Новосибирск. 1981. С. 12.

⁴ Глауберг И.В. Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 190.

⁵ Мельянцев В.А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России. М., 2004. С. 14, 43; Динкевич А.И. Экономическая модернизация третьего мира: итоги, противоречия, перспективы. М., 2004. С. 3, 9.

⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 16. С. 27.

⁷ Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. "Seize the State, Seize the Day". State Capture, Corruption, and Influence in Transition. The World Bank & etc. September 2000.//www.worldbank.org/research/workingpapers.

⁸ Широков Г.К. Однополярный мир и многовариантность развития. М., 2004. С. 19.

⁹ Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. М., 1990. С. 294-299; Уляхин В.Н. Особенности синтеза архаики и модерна в рыночных структурах стран Востока. М., 2004. С. 1, 19.

¹⁰ Володин А.Г. Политические модели модернизации и глобализация как феномен востоковедческого знания. М., 2004. С. 15.

---

¹¹ Сото Эю де Загадка капитала. М., 2001. С. 112.

¹² Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 285.

¹³ Тюльпанов С.И. Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. М., 1969. С. 188, 196, 198; Володин А.Г. Политические модели модернизации и глобализация как феномен востоковедческого знания. М., 2004. С. 8.

¹⁴ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 199, 212, 228.

¹⁵ Предисловие. Трагедия и надежда народов Южной Азии. – Мордаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972, с. 28.

¹⁶ Тойнби А.Д. Постижение истории. Сборник. М., 1991. С. 415, 429-430, 434, 438, 448-449.

¹⁷ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 288.

¹⁸ См.: Гулиев В.Е. Демократия и современный империализм. Очерки теории капиталистического государства и политической организации буржуазного общества. М., 1970. С. 18.

¹⁹ Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 170-171.

²⁰ Политические системы современности. М., 1978. С. 35.

²¹ Тюльпанов С.И. Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. М., 1969. С. 198-199.

²² См.: Государство в странах капиталистической ориентации. М., 1982. С. 107; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 290; Крупные развивающиеся страны в социально-экономических структурах современного мира. М., 1990. С. 338; Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974. С. 194.

²³ Володин А.Г. Политические модели модернизации и глобализация как феномен востоковедческого знания. М., 2004. С. 5.

²⁴ Симония Н.А. Современный этап общественной трансформации стран Востока. М., 2004. С. 3.

²⁵ Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 227, 231.

²⁶ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 199, 212, 228.

²⁷ Тойнби А.Дж. Постижение истории. Сборник. М., 1991. С. 415, 429-430, 434, 438, 448-449.

²⁸ Мирзеханов В.С. Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. М., 2001. С. 141.

²⁹ Мирзеханов В.С. Указ. соч. С. 123.

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В африканских странах важное место занимает проблема легитимности политической власти. Легитимность – это эликсир политической власти, – утверждает американский исследователь Ф.Закария. Легитимность – главное качество политических режимов, которое способно поддерживать веру населения, социальных и этнических групп в то, что существующие политические институты наиболее полно отражают их интересы. «Все политические институты, – писала Х.Арендт, – суть проявления и воплощения власти; они окаменевают и рассыпаются, едва только живая народная сила перестает ее поддерживать»¹.

Современная концепция легитимности власти восходит к М.Веберу, который выделял три типа легитимности: традиционный, харизматический и рациональный.

Традиционная власть, это авторитет «вечно вчерашнего»; авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» государство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Второй вид власти – это «авторитет необычного личного дара (харакизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств возможда у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального установления и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляет современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении»².

Предложенные М.Вебером типы легитимности власти носят идеальный характер, и в политической сфере отдельные черты того или иного типа могут переплетаться. Для африканских стран характерны прежде всего традиционная и харизматическая легитимность, а в демократически ориентированных государствах легитимность все более приобретает рационально-правовой характер. В частности, институт соревновательных выборов служит важным показателем и экзаменом

на легитимность власти. Однако известно, что нередко в ходе избирательных кампаний происходит подкуп избирателей и даже фальсификация итогов выборов.

Некоторые политологи дополняют веберовскую классификацию идеологической легитимацией, онтологической и технократической³. Для африканских стран идеологическая легитимность имеет особое значение, поскольку замещает дефицит эффективной политики. Характерно, что, как правило, все африканские лидеры были и остаются идеологами, которые выдвинули свои идеологические концепции. В Заире С.С.Мобуту выдвинул концепцию «заирской подлинности», в Ливии М.Каддафи – автор «Третьей мировой теории», в Замбии К.Каунда провозгласил теорию замбийского гуманизма, Л.С.Сенгор выдвинул концепцию негритюда, и эти примеры можно продолжить. Все идеологии, независимо от направленности, основываются на утверждении определенной концепции общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой концепции.

Идеология неразрывно связана с проблемами власти, ее авторитета, властных отношений; она ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и руководствуется соображениями привлечения возможно большей поддержки. Идеология призвана сформулировать основные модели и принципы политического поведения, поэтому рассматривается как «политическая идеология».

«Стабильность любого данного государственного строя, – подчеркивает американский социолог С.Липсет, – его долговременная способность принимать решения и обеспечивать их соблюдение без открытого применения силы в значительной степени зависит от его законности и эффективности. Законность связана со способностью системы формировать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества; эффективность же означает фактическую деятельность, ту степень удовлетворительности, с которой система выполняет основные функции государственного управления, как их понимают большинство населения и его важнейшие влиятельные группы, например, армия и круги, контролирующие основные экономические институты. Тогда как эффективность преимущественно инструментальна, законность носит оценочный характер, связана с ценностями»⁴.

Становление суверенных государств в Африке сопровождалось созданием мощных центров власти. По мнению американского политолога П.Шредера, этот процесс шел по следующим основным направлениям: 1) африканизация государственных институтов (замена колониальных руководителей и чиновников на африканских политиков и госу-

дарственных служащих); 2) расширение государственного аппарата и создание государственных (parastatals) корпораций; к началу 70-х годов государство стало крупнейшим работодателем, в госсекторе было занято 60% всех лиц наемного труда; 3) концентрация государственной власти в руках исполнительной ветви власти и прежде всего усиление президентской власти за счет институциональной системы сдержек и противовесов; 4) ограничение и контроль над действиями гражданского общества путем привлечения некоторых его лидеров в исполнительную власть и прямых репрессий; 5) расширение и укрепление силовых структур и репрессивных методов управления; 6) создание режима личной власти, основанной на разветвленной иерархической системе патрон-клиент⁵.

После достижения независимости в африканских странах начинает формироваться новая система политической власти в двух ипостасях. Первая ее часть выражалась в формально-правовом аспекте – в принятии конституции, формировании административных и правовых институтов, местных органов власти. Конституционно-правовая модель воспроизводила ряд существенных элементов механизма власти в бывших метрополиях, а также США, СССР. Это была попытка перенести на африканскую почву западные политические институты, которые не соответствовали ни социально-экономическим и политическим условиям, ни особенностям политической культуры.

В ткань формального механизма власти входит фактический (реальный) механизм политического управления, представленный правящей элитой (военной и гражданской). Зарубежные авторы характеризуют элиту как особый «политический класс», главным признаком которого являются отношение не к собственности и средствам производства, а к власти.

В арсенал методов реального политического руководства входит личная уния, персональные связи, политическая коррупция, система коммуникаций «патрон-клиент», а также этнорелигиозные отношения⁶. При этом важно отметить экономический ресурс реальной власти. Происходит сращивание капиталистической собственности и политической власти в лице бюрократической буржуазии. В Нигерии, отмечает И. Следзевский, «политическая и административная власть использовались как средство и одновременно удобное прикрытие закулисных маневров правительственный элиты и государственного менеджмента с целью перераспределения в свою пользу бюджетных ассигнований, выгодных контрактов с иностранными фирмами и приобретения для этого возможно большего политического и личного влияния в высших сферах»⁷.

В африканских странах государственная власть превратилась в главный источник привилегий и богатства. Коррупция пронизывает все этажи власти. Л.В.Гевелинг на материалах Нигерии проанализировал деструктивные явления, такие как коррупция высшей бюрократии, коммерциализация избирательных кампаний, усиление финансовых источников в партийном и государственном строительстве, механизмы обогащения членов различных элит, процессы становления «культуры богатства». В результате этих негативных явлений получили развитие опасные формы организации власти как клептократия («власть воров»), лутократия («власть грабителей»), и плутократия («власть богатства»)⁸.

Ряд отечественных исследователей отмечают необходимость «более широкого и реалистического подхода» к проблемам механизма власти в странах Африки. В частности, важную политическую роль играют и институты, не входящие в политическую сферу. Речь идет о религиозных, общинных, племенных и земляческих объединениях, об обычном праве.

Анализируя политический процесс в западно-африканских странах, Л.Гевелинг приходит к выводу, что здесь сложился весьма специфический способ организации власти, который соединяет в единое целое отдельные принципы и институты традиционных и современных форм демократии и авторитаризма, а также элементы архаического властевидания. Условно он предлагает этот способ организации власти назвать «афрократией»⁹.

Власть институционализируется в государстве. Возвышаясь над обществом, государство осуществляет прямо и непосредственно властные действия в отношении индивидов, коллективов, институтов, территории, организационной системы, правопорядка. Власть необходима в качестве первостепенного условия реализации права, выполняет функции по регулированию групповых конфликтов и осуществлению коммуникации внутри государства. Она опирается на общепринятые или юридически закрепленные в данном обществе ценности и принципы, определяющие и регулирующие место, роль и функции как отдельного человека, так и социальных и политических отношений.

Злоупотребление властью, подавление свободы граждан заложены не в сущности самой власти, а в необоснованной и неоправданной ее концентрации. Эффективность власти определяется ее легитимностью, поддержкой со стороны широких слоев населения. Отсутствие широкой поддержки ослабляет власть, приводит ее к общему снижению эффективности во всех сферах общественной деятельности.

По мнению отечественных исследователей, эффективность власти определяется осуществлением программы, основанной а) на фундамен-

тальной концепции общества и построенной исходя из теории данного общественного процесса; б) адекватно отображающей действительность, законы и тенденции ее изменения, реально возможное в политике; в) исходящей из представления о данном политическом процессе как о системе, способной развиваться и адекватно взаимодействовать с другими процессами – экономическими, культурными, правовыми и т.п.; г) преследующей соответствующую возможностям цель; д) обладающей средствами полной реализации своих собственных возможностей; е) способной критически оценивать результаты выполнения программы¹⁰.

Разумеется, в практической деятельности эти положения во многих случаях остаются нереализованными. И здесь можно согласиться с итальянским философом Николо Аббаньяно, который писал: «не существует совершенной социальной системы, которую достаточно принять, чтобы достичь счастья. Напротив, все социальные системы являются несовершенными, ущербными, нуждающимися в бесконечных пересмотрах»¹¹.

Африканский континент дает яркий пример таких изменений и преобразований, что в значительной степени зависит от сильного государства.

Политическая власть реализуется посредством государственной власти, выражающей, как правило, экономические, политические и идеологические интересы господствующего класса. В странах Африки политическая власть не столь социально обусловлена и в значительной мере «растекается» в традиционные, этнические, религиозные отношения. Политическая сфера в этих государствах обладает своей спецификой. Социальная основа власти представлена блоком разнородных сил, в которых руководящая роль принадлежит политической эlite. В осуществлении властных функций участвуют не только государство и правящие партии, массовые общественные организации, но и традиционные институты.

Первоначально властные приоритеты принадлежали правящим партиям, возникали своеобразные «партии-государства». Одним из родоначальников этой теории и практики был президент Гвинеи А.С.Туре.

Следует учитывать, что механизмы власти, лежащие в их основе социальные интересы определяют конкретную направленность и практическую реализацию политических процессов, оформление их в виде определенных политических структур. «Ближайшее рассмотрение истории, – писал Г.В.Гегель, – убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и притом таким образом, что побудительными мотива-

ми в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы и лишь они играют роль»¹².

Содержание, характер и особенности политического процесса в решающей степени предопределяются типом общества, уровнем его экономического и культурного развития, социальной природой государственной власти, соотношением и борьбой различных социально-политических сил. Природное и культурно-этническое многообразие африканского мира, самобытность этногенеза, исторических судеб его народов во многом определили специфику государственного развития стран континента.

В современных африканских политических структурах и институтах возникает множество элементов, появление которых вызвано взаимодействием общегосударственных политических ценностей и традиционных культур. В процессе государственного и политического развития традиционные представления, родственные и этнические связи устойчиво сохраняют свое влияние, а родоплеменная солидарность выступает как важный фактор в защите политических интересов¹³.

В обстановке отсутствия демократических традиций, современной правовой и политической культуры и господства архаичных ценностей и традиций значительная часть молодых государств эволюционировала в направлении авторитарных и тоталитарных режимов. Одним из проявлений подобной эволюции стали многочисленные военные перевороты, которые, как правило, приводили к разгону представительных учреждений, отмене конституционных гарантий, запрету политических партий, использованию военной администрации и чрезвычайных методов управления.

В целом ряде стран утверждение диктаторских режимов не обязательно сопровождалось военными переворотами. К авторитаризму и единоличной диктатуре нередко вели и такие средства, как распространение однопартийного правления и установление личной диктатуры национального лидера. Такого рода эволюция нередко происходила за счет перерождения режима, утвердившегося первоначально в результате широкой народной поддержки.

Постколониальное развитие африканских стран характеризовалось прямым заимствованием западных государственных и политических структур, что приводило к разрушению традиционных институтов управления. Модели общественного развития отличались эклектичностью, неустойчивостью, а отсутствие демократических традиций, экономическая зависимость от бывших метрополий тормозили модернизацию экономических и политических структур.

Значительную остроту в политическую жизнь вносят нищета, бедность подавляющего большинства населения, межэтнические противо-

речия, нестабильность ситуации, постоянная угроза военных переворотов.

В условиях политической нестабильности, отсутствия гражданского согласия, а также перед угрозой территориального распада и в результате борьбы за власть между различными группировками повсеместно сформировались однопартийные системы, которые привели к утверждению авторитарных политических режимов. В конце 80-х годов они существовали в 38 из 45 государств Тропической Африки.

На рубеже 80-90-х годов на фоне общемировой демократической тенденции политические перемены начались в большинстве африканских стран, затронув законодательную и другие сферы общественной жизни. Изменения охватили страны различных политico-идеологических ориентаций и социально-экономических курсов. Важнейшим результатом демократических преобразований стало установление многопартийных политических режимов.

Проблемы политической модернизации властных структур в африканских странах привлекли пристальное внимание исследователей¹⁴. Высказывались предположения, что происходящие перемены послужат экономическому развитию африканских стран. Тем более, что заявления ряда политических лидеров Европы свидетельствовали об их заинтересованности в продвижении западных моделей демократии на Африканский континент. Как правило, Запад увязывал экономическую помощь африканским странам с осуществлением в них демократических преобразований: установлением многопартийности, защитой прав человека, свободой средств массовой информации, демократическими выборами.

Между тем следует учитывать, что переход к демократии не сводится к простой смене политического режима, провозглашению прав и свобод граждан, установлению многопартийности. Демократия – это политическая система, которая обеспечивает возможности для смены должностных лиц, а также обладает социальным механизмом, позволяющим большой части населения влиять на принятие основных решений, делая выбор среди лиц, соперничающих в борьбе за занятие политических должностей.

Политическая модернизация на континенте происходит в условиях отсутствия в большинстве африканских стран социально-экономических, политических и культурно-психологических предпосылок для установления демократической системы. Возникает вопрос, насколько западные европейские модели демократии соответствуют африканским реалиям? Эти модели вряд ли применимы в условиях общества, в котором весьма сильны влияния традиционных институтов и представлений, религиозных, этнических и психологических факторов.

Президент Габона Омар Бонго считает, что в Африке «мы не обязаны насаждать у себя демократию по образцу западных стран. Это слишком большая роскошь. Демократию копировать нельзя. ... Нам нужно больше дисциплины, больше солидарности, больше государства. Вот тогда демократия получит все необходимые условия для развития, укоренения». И далее он отметил, что «демократия ... не имеет смысла, если у народа нет прожиточного минимума и всего того, что требуется для выполнения гражданского долга»¹⁵.

Политические изменения в Африке сопровождаются не столько расширением их социальной базы, сколько усилением патронажно-клиентельных отношений, ростом этнерегиональных движений, возникновением «этнической демократии». Происходит кризис постколониального государства, которое в целом ряде случаев неспособно контролировать ситуацию на собственной территории, предотвратить возникновение параллельных центров влияния и власти.

В этих условиях самой распространенной формой правления в странах Тропической Африки продолжает оставаться президентская республика.

Глава государства занимает высшее место в системе государственных институтов, что свидетельствует о доминирующем положении исполнительной власти. Институт главы государства складывается из норм, определяющих его место и роль в государственном механизме и взаимоотношения с другими органами власти, определяющих его полномочия. Реальная власть главы государства обычно зависит не только от объема принадлежащих ему конституционных полномочий, но и от формы правления, характера политического режима, соотношения политических сил в стране. Не последнюю роль могут играть и личные качества политического деятеля, находящегося на этом посту¹⁶.

Ведущая роль главы государства в политическом процессе подавляющего большинства стран предопределется высокой степенью концентрации и централизации власти, верховным носителем которой он выступает. Значительная концентрация власти, в свою очередь, определяется объективными условиями африканских стран: ролью государства, призванной компенсировать слабость экономических связей и недостаточную степень внутренней интеграции, необходимостью преодоления отсталости, значительной политической, этнической, конфессиональной пестротой общества.

Укреплению единоличной власти главы государства способствуют и различные концепции сильного, харизматического лидера, весьма распространенные в странах Африки. Власть зачастую воспринимается населением как своеобразный мистический дар, свойственный лишь самым выдающимся лидерам. Истоки такой власти рассматриваются в

связи с традиционным обществом, что позволяет считать институт главы государства своеобразной современной формой древнего института вождей. Обожествлению национального лидера содействует и официальная пропаганда, направленная на искусственное поддержание традиционных представлений о власти.

Обоснованию сильной единоличной власти служат и утверждения о том, что объединение страны вокруг национального лидера будет способствовать упрочение государственного суверенитета, преодолению сепаратистских тенденций, региональной раздробленности, ускорению темпов модернизации, повышению эффективности внешнеполитической деятельности. В таких условиях политическая борьба в значительной степени сконцентрирована на проблемах авторитета и влияния конкретных политических деятелей, но не на выборе альтернативных политических курсов.

С.М.Липсет считает, что молодым национально-независимым государствам, их потребностям отвечает харизматическая власть. Харизма как культ личности руководителя в качестве источника власти обладает большой гибкостью и не требует ни длительного времени для своего формирования, ни рационального набора общепризнанных норм. Руководитель харизматического типа прежде всего является национальным героем, символизирующим в своем лице идеалы и чаяния страны. Одновременно он узаконивает новое светское правление, наделяя его даром своей благодати¹⁷.

Институт главы государства нередко рассматривается как орган, стоящий над партийной и классовой борьбой и выражający общенациональные интересы. В странах с режимом единоличной власти глава государства являлся, как правило, лидером доминирующей (а зачастую вообще единственной легально существующей) партии, выражая в своей деятельности интересы господствующей элиты.

Высокая степень концентрации власти обусловлена отчасти объективными причинами – необходимостью решения сложных задач социально-экономического и политического развития, острой внутриполитической борьбой, что приводит к сосредоточению широких полномочий в руках главы государства. Вместе с тем есть и субъективные причины: стремление правящей элиты в командно-административной системе упрочить свое положение, усиливая власть лидера, стремление самого лидера к безграничному расширению своих полномочий, к несменяемости, превращение власти в персональную. Президент являлся, как правило, также главой правительства, лидером правящей партии. Практика свидетельствует, что такая концентрация политической и государственной власти в руках одного лица нередко приводила к уста-

новлению в ряде стран (особенно на начальном этапе их политico-правового развития) режима личной власти¹⁸.

Положение, однако, стало меняться на рубеже 80-90-х годов, с началом проведения политических реформ, направленных на демократизацию государственных структур. Устанавливается новый порядок замещения поста президента – избрание его путем всеобщих и прямых выборов, ограничивается срок избрания одного и того же лица на этом посту (не более двух мандатов), разделяются посты главы государства и главы правительства, главы государства и председателя парламента. Введение многопартийной системы в большинстве стран несомненно окажет существенное влияние и на институт главы государства – его природу и роль в государственном механизме.

Рассмотренные полномочия главы государства свидетельствуют о том, что в большинстве африканских стран он является ключевым звеном механизма осуществления власти, и его позиция по тем или иным важнейшим вопросам внутриполитической жизни зачастую является решающей.

В ходе политических реформ изменяются статус президента, объем его полномочий, порядок избрания. Речь идет лишь о наметившейся тенденции к демократизации института главы государства, изменению его роли в осуществлении верховной государственной власти. Эта роль может изменяться и по мере того, как в большинстве африканских стран будут утверждаться реальные многопартийные системы и усиливаться роль парламента.

Таким образом, политическая власть в африканских странах представляет собой сложную систему общественных отношений, имеет множество измерений. Механизмы власти, методы ее осуществления характеризуются сочетанием старого и нового, привнесением в новую систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридностью, эклектичностью, что приводит ее к неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствием демократических традиций, экономической слаборазвитостью и зависимостью.

---

¹ Цит. по: Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5. С. 39.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646-647.

³ Лозанский Э.Д., Муштук О.З. Общество, власть, политика. М., 2003. С. 65-66.

⁴ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 205

-
- ⁵ Африка на пороге XXI века. Реф. сборник. М., 2002. С. 19.
- ⁶ См.: Нигерия. Власть и политика. М., 1988. С. 239.
- ⁷ Там же. С. 30.
- ⁸ См. Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М., 2001.
- ⁹ Механизмы политической власти в странах Западной Африки. М. 1991. С. 14.
- ¹⁰ Технология власти (философско-политический анализ). М., 1995. С. 53-54.
- ¹¹ Abbagnano N. L'uomo: progetto duemila. Roma, 1980. Р. 191.
- ¹² Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. Т. 8. М., 1938. С. 20.
- ¹³ См.: Комар В.И. Эволюция политических систем в некоторых странах Африки: исламизм, оппозиция и традиции (1980-1990 гг.). М., 1999. С. 89.
- ¹⁴ См., например: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Процессы демократизации в африканских странах: тенденции 90-х годов. Ч. I-II. М., 1993; Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? М. 1996; Африка: многовариантность развития. М., 1997; Комар Ю.И. Демократизация в Африке: 1980-1990 гг. М., 1997.
- ¹⁵ Независимая газета. Дипкурьер. № 7. 19 апреля 2001.
- ¹⁶ См.: Конституционное право развивающихся стран. Основы организации государства. М., 1992. С. 177.
- ¹⁷ См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, истоки. М., 1972. С. 208.
- ¹⁸ См.: Конституционное право развивающихся стран. Основы организации государства. М., 1992. С. 180.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

В политологической науке существует несколько точек зрения относительно роли альтернативных демократических политических систем. Среди отечественных и особенно зарубежных обществоведов долгое время велась дискуссия о достоинствах различных форм политической демократии, одной из которых является парламентаризм. В данной работе речь пойдет о взаимоотношении президентской и парламентской систем и условиях, способствующих стабильной демократии.

Ученый из США Х.Линц в докладе, сделанном на симпозиуме в Джорджаунском университете, полагает, что парламентская форма правления для демократического государства предпочтительнее президентской, поскольку «президентский режим оставляет намного меньше места для достижения консенсуса и заключения компромиссов и, наоборот, система парламентаризма чаще приводит к установлению стабильной демократии, особенно там, где глубоки политические расхождения и существует множество политических партий»¹.

Основным принципом парламентаризма является борьба между различными точками зрения при обсуждении важнейших для страны вопросов и уважение оппозиции. Парламентаризм способствует развитию демократии, поскольку придает политическому процессу определенную гибкость, тогда как системе президентского правления присуща жесткость. Для сторонников же президентского правления подобная «жесткость» является положительным моментом, так как она помогает предотвратить неопределенность и отсутствие стабильности, характерные для парламентской системы, при которой множество «действующих лиц» – партий, их лидеры и даже рядовые законодатели – могут в любой момент в период между выборами пытаться внести какие-то кардинальные изменения, произвести перегруппировки и, что самое главное, – назначить или сместить премьер-министра.

И хотя необходимость в наличии твердой власти и предсказуемости говорит в пользу президентской формы правления, происходят неожиданные события, допускаются серьезные ошибки под давлением непредвиденных обстоятельств, которые могут сделать президентскую власть менее предсказуемой и зачастую более слабой, чем власть премьер-министра. Последний всегда может увеличить свою власть либо путем получения вотума доверия, либо в результате распуска парламента и проведения новых выборов. Кроме того, смещение премьер-министра не обязательно сопровождается кризисом власти. То, что при

парламентской системе правления вылилось бы в очередной правительственный кризис, при президентской свободно может переродиться в всеобщий кризис режима. События в некоторых странах Африки являются тому подтверждение.

По мнению Х.Линца, «парламентская система правления особенно благоприятна в периоды перехода от одного режима к другому и при необходимости консолидации власти, когда жесткие положения президентской конституции уступают перспективе компромисса, предлагаемого парламентаризмом»². Слабой стороной президентства как раз является отсутствие гибкости в условиях постоянно меняющейся ситуации. Разделяя точку зрения Х.Линца по данному вопросу, профессор социальной политики в университете Джорджа Мейсона Сеймур Мартин Липсет считает, что «наличие президентского правления способствует слабости партий и исполнительной власти, в то время как парламентское правление имеет противоположную тенденцию, что, разумеется, влияет на условия осуществления демократии»³.

Анализ непривлекательных для перспектив развития демократии сторон президентской формы правления не означает, что президентская демократия не может быть стабильной: напротив, самый стабильный демократический режим в мире – в США – имеет президентскую конституцию. Тем не менее есть основания предполагать, что во многих других странах шансов на то, что президентская система правления будет способствовать сохранению демократии, намного меньше.

Но из этого вовсе не следует, что любой режим парламентского правления хорош только потому, что он предлагает более гибкую основу для создания и укрепления демократии. Здесь важно понять, что представляет собой наиболее совершенная форма парламентской конституции и каковы ее конкретные институционные особенности. Прежде всего – это утверждение поста премьер-министра, который и обладал бы необходимыми властными функциями и в то же время нес бы за них полную ответственность. Другое условие – наличие сплоченных, хорошо организованных политических партий, способствующих формированию стабильных правительств. Конечно, нельзя сказать, что парламентские системы никогда не испытывают серьезного кризиса или краха. В Нигерии, например, с 1960 по 1966 гг. существовала парламентская система правления, но она рухнула. Сейчас там президентская форма правления. Но народ йоруба выступает за возвращение парламентской системы, которая, как считают его представители, больше соответствует федеративному устройству государства. На Мадагаскаре парламентский режим существовал с 1992 по 1998 гг. Национальное собрание вынесло за этот период вотум недоверия трем премьер-мини-

стран, шести правительствам, приняло решение об импичменте президента Альбера Зафии.

Таким образом, в вопросе относительно преимущества той или иной конституционной системы в построении демократических политических обществ нет однозначного ответа. Как мне кажется, надо акцентировать внимание прежде всего на исторических факторах и степени сложности социально-экономических проблем, наследуемых новыми демократическими правительствами.

Мартин Липсет считает, что в этом вопросе следует также учитывать культурный и религиозный факторы. Такие, как соотношение демократии и протестантизма и наличие прошлых связей с метрополией⁴. Религия, как полагает французский экономист Ксавье Купле, способна стимулировать или блокировать созидательные способности человека, может содействовать свободе или подавлять ее⁵. Он считает, что в протестантских странах выше образовательный уровень населения, но в них происходит больше разводов, самоубийств и актов насилия, чем в католических странах этого региона. Более того, исследователь обращает внимание на положение священников в том и другом течении христианства, связывая это с их социально-экономическими взглядами. Так, по его мнению, тот факт, что протестантские пасторы вынуждены сами зарабатывать себе на пропитание, сильно отличает их экономические взгляды от католических священников, находящихся на содержании общин. Не случайно именно католические священники уделяют большое внимание призыва о необходимости делиться материальными ценностями, в то время, как протестантские пасторы на опыте знают, что лучший способ бороться с нищетой – это предоставить бедным людям возможность успешно зарабатывать на жизнь, начав свой небольшой бизнес»⁶.

Считается, что католики никогда не были ярыми сторонниками демократии, что в духовных вопросах они автократичны и часто не желают искать разрешения светских проблем посредством простого подсчета голосов.

Американский политолог Майрон Винер подтверждает значение культурных факторов в вопросе преимущества той или иной конституционной системы следующим замечанием: почти все послевоенные «новые государства», для которых характерны стабильные демократические режимы, являются бывшими британскими колониями и что

---

⁴ Ксавье Купле к протестантским странам в Африке относит ЮАР и Ботсвану, а также Руанду, Бурунди и Конго (в трех последних наряду с протестантской религией имею г место быть католичество и языческие верования).

почти ни в одном из бывших владений Бельгии, Голландии, Франции, Португалии или Испании этого не было, поскольку до 60-х годов XX века в них отсутствовали условия для плюралистической партийной системы и демократических прав⁷.

Изучение проблемы становления и развития парламентаризма в Африке позволяет сделать вывод о слабости представительной демократии как одной из форм государственного устройства. В большинстве своем африканские парламенты лишены реальных властных полномочий. Они могут рассматриваться как совещательные органы при главе государства. Х.Линц считает, что здесь имеет место поражение не просто парламентаризма, а скорее демократических институтов, в целом чуждых, не имеющих глубоких корней в этих странах. По мнению других, «президентский режим устанавливает наиболее близкий африканскому менталитету способ управления»⁸.

Но если рассматривать роль африканских парламентов в более широком аспекте, то следует отметить два важных позитивных момента. С одной стороны, сохранение «народного представительства», использование формальных элементов парламентской процедуры придают определенную демократичность авторитарному режиму. С другой, парламент призван своей деятельностью утверждать идею единства всех социальных и этнических групп, т.е. выступать в качестве фактора стабильности в африканском обществе.

Изучение общественно-политических процессов в африканских странах показывает, что парламентаризм не отвергается полностью; именно с ним многие африканские политики и общественные деятели связывают свои надежды на возрождение Африки.

Нигерийский ученый Атсутсе Кокуби Аобли считает, что «парламентский режим – это дамоклов меч над головой наших будущих правителей». По его мнению, только «парламентский режим сокращает риск зарождения деспотизма, который дремлет в сердце каждого нового демократа, имеющего образование и диплом»⁹. Политическая динамика в ряде стран Африки позволяет проследить движение от авторитарной системы к ее более завуалированным формам, к контролируемой «демократизации сверху». Такая демократизация в общем вряд ли способствует развитию представительной демократии, хотя и не исключено, что в ряде случаев авторитарно-плюралистические режимы будут постепенно эволюционировать в демократическом направлении. Но этот путь не может быть легким и быстрым. Эффективные демократические институты невозможно создать в одночасье. Пример устойчивых демократий свидетельствует о том, что для возникновения, укрепления и легитимизации этих институтов требуется время, в течение которого происходит сложный процесс приобретения положительного

знания. Африканским странам предстоит преодолевать многочисленные отрицательные следствия авторитаризма и одновременно решать сложные социально-экономические проблемы, с которыми старые демократии не сталкивались при зарождении.

Как бы то ни было, при формировании властных структур в африканских странах предпочтение по-прежнему отдается президентским формам правления перед парламентскими, и в большинстве стран демократия сохраняет «маскарадный» характер. Согласно индексу свобод «2001-2002», опубликованному международным институтом «Дом мира – Фридом Хаус»*, только 9 африканских стран свободны, 24 – относительно свободны, 15 классифицируются как «несвободные». Лишь 13% африканского населения живет в странах, рассматриваемых как относительно свободные, т.е. демократичные. Для пяти самых густонаселенных стран (более 40% населения континента) – Нигерии, Демократической Республики Конго, Эфиопии, Анголы, Судана характерны политическая нестабильность и отсутствие демократических свобод¹⁰.

Таким образом, большинство стран Африканского континента, согласно оценкам этой организации, далеки от построения стабильных демократических систем, нуждаются в политических переменах и экономическом развитии.

Главным индикатором стабильного демократического устройства государства, по мнению многих исследователей, является уровень развития гражданского общества. Парламентское правление, как показывает опыт, эффективно только в развитом гражданском обществе и является его естественной составляющей. Одним из институтов гражданского общества является, например, парламентское расследование, система общественного контроля за исполнительной властью. В парламентских комитетах и комиссиях представители гражданского общества выступают как эксперты и профессионалы, владеющие весьма ценной информацией. Парламентский контроль над военной организацией государства – центральный компонент демократического гражданского контроля.

Нельзя отрицать, что децентрализация власти способствует становлению гражданского общества, в котором участие граждан в управлении не должно сводиться только к выборам. Демократическое развитие подразумевает различные формы участия граждан и их представителей

---

* Для сравнения: по оценкам, ежегодно выставляемым этим же институтом США (7 минимальная и 1 максимальная степень свободы), Россия в 2003 г. получила оценку 5 и отнесена к числу «недемократических» государств, в одном ряду с Узбекистаном и КНДР.

в принятии властных решений, особенно на уровне местного самоуправления.

В Африке существуют зачатки гражданского общества. К ним следует отнести неправительственные организации (например, католические, женские и др.). Концепция гражданского общества должна основываться на социальной ответственности и диверсификации коллективных форм деятельности, усилении их роли в общественной жизни, создании стимула для появления новых организаций, которым будет предоставлена возможность работать в обстановке соблюдения демократии.

---

¹ *Линц Хуан Дж.* Достоинства парламентаризма // Антологии. Пределы власти № 2-3/http://www.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem_14.htm.

² Там же.

³ *Липсет Сеймур Мартин.* Роль политической культуры // Антологии. Пределы власти № 2-3/http://www.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem_32.htm.

⁴ Там же.

⁵ *Monde économique.* P., avril 2005.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Липсет Сеймур Мартин.* Указ. соч.

⁸ *Линц Хуан Дж.* Указ.соч.

⁹ *Jeune Afrique.* P., 1992. № 1624. P. 30.

¹⁰ *Jeune Afrique. L'intelligent.* P., 2003. № 2219. P. 96.

БЕЖЕНСТВО КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ АФРИКИ

В последние десятилетия усиление нестабильности во многих странах и в субрегионах Африканского континента, столкновения на этноконфессиональной почве и пограничные конфликты, частые военные перевороты и гражданские войны, сопровождаемые гибелью больших масс людей и насилием в отношении мирного населения, вызвали вынужденные массовые перемещения населения в поисках безопасности в соседние и дальние страны Африки и даже за ее пределы. Превращение Африки в регион перманентной экономической, политической, социальной и экологической напряженности, многочисленных кризисных ситуаций (по данным журнала «Journal of Africa Economies» за последние четыре десятилетия более трети государств ее тропического субрегиона были затронуты гражданскими конфликтами)¹ обусловило постоянное увеличение численности людей, покинувших родные места.

Беженство, как основной политически мотивированный (влияние экологического мотива также значительно) тип миграции на континенте, стало острой проблемой, особенно в 90-е годы XX в. и на рубеже тысячелетий. Большинству африканских стран пришлось пережить массовые трансграничные перемещения населения, исход или наплыв беженцев. По числу беженцев и внутренне перемещенных лиц (по оценкам – до 20-25 млн.) Африка заняла первое место в мире. Межстрановое беженство достигало порой полумиллионной и миллионной отметки. К концу 90-х гг. сложилось несколько крупных центров скопления беженцев на континенте: 1) Центральная Африка – район африканских Великих озер; 2) Западная Африка – Либерия, Кот-д'Ивуар, Сьерра Леоне; 3) Африканский Рог – Эфиопия, Эритрея, Сомали; 4) Ангола. До недавнего времени они являлись (или даже остаются) «горячими точками» континента. Среди крупнейших стран-поставщиков беженцев были Бурунди, Руанда, ДРК, Сомали, Судан, Эфиопия, Эритрея, Сьерра Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, а также Ангола, Мозамбик. Некоторые из них в разные годы являлись и принимающей стороной. Страны-реципиенты – Танзания, Кения, Зимбабве, Гвинея, Замбия, ЮАР.

В настоящее время наблюдается спад военно-политических, пограничных конфликтов, затухание гражданских войн, которыми была охвачена Африка в 90-е годы – «десятилетие насилия». Предпринимаются шаги по мирному урегулированию спорных вопросов, разоружению

повстанческих формирований, восстановлению стабильности и конституционного порядка. Эти процессы набирают силу благодаря усилиям африканского и мирового сообщества в Сьерра Леоне, Анголе, Руанде, на Африканском Роге и др. С окончанием конфликтов пошли на убыль и потоки беженцев и перемещенных лиц.

Но эта положительная тенденция весьма неустойчива. По мнению экспертов, основания для полного мира на послеконфликтном пространстве континента недостаточно прочны. Существует риск «регресса», поскольку сохраняются много причин социально-политического и экономического порядка, способные вызвать новые или обострить прежние конфликты и противоречия в разных частях региона, породить политическую нестабильность, социальное насилие и напряженность. Последние события в Кот-д'Ивуаре, Судане, Нигерии, ДРК и др. подтверждают, что Африканский континент по-прежнему в значительной степени политически нестабилен.

Так, в Уганде повстанческая группировка Армия сопротивления Господа (АСГ) уже 15 лет борется против правительства, учиняя расправы над мирными жителями. По некоторым данным на конец 2000 г., до 1 млн. угандинцев являлись беженцами. В Бурунди, несмотря на попытки мирного урегулирования ситуации, не утихают бои между правительственными войсками и боевиками хуту, которые терроризируют население в центральных и южных районах страны. В Кот-д'Ивуар хрупкий мир нарушили новые вооруженные столкновения правительственные войска с повстанческими формированиями, которые установили контроль над северной частью страны. В начале 2006 г. резко увеличились потоки беженцев из северных районов ЦАР в соседний Чад. В некоторых районах ДРК, Судана (провинция Дарфур) длительные вооруженные конфликты, сопровождаемые гибелью мирных жителей и массовым беженством, стали «образом жизни».

По мнению наблюдателей, Африка будет и в дальнейшем оставаться наиболее конфликтогенной зоной планеты. Это означает, что вероятные, а скорее всего неизбежные, новые конфликты, в основе которых в большинстве случаев лежат межэтнические противоречия, послужат почвой для новых вынужденных перемещений африканцев.

Очевидно, что такое беспрецедентное по масштабности явление с самого начала не могло не влиять негативным образом на многие стороны жизни большинства государств континента. Неблагоприятные последствия африканского беженства, принявшего в ряде случаев характер социально-гуманитарной катастрофы, продолжают давать о себе знать. Ведь и сейчас во многих странах региона остаются «невозвращенцы» – значительная часть бывших беженцев из соседних стран. В

начале 2002 г., например, около 14 млн. беженцев-африканцев все еще не вернулись домой².

Длительное существование огромной массы перемещенных лиц и беженцев порождает серьезные проблемы во всех сферах общественно-политического и социально-экономического развития африканских стран, влияет на межафриканские отношения, на внешнюю политику государств. Дестабилизирующее воздействие беженства объясняется тем, что неразрывно связанное с политическими и военными конфликтами, оно в современных условиях – не только в Африке, но и других конфликтогенных частях мира – приобрело повышенную политическую значимость. Потоки беженцев становятся серьезным источником внутригосударственной и межгосударственной напряженности, угрозой национальной и субрегиональной стабильности.

На первоначальном этапе (60-е – начало 80-х годов) африканское и международное сообщество прилагало основные усилия по оказанию беженцам помощи, защиты и содействия в обустройстве в странах убежища. По признанию Дж.Ньнере, беженцы воспринимались тогда как люди, бежавшие из колоний, которым надо помочь. Их охотно принимали африканские страны («политика открытых дверей»), предоставляемая убежище попавшим в беду «братьям»³. Теперь проблема беженцев в Африке – уже не только и не столько гуманитарная проблема, нацеленная главным образом на оказание поддержки и спасение жизни людей, покинувших родные края. Конечно, гуманитарный аспект сохраняется и, по-прежнему, очень важен. Но традиционный подход к этой проблеме существенно изменился, она в значительной степени политизировалась по мере усиления роли вынужденных массовых перемещений населения в разраставшихся кризисах – гражданских войнах и пограничных спорах на юге континента, Африканском Роге, в районе Великих озер, Западной Африке. Это проявилось еще в начале 1990-х гг. в конфликтном районе Африканского Рога (беженцев из Эфиопии обучали военному делу, вооружали, а затем предоставляли им возможность терроризировать мирное население Сомали, когда там начался процесс распада государства)⁴, затем во время геноцида в Руанде в 1994 г. Здесь обострение межэтнического противостояния было связано, не в последнюю очередь, именно с беженцами. Созданное в Уганде в 1987 г. находившимся в изгнании руандийскими беженцами тутси повстанческое движение – Руандийский патриотический фронт – вмешался в конфликт между хуту и тутси в Руанде и весной 1994 г. положил конец развязанному экстремистами из народности хуту геноциду в отношении тутси. Но следствием победы тутси явились массовые потоки руандийских беженцев – хуту в Танзанию, Бурунди, восточный Заир. Приграничные лагеря для перемещенных лиц стали использо-

ваться боевиками хуту в качестве баз для нападения на территорию своей страны, усиливая нестабильность, создавая угрозу руандийскому правительству. Так, с увеличением числа и усложнением характера континентальных конфликтов в последние десятилетия ХХ в., ростом масштабов и темпов вынужденного перемещения людей, появлением новых, более жестоких методов ведения военных действий, влекущих за собой разгул насилия или полное разрушение всех социальных, экономических и политических структур, беженство из гуманитарной проблемы превратилась прежде всего в политическую. Ее политический аспект вышел на первый план, усиленный другими дестабилизирующими факторами – нелегальной миграцией, бандитизмом, контрабандой оружия, наркобизнесом и пр.

Беженцы оказываются заложниками противоборствующих политических сил – правительства (власти) и оппозиции, регулярной правительственной армии и повстанческих боевых формирований – и вынуждены встать на ту или иную конфликтующую сторону. Теперь они, вооруженные, – активные участники политических событий. Обитатели расположенных чаще всего вблизи госграницы лагерей и поселений для беженцев и внутренне перемещенных лиц подвергаются давлению боевиков и правительственных войск, нападениям с обеих сторон границы (например, лагеря сомалийских беженцев на севере Кении, поселения беженцев из Судана на севере Уганды и др.). И правительство, и группировки боевиков вооружают беженцев и используют их в собственных военных и политических целях. Боевики превращают лагеря перемещенных лиц в свои опорные военные базы, пополняют через принудительную вербовку беженской молодежи, подростков и детей свои ряды. Также нередко поступает и другая сторона. Вооружая и втягивая таких «новобранцев» в активные боевые действия, соперничающие армии склоняют их к сотрудничеству, вынуждают совершать убийства и зверства в отношении мирного населения, а часто используют в качестве «пушечного мяса».

Вооруженные банды нередко контролируют не только жизнь в лагерях, но и направления перемещений беженцев, не давая иной раз им уйти в соседнюю страну в поисках убежища. В лагерях беженцев или в их окрестностях нелегально проживают и укрываются боевики, убийцы и бандиты. В поселениях руандийских беженцев, например, оказалось немалое число бывших военных и бойцов экстремистских вооруженных формирований, виновных в массовой резне 1994 г. Так, в заирский лагерь Тинги-Тинги в 1995-1996 гг. стекались и беженцы из Руанды, и головорезы из боевых отрядов «Интерахамве», которые перемещались во время бегства через тропические леса Центральной Африки. Лагеря наводнены оружием, не в последнюю очередь благодаря тем

боевикам, которые, растворившись в среде мирных беженцев, занимаются помимо грабежа гуманитарной помощи продажей и сбытом легких вооружений.

В этой ситуации трудно обеспечить безопасный, нейтральный и гуманитарный характер лагерей и поселений беженцев и перемещенных лиц. Они, в большинстве случаев, превращаются в очаги дестабилизации обстановки как в странах исхода, так и странах-реципиентах. При этом ни одна из сторон конфликта на самом деле не озабочена участью беженцев. Наоборот, беженцы сознательно и преднамеренно используются ими в качестве главной мишени и средства для достижения своих целей – не только одержать верх над армией или группировкой соперника и обеспечить необходимый для победы перевес сил, а уничтожить гражданское население, враждебные этнические группы. Насилие – «норма» жизни в лагерях беженцев. Жестокость и зверства по отношению не только к вооруженным оппонентам, но и мирному населению и беженцам приняли огромные размеры и стали обычным «занятием» конфликтующих сторон.

Главные жертвы насилия на фоне всеобщей разрухи, хаоса и беспорядка – женщины и дети, составляющие большинство в потоках перемещенных лиц. В лагерях или «партизанских» отрядах они подвергаются всевозможным издевательствам, умышленным увечьям, сексуальному насилию. Так, по данным международной организации «Human Rights Watch», в конце 90-х – начале 2000 гг. в ДРК боевики Конголезского союза за демократию, руандийские солдаты, вооруженные группировки руандийских хуту, бурундийские повстанцы и прочие участники гражданского конфликта, широко прибегали, используя в качестве предлога обвинения жертв в коллаборационизме, к сексуальному насилию – своего рода «орудию войны»⁵. Жестокость в отношении гражданских лиц, включая беженцев, особенно сексуальное насилие, до недавнего времени была неизменной составляющей гражданских конфликтов и войн и в ДРК, и других «горячих» точках Африки. Акты насилия, по мнению генерального секретаря ООН Кафи Аннана, имеют политическое и символическое значение. Они направлены на то, чтобы подорвать чувство собственного достоинства женщин, их семей, общин. Их цель – нанести моральный, психологический, материальный, политический ущерб противоположной стороне⁶. Действительно, убийства гражданских лиц, кампании массового изнасилования женщин и девочек, принуждение детей убивать и зверствовать направлены на то, чтобы дестабилизировать мирное население, сделать войну привычной для него, поддерживать этническую, религиозную и племенную напряженность и не только продолжать, но и расширять боевые действия.

Вооруженные отряды, самопровозглашенные власти, правительственные войска затрудняют или делают невозможным оказание гуманитарной помощи беженцам, поскольку она противоречит военным и политическим целям того или иного участника конфликта. И повстанцы, и правительство отказываются рассматривать международную гуманитарную помощь беженцам, которая чаще всего разворовывается, как политически нейтральную и беспристрастную, нацеленную единственно на поддержку жертв войны. Гуманитарные организации, которых подозревают в пособничестве противнику, содействии упрочению его позиций, не могут без разрешения и согласия властей или жесткого контроля с той или другой стороны оказать необходимую помощь беженцам. Вопрос доступа к ним оказывается, таким образом, и военной, и гуманитарной, и политической проблемой.

Конфликтующие стороны, прежде всего оппозиция в лице вооруженных повстанческих группировок, которые, как, например, в Либерии, районе Великих озер, Эфиопии, Эритреи и др., часто преднамеренно провоцировали перемещения мирного населения, заинтересованы в перманентном кризисе с беженцами, хаосе и эскалации боевых действий. Беженцы становятся разменной монетой в борьбе различных политических сил за власть, контроль над территорией и ресурсами, за прибыльную торговлю оружием и поставки его в зоны конфликта. В годы гражданских войн в Анголе, Либерии, Сьерра Леоне оппозиционные военные группировки и правительства обогащались благодаря хищнической эксплуатации природных ресурсов, таких как лес, алмазы и прочие сырьевые материалы. ТНК тогда заключали сделки с вооруженными либерийскими формированиями, чтобы получить доступ к природным ресурсам страны. В результате твердая валюта, поступавшая от таких компаний, позволила воюющим группировкам приобретать партии оружения на международном рынке оружия, где постоянно ведется борьба за новых покупателей⁷.

Правительства пытаются нейтрализовать влияние боевиков на беженцев как одного из источников возможной оппозиции своей власти, усилить контроль над лагерями и поселениями перемещенных лиц: перевозят лагеря в другое, более отдаленное и недоступное для боевиков место, устраивают новые поселения подальше от госграницы и зоны боевых действий не только из-за риска нападений соперников, но и боязни контактов мужского населения с повстанцами. Или, наоборот, не разрешают переселенцам покидать пределы района, в котором они нашли убежище, требуют от УВКБ ООН закрыть некоторые лагеря для беженцев из соседних стран, проводят т.н. «перегруппировки» перемещенных лиц, т.е. принудительно переселяют их после закрытия лаге-

рей в другие части страны (как это было в Эфиопии в середине 80-х гг., в Бурунди в начале 1997 г. и др.).

Ранее традиционно гостеприимные государства-убежища, которые теперь не в состоянии нести бремя по размещению и содержанию огромных масс беженцев, пытаются уже на первых порах сдержать все увеличивающиеся дестабилизирующие потоки мигрантов, особенно во время их массового исхода с родины. Отсюда – меры по закрытию государственных границ, отеснению пришельцев за их пределы. Так, в 1995 г. Танзания закрыла свою границу для устремившихся в нее руандийских беженцев и боевиков из бурундийских лагерей. В декабре 1996 г. в течение нескольких дней к руандийской границе танзанийскими вооруженными силами были доставлены сотни тысяч беженцев⁸. В том же году правительство и армия Бурунди изгнали из страны 90 тыс. руандийских беженцев на родину. В январе 1997 г. замбийское правительство заявило о намерении депортировать со своей территории беженцев из соседнего Заира. В апреле 2001 г. десятки тысяч сьерра-леонских беженцев во время вооруженного конфликта не смогли покинуть опасную боевую зону и уйти к соседям, чьи границы оказались закрытыми.

Опасения негативных последствий беженства для страны-убежища, как, впрочем, и для страны исхода вполне оправданы. Беженцы и внутренне перемещенные лица надолго остаются фактором, дестабилизирующими внутреннюю обстановку и подрывающим государственную безопасность. Они способствуют усилению тенденции к развалу государственных структур, что является одновременно причиной и следствием вооруженных конфликтов.

Резкий рост этнических противоречий и соперничества, стимулируемый процессами экономической модернизации и политической либерализации, вызвал в 90-е годы разрушение государственности в ряде стран Западной Африки, Африканского Рога, Великих озер. Так случилось в Сомали, где противоречия между кланами и гражданская война с начала 1991 г. привели к окончательному коллапсу государства, появлению множества самостоятельных полевых командиров и группировок, борющихся за свои клановые интересы и контроль над территорией. Госинституты и структуры, разъедаемые коррупцией, были подорваны, социальные связи разорваны в период гражданской войны в Сьерра Леоне. Схожая картина наблюдалась в Заире, этом, по выражению Ю.Винокурова, «государстве-призраке».

Деструктивная роль массового перемещения населения внутри собственной страны и за ее пределы многократно усиливается в условиях неэффективности правительства и ослабления правовых институтов, сужения зоны влияния власти и замены ее множеством воюющих между собой местных группировок, не имеющих четких идеологических и

политических программ и враждебных к беженцам. Вызванное политическими конфликтами беженство в свою очередь не только усугубляет общую нестабильность, но и ускоряет разрушение государственности, сменяемой хаосом и насилием. Это объясняется тем, что беженство играет особо негативную роль в разрыве прежних социальных связей и отношений, в расшатывании устоев внутренней интеграции, подрыве целостности общества, состояние которого часто приближается к коллапсу.

В острой конфликтной ситуации происходит процесс окончательного отчуждения значительной части населения – беженцев и перемещенных лиц от власти, от государства как фундаментального социального института, кризис народного доверия, которое и раньше не отличалось прочностью, к высшему руководству. При потере государством контроля над территорией страны в ходе разрастания вооруженного конфликта его неспособность защитить своих граждан и обеспечить их безопасность (в Бурунди, Либерии, Сьерра Леоне, Руанде, Сомали и др.), массовые перемещения людей и беженство ускоряют полный разрыв социальных связей между различными группами граждан и политических уз между ними и государством. В этой ситуации надежды на семью, клан, свою этническую группу или общину иллюзорны, поскольку с беженством рвется и столь необходимое для устойчивого развития взаимодействие между сегментами общества. На чужбине, в далеких лагерях разрушение прежнего уклада жизни и традиционной системы взаимопомощи, распад семей происходят очень быстро. Тогда на смену социальному взаимодействию приходят вражда, соперничество внутри беженского сообщества, между местными и пришельцами. Беженство ускоряет перспективу деградации социума. Большинство беженцев, физически ослабленное, морально и духовно разобщенное, ведет маргинальное существование, вливается в люмпенизированное население страны-убежища, которым легко манипулируют различные политические силы.

Деконструктивные последствия разбуживания маргинализированной массы беженцев, вынужденных переселенцев и перемещенных лиц, озабоченных проблемами безопасности и выживания, наиболее выпукло проявляются в городах, куда в поисках убежища устремляется (помимо лагерей или из них) значительная часть этой массы. Гипертрофия и без того сложных урбанизационных процессов и «люмпенизация» африканских городов в этом случае достигают критической отметки. Крупные городские центры и столицы – Найроби, Хартум,Luанда, Хараре, Мапуту, Лусака, Аддис-Абеба, Йоханнесбург – объекты стихийного наплыва беженцев. Так, в середине 80-х гг. тысячи изгнанников из Мали скопились в городах Буркина-Фасо, угрожая городской инфра-

структуре и окружающей среде. В 1994 г. пограничные заирские города Гома и Букаву были наводнены беженцами из соседней Руанды. В 1995 г. либерийцами, покинувшими самовольно лагеря для беженцев, оказались переполнены ряд городов Гвинеи. Тысячи беженцев из Эритреи и Эфиопии во время пограничного конфликта устремились в Хартум. Сомалийцы – обитатели лагерей на севере Кении, устремлялись в Найроби. В Сьерра Леоне в разгар гражданской войны в 1995 г. до полумиллиона перемещенных лиц направились в столицу – Фритаун. Йоханнесбург притягивает тысячи беженцев из стран континента, большинство оседает в городах нелегально.

Перспективы обустройства беженцев в столице или каком-либо крупном городе, как и в целом в стране-убежище, неблагоприятны. Беженцы в массе своей не могут беспроблемно адаптироваться к новым городским условиям, наладить производственные и социальные связи с местными жителями, т.е. интегрироваться (не усугубляя социально-экономическую, политическую обстановку) в новое общество, которое чаще всего само дестабилизировано и переживает кризис. Большинство вынужденных переселенцев прозябает, влачит жалкое существование и пополняет ряды маргинальных и люмпенизированных городских слоев. Женщины-беженки испытывают особые трудности вхождения в жизнь города и городскую экономику, остро ощущая отчужденность от местных жителей и существуя на грани биологического выживания. Африканские города наводнены беспризорными детьми, сиротами, потерявшими родителей во время бегства или в боях, безработными подростками из числа беженцев. Эти женщины и дети – «отверженные» города.

Скопление в городах людей, спасших бегством свою жизнь, но переживших насилие, потерявших прежний социальный статус, обездоленных и неимущих, ютящихся на городских окраинах и в трущобах, – фактор повышенной социальной напряженности. Ее угроза, как и угроза политической нестабильности и национальной безопасности, исходит прежде всего от беженской молодежи – этого мобильного взрывоопасного социального материала. Молодежь быстро приобщается к вооружству, проституции, преступной деятельности. Городские беженцы, отчужденные от общественно-политической жизни города, поначалу политически индифферентные, как все мигранты, тем не менее легко вовлекаются в оппозиционные политические группировки и готовы к крайним и жестоким действиям. Они являются потенциальным социальным резервом различных общественно-политических движений, участниками массовых беспорядков, волнений и бунтов, углубляющих дестабилизацию внутриполитической обстановки.

В Уганде во время многопартийных президентских выборов в начале 2006 г. оппозиция действующему президенту Й.Мусевени развернула активную борьбу за голоса более миллиона беженцев из северных областей страны, вынужденных покинуть свои дома вследствие длительного вооруженного конфликта между повстанцами Армии сопротивления Господа (АСГ) и правительством. Поддержка беженцев, недовольных неспособностью официальной власти покончить с войной, ранее, еще в 2001 г., помогла с легкостью одержать победу в Ачолинде оппозиционеру К.Бесиджье – главе Форума за демократические перемены (ФДП). На этот раз оппозиция, в частности ФДП Киизы Бесиджье, в планах которой даже была организация (не в последнюю очередь из беженцев) молодежных бригад «бдительности» для наблюдения за ходом голосования, снова пользовалась поддержкой беженцев в лагерях и городках на севере страны. Победившему в выборах на общенациональном уровне Й.Мусевени придется возобновить мирные переговоры с АСГ и положить конец конфликту.

Особенность беженства в Африке в том, что беженцы вынуждены искать убежище в таких же бедных и часто нестабильных государствах, как и их собственные. Они в поисках безопасности не находят ее в соседних государствах, где складывается такая же сложная и непредсказуемая ситуация. Большое число беженцев и продолжительное пребывание их в стране-убежище создает для последней многочисленные проблемы и трудности, нарушает ее социально-политический баланс. Беженцы чаще всего не получают поддержку властей страны-убежища. Правительства стран-реципиентов, крайне обеспокоенные тем бременем, которое налагают беженцы на и без того скучные местные ресурсы, видят в пришлых виновников разгула преступности, наркобизнеса, бандитизма, нарушителей общественного порядка и угрозу стабильности и национальной безопасности.

Особую озабоченность властей вызывает напряженность во взаимоотношениях беженцев с местным населением, которое рассматривает мигрантов – эту дешевую рабочую силу – как конкурентов на рынке труда. Власти не могут не реагировать на настроения граждан и не пытаться снизить социальную напряженность, которая в конечном счете может обернуться против них самих. Поэтому под предлогом обеспечения безопасности и защиты своих граждан власти стран-реципиентов регулярно прибегают к крайней мере – насилиственному выселению и депортации части беженцев, а также рабочих-иммигрантов соседних государств. Депортации мигрантов на родину происходили неоднократно в последние десятилетия, особенно часто в 90-е годы, в ряде африканских стран – Уганда, ЮАР, Габоне, Нигерии, Замбии, бывшем Заире и др. Так, кенийское правительство периодически принудитель-

но высыпало сомалийских и эфиопских беженцев. В 1994-1996 гг. УВКБ ООН и правительство ЮАР в организованном порядке проводило отправку более 30 тыс. мозамбикских беженцев на родину. Одновременно сотни тысяч мозамбикцев были выдворены из Южной Африки в Мозамбик насильственно, как нелегальные иммигранты. Во время эфиопско-эритрейской пограничной войны каждая из конфликтующих сторон превратила в беженцев 70-75 тыс. представителей «чужой» национальности, насильно изгнав их со своих территорий. В Кот-д'Ивуар в конце 2000 г. тысячи либерийских беженцев оказались в центре вооруженных столкновений между правительством и ивуарийскими повстанцами, и сами стали участниками боев на стороне этих повстанцев, что привело к антилиберийским настроениям в Кот-д'Ивуар. В следующие два года десятки тысяч рабочих-иммигрантов из соседней Буркина-Фасо, которую обвинили во вмешательстве во внутренние дела страны и военной поддержке ивуарийских солдат-мятежников, столкнулись с враждебным отношением со стороны как властей, так и местного населения. В результате правительство Буркина-Фасо приступило к депатриации своих соотечественников⁹.

Тяжелое положение сложилось в Гвинее, которая всегда сочувственно относилась к жертвам гражданских войн и дала убежище 500 тыс. изгнанников из соседних стран. 10% жителей Гвинеи, имеющей самый высокий в мире показатель числа беженцев на душу населения, – выходцы из Сьерра Леоне и Либерии, пользующиеся гвинейским убежищем в течение многих лет (и в конце 2002 г. в Гвинею еще оставалось около 200 тыс. беженцев, большей частью либерийцев и сьерраплеонцев)¹⁰. Длительное пребывание значительной массы перемещенного населения оказало непосильное давление на Гвинею, сыграв не последнюю роль в обострении внутренних противоречий и развязывании гражданской войны в начале 2001 г. Население страны в условиях разразившегося собственного гражданского конфликта было склонно считать беженцев источником всех своих бед¹¹.

Беженство негативно воздействует на двусторонние и многосторонние отношения государств. Оно – один из источников межгосударственных споров, пограничных трений и стычек между соседними странами. Насилие и беженство в одном государстве легко перекидывается на соседнее, порождая или «подогревая» субрегиональный конфликт. Втягивание все большего числа соседних и близлежащих стран во внутренние вооруженные споры и активные военные действия уже на межгосударственном уровне расширяет границы вынужденного перемещения населения вплоть до субрегиона и увеличивает угрозу стабильности и безопасности целой группы стран. Так, в районе Великих озер в середине – конце 90-х гг. имели место насильственные массовые

перемещения людей внутри 9 сопредельных государств, но также и между ними – Бурунди, Руанда, Заир, Танзания, Уганда, Конго, Ангола, Замбия, ЦАР. Межэтнический конфликт между хуту и тутси в Руанде и Бурунди с потоками беженцев перекинулся через границу на территорию соседнего Заира (ДРК с 1997 г.), что стало для него и всего субрегиона дестабилизирующим фактором на долгие годы. Усилилась напряженность в отношениях между суверенными близлежащими государствами, которые оказались втянутыми в вооруженные конфликты соседей. Разрастание в них экономического и социально-политического кризиса, этнического насилия усугубляло положение беженцев и провоцировало их новые потоки на всей территории субрегиона.

Вмешательство во внутренний конфликт под формальным предлогом обеспечения безопасности границ Анголы, Намибии, Зимбабве (выступивших на стороне правительственные сил), Бурунди, Руанды, Уганды (поддержавших конголезские вооруженные группировки) привело к его перерастанию в августе 1998 г. в граждансскую войну. Она оказалась тесно связанной с текущими этническими и политическими конфликтами – в Руанде, Бурунди, Уганде, Анголе, Судане, которые, вовлеченные в конголезскую войну, преследовали свои интересы. Активизация военных действий с участием правительства, армий соседних стран и повстанческих группировок привела к бегству сотни тысяч жителей из зон боевых действий в соседние страны. Таким образом, хаос, разгул насилия, разрыв социальных связей в обществе, кризис государственности создавали предпосылки для массового перемещения населения не только в ДРК, но и в субрегионе в целом¹².

В конце 1990-х – начале XXI в. в Сьерра Леоне, Либерии, Гвинее, Кот-д'Ивуаре кризис с беженцами и внутри- и межгосударственные вооруженные конфликты также оказались тесно взаимосвязанными. Серьезные внутриполитические коллизии почти в каждой из западноафриканских стран вышли за национальные рамки. Соответственно перемещения населения происходили и в пределах страны, и между странами, затронутыми конфликтом. Гражданская война начала 1990-х гг. в Либерии, например, коснулась Гвинеи, Кот-д'Ивуара, Сьерра Леоне, Ганы, Нигерии. Наплыв беженцев в эти страны не прекращался до начала XXI в. Обострение внутренней обстановки в Либерии в конце 1990-х – начале 2000 г. серьезно подорвало стабильность Сьерра Леоне, поскольку тысячи либерийских беженцев продолжали пересекать соседнюю границу, за которой разрастался свой гражданский конфликт. В настоящее время вызывают опасения активные военные действия ивуарийского правительства против повстанцев на севере страны, что, по мнению наблюдателей, может привести к возобновлению вооруженного противостояния, к потокам беженцев, нарушению пере-

мирия и оказаться взрывоопасным для всего субрегиона. Это подтверждается сведениями о том, что в Либерии осуществляется вербовка наемников из числа местных жителей для участия в конфликте в соседнем Кот-д'Ивуаре. Другой пример: миллионы жителей Судана, проблема Юга которого не решена до сих пор, стали перемещенными лицами внутри собственной страны и беженцами за ее пределы из-за того, что выступления вооруженных отрядов и организаций оппозиции, использующих для этого территории соседних государств, против правительства сил «подпитываются» массовые перемещения суданского населения. Беженство, таким образом, превратилось в негативный элемент африканских межгосударственных отношений.

Очевидно, что политическое урегулирование вооруженных конфликтов и достижение прочного мира между воюющими сторонами и странами невозможно без решения проблем беженцев и перемещенных лиц. После завершения конфликта остро встают не только вопросы постепенной, динамичной и организованной добровольной репатриации сотен тысяч беженцев на родину, но и успешной реинтеграции их в случае возвращения в родные места или интеграции в новые социальные общности страны-убежища, что рассматривается африканскими правительствами и международными гуманитарными организациями как важное условие возрождения экономики, восстановление разорванных социальных связей и национального единства, уважения прав человека, развития человеческих ресурсов. Добровольная репатриация, реинтеграция и интеграция – важные и потенциально наиболее позитивные составляющие постконфликтной правительственной политики в отношении беженцев. Необходимо найти новые мирные и политические средства и пути преодоления конфликтов и противоречий, в том числе между соседними странами, которые и приводят к массовому бегству населения. Среди них, по мнению исследователей, – расширение процессов демократизации, проведение общенациональных выборов, развитие демократических институтов и многопартийности, принятие новых конституций и т.п.

Очевидна и необходимость укрепления международных механизмов защиты беженцев в африканском регионе, усиления межафриканского и международного сотрудничества в деле оказания гуманитарной помощи и поддержки жертвам гражданских и военных конфликтов. Самостоятельно решить проблемы беженства, устраниТЬ его негативные последствия страны континента не смогут.

---

¹ Journal of Africa economies. Oxford, 2005. V. 14, № 4. P. 586.

-
- ² West Africa. L. 2002. № 351. P. 8
- ³ Беженцы. М., 1999. Т. 2. № 115. С. 14.
- ⁴ Там же. С. 9.
- ⁵ West Africa. L. № 4351. P. 11, 12.
- ⁶ Ibid. P. 9.
- ⁷ The Causes of Conflict and the Promotion of Durable Peace and Sustainable Development in Africa. N.Y., 1998. P. 7.
- ⁸ Положение беженцев в мире. М., 1997. С. 25.
- ⁹ Беженцы в Африке. М., 2004. С. 55, 98;African affairs. Oxford, 2005. V. 104. № 417. P. 74.
- ¹⁰ New African. L., 2004. № 430. P. 14.
- ¹¹ The Causes of Conflict and the Promotion of Durable Peace and Sustainable Development in Africa. N.Y., 1998. P. 13
- ¹² Беженцы в Африке. М., 2004. С. 40-44.

УНИТАРИЗМ ИЛИ ФЕДЕРАЛИЗМ: МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА ДЛЯ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Государство – одна из базовых составляющих культурно-экономической системы объединяющей в нацию сообщество людей проживающих в пределах территории, на которой действует суверенитет данного государства. События последних 10–15 лет, потрясающие страны Тропической Африки (гражданские войны, межэтнические и межконфессиональные конфликты, путчи и государственные перевороты), указывают на слабость государства как организующей и объединяющей силы общества в этих странах. Причин этой слабости множество и в каждой стране преобладают свои, местные. Но есть причины общие для всех. Среди них – форма государственного устройства. Она, форма, может способствовать сохранению и укреплению стабильности социально-экономической жизни в конкретной стране, а может стать катализатором негативных процессов. Справедливость этого утверждения подтверждается событиями последних лет не только в Африке, но и в нашем отечестве.

За полвека работ советские африканисты собрали, систематизировали и истолковали значительнейшие объемы фактов и материалов обо всех сторонах истории, общественной жизни и экономики африканских стран. Это позволяет сегодня использовать их научные работы как, в известной степени, самостоятельный источник – базу для дальнейших исследований. В области теории государственного права, практики государственного строительства в независимых африканских странах наиболее информативны работы 1970-х – 1990-х годов Г.Б.Старушенко, И.Е.Синицыной, В.В.Крылова, Ю.А.Юдина, Л.М.Энтина. После них не появлялось ни одной серьезной, академической, работы на указанную тему. Поэтому автор предлагаемой работы делает попытку снова поставить на рассмотрение вопрос о форме государства как факторе формирования нации этого государства. Но пользоваться работами предшественников приходится, учитывая специфику идеологии и политических постулатов того общества, в котором им пришлось жить и работать. Советский африканист должен был априори принимать понятия народ, нация, государство «по Марксу – Энгельсу, Ленину – Сталину» в толковании последних по времени съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС. Результаты такого восприятия и соответствующей практики мы видим на примере собственной страны.

Относительно государств Африки положение – не лучше. Только в изданной в 1995 г. книге Л.М.Энтина «Разделение властей: опыт совре-

менных государств» государство и его роль рассматриваются не в соответствии с положениями марксизма-ленинизма, а на основе фундаментальных для современного государственного права документов – Декларации независимости Североамериканских Соединенных Штатов от 4 июля 1776 г. и французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.¹

Автор данной работы не является сторонником обязательного для советской науки взгляда на государство как на «политическую организацию экономически господствующего класса, имеющую своей целью охранять существующий порядок и подавлять сопротивление других классов»². Подавление – лишь одна из многих функций государства.

В предлагаемой работе государство рассматривается как одна из многих форм организации людского сообщества, историческая данность способствующая или не способствующая образованию позитивного вектора в развитии африканского общества от полигэтнического социума на искусственно образованной административной территории к суверенной нации.

1. Опыт колониальной глобализации

Глобализация – не новое явление в истории человечества. Распространение европейских стандартов административного устройства общественной жизни по всему миру уже случилось во второй половине XIX века при образования колониальных империй. Тогдашние Великие державы создали в мировом масштабе свои системы административного и экономического управления неевропейскими сообществами. На Черную Африку эта глобализация оказала особенное влияние. Насколько оно, влияние, было позитивным и насколько негативным нынешние историки спорят, чем далее, тем – горячее. Во всяком случае, последствия ощущаются до сих пор, что и стало одним из поводов к настоящему исследованию.

Европейцы в соответствии со своим историческим опытом государственного строительства принесли в Тропическую Африку три модели административного устройства: прямое управление, косвенное управление, протекторат.

Прямое управление колонией – перенос административной системы европейской метрополии на африканскую почву. Большинство колониальных держав XIX века – унитарные государства с жесткой вертикалью власти: президент (или монарх), его полномочные представители на местах – чиновники разных рангов до муниципальных образований и сельских общин. В колонии прямого управления губернатор представлял высшую исполнительную власть метрополии, комиссары губернатора – чиновники министерства колоний метрополии – осуществляли власть на

местах до сельских общин. Вместе с тем колония, хотя и являлась административной частью метрополии, должна была быть самообеспечивающей хозяйственной единицей. Низшие и среднего уровня кадры колониальных чиновников до глав муниципальных администраций, служащие силовых структур до младших офицеров армии и полиции, работники систем школьного образования, низший и средний медперсонал здравоохранения готовились из туземного населения. Вовсе не желая того, европейцы создавали в своей колонии протогосударство европейского образца населенное африканцами. Туземцы при этом не составляли единого народа этого протогосударства, принадлежа к различным этническим группам и племенам. Насильственно и произвольно объединяющей всехaborигенов в единый социум колонии силой выступали Франция, Бельгия, Португалия. Перестав быть суверенами африканских колоний, указанные европейские державы оставили в наследство африканцам унитарные системы государственного устройства и свое понимание государственного права как науки и практики.

Англичане своей *косвенной системой* колониального управления привнесли в Тропическую Африку модель федеративного устройства государства. Оставив власть на местах туземным правителям (вождям), колонизаторы присвоили себе функции федеральной власти: Английский Верховный Комиссар – высшая законодательная и исполнительная власть в данной колонии, территориальные комиссары – представители Верховного Комиссара в туземных самоуправляемых административно-территориальных единицах. Местная туземная власть на «федеральном уровне» была представлена депутатами – африканцами в советах при территориальных комиссарах и при Верховном Комиссаре. В этом случае постулат науки государственного права «народ, принадлежащий данной территории», формально соблюдался. Этнические сообщества туземцев жили на своей исторической родине по своим традициям и законам. Пример – Южные и Северные Камерунские земли, феодальные королевства и султанаты в Нигерии, королевства в Уганде, Федерация Родезии и Ньясаленда, Южноафриканский Союз с его системой бантустанов. Но «народы» и земли, к которым эти народы принадлежали, были произвольно разделены между различными метрополиями на Берлинской конференции 1884–1885 г. и произвольно сведены в «федерации» внешней силой.

Таким образом, и в случае колонии – федерации картина складывалась та же: африканское население колонии представляло собой политичную популяцию, произвольно объединенную европейцами в пределах искусственно образованной административно-территориальной единицы колонии.

Немцы с их протекторатом оставляли туземным правителям право решения внутренних проблем возглавляемых ими племен и феодальных государств. Но все вожди и государи становились вассалами Германского Кайзера, подотчетными представителю Кайзера на территории протектората – немецкому губернатору (Камерун, Руанда-Урунди, Танганьика). И здесь формально не нарушался исторически сложившийся территориальный раздел между туземными этносами и этническими группами. Сами германские протектораты представляли собой искусственные конфедерации феодальных государств. И в этом случае полизначный африканский социум произвольно и насильно объединялся в протогосударство на искусственно созданной территории.

Захватив и поделив между собой германские протектораты в ходе Первой мировой войны, Англия, Франция, Бельгия от имени Лиги Наций насадили в них свои системы управления. Независимые нынешние государства Тропической Африки это – в административном и государственно-правовом понимании – клоны бывших метрополий и опекунов, а в историческом понимании – искусственные, не африканцами созданные территориальные образования.

В этом противоречии – основная причина всех настоящих и будущих территориальных, межэтнических и политических конфликтов в Тропической Африке (Нигерия, Камерун, Конго, Руанда, Бурунди и т.д. и т.п.). По данным Секретариата Африканского Союза, с начала 60-х годов XX в. до середины 2004 г. на континенте имели место более 30 масштабных вооруженных конфликтов. Они обошли Африке в 250 – 260 млрд. долл. и унесли свыше 7 млн. жизней³.

В Африке южнее Сахары всего 2 государства – Бурунди, Руанда, большую часть населения которых можно было бы определить как *народ* – общность людей, говорящих на одном африканском языке и живущих в исторически сложившимся, а не искусственно европейцами созданном, экономическом и культурном пространстве. Однако межэтнические войны в этих странах в 90-е годы XX в., унесшие сотни тысяч жизней и отбросившие экономику этих стран на доколониальный уровень, показывают насколько им еще далеко до современного национального государства.

2. Этнос, народ, нация как научные понятия и политическая реальность

В мире сегодня насчитывается свыше 180 государственных образований, населенных более чем 3000 этнических групп, из которых, по меньшей мере, 500 претендуют на самоопределение, то есть создание суверенных государственных, административных, культурно автоном-

ных, экономически привилегированных образований (Канада, Россия, Испания, Индонезия, Конго и десятки других стран.).

Единообразно на русском языке толкуемого научного понятия *этнос* сегодня не существует. В России каждая из общественных наук объясняет понятие этнос по-своему. В большинстве случаев подразумевается, что этнос это почти то же самое, что народ. Иногда даже употребляют термин народ-этнос. В двухтомном энциклопедическом справочнике «Африка» издания 1986-1987 г. нет отдельной статьи Этнос. В очерке **Население**, написанном Р.Н.Исмагиловой, понятия народ и этнос отождествлены. Автор очерка считает признаками этнической общности «язык, культуру и т.д.» (так в тексте), а также «стадии консолидации этнических общностей от небольших бродячих групп... до многомиллионных наций»⁴. Для Исмагиловой этнос – социальная категория, обладающая национальным самосознанием. В соответствии с этим убеждением она по другому случаю отмечает: «термин «национальность» у нас, в России, это синоним этнической принадлежности, на Западе – синоним гражданства»⁵.

В древнегреческом языке слово *ethnos* значило – народ, население. В толковых словарях русского языка можно найти объяснение только прилагательного: «этнический – связанный с принадлежностью к какому-нибудь народу, с его культурой»⁶.

Вместе с тем имеется оригинальное и достаточно универсальное, на наш взгляд, определение Л.Н.Гумилева: « Этнос – естественно сложившийся не социальный коллектив людей, адаптировавшихся в биоценозе определенного ландшафта.... Этносы объективно отличаются друг от друга стереотипами поведения их членов». Стереотип поведения формируется биологическими и физическими условиями жизни, отмечает Гумилев в другом месте. Поэтому «в этносе, в отличие от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы... Суперэтнос – объединение или симбиоз этносов – не есть общность духовная или политическая, это – явление географическое»⁷.

Африканцы – и есть «географическое явление», общность людей, которая включает в себя суперэтносы арабов и негроидов. Эти, в свою очередь, в зависимости от природных условий регионов их проживания на континенте (т.е. биологических и физических условий жизни, способов добычи продовольствия), делятся на этносы. Этносы состоят из этнических групп. Например, в одном только Камеруне этнос банту состоит из 4 этнических групп: нагорные банту, экваториальные банту, прибрежные банту, негрские банту; в каждую из групп входят 7–8 племен численностью каждое от нескольких тысяч до десятков тысяч человек. При этом не обязательно, чтобы этнические группы имели единий язык. «Язык зарождается и развивается внутри специфического

сообщества, это продукт социальный, передаваемый человеку путем обучения, – отмечает ангольская исследовательница А.Мингаш. – Язык не может служить универсальным признаком принадлежности к человеческой общности определяемый как этнос.... Что касается понятия «этнос», то в основе его лежит особый цивилизационный уклад, маркируемый наличием общего языка»⁸.

Если учесть, что до сих пор имеется и используется несколько классификаций африканских языков, а большинство определений в этих классификациях условны, придется признать наибольшую универсальность толкования понятия этнос, предложенного Л.Н.Гумилевым.

Правовые науки как науки об общественных отношениях понятием этнос не могут оперировать по определению, ибо этнос – не социальная категория. Правоведы используют понятие народ – *demos*, подразумевая, что народ есть совокупность постоянных жителей (членов) уроженцев данного административного или территориального образования. Они вводят различные дополнения к термину этнос, чтобы отойти от географической его сущности. Например, В.Р.Филиппов употребляет новообразование «онтологизированный этнос», когда речь идет об этнической массе населения как субъекте или объекте государственного права⁹.

Вводя в текст лингвистический троп, Филиппов как бы сближает понятия этнос и народ. При том, само собой разумеется, что народ – составная часть этноса, а не сам этнос. Но в российском правоведении (как и в российской социологии) понятия народ, нация до сих пор толкуются «по Энгельсу – Ленину», с классовых позиций, что несовместимо с понятием этнической общности.

Автору данной работы наиболее универсальными представляются такие определения. Этнос – человеческая общность с определенными общими антропометрическими и психофизическими характеристиками, проживающая в данном географическом регионе. Этническая группа – представители этноса, проживающие на территории со специфическими географическими (ландшафтными) характеристиками, что определяет экономическую жизнь и культуру данного человеческого сообщества. Народ – социальная культурно-историческая общность людей – представителей разных этнических групп, постоянно проживающих в пределах территориального административного образования. Нация – все граждане (подданные) данного государства как юридического лица.

3. Борьба африканских народов за самоопределение и политическую независимость

Истории освобождения Африканского континента от европейской колонизации и опеки советские африканисты посвятили множество мо-

нографий и статей. Правоведы – государственники не составляют исключения. Но, в силу тогдашнего своего политически ангажированного положения, авторы историй национально-освободительной борьбы не могли развить некоторые свои взгляды относительно движущих сил этой борьбы. Например, и тогда было известно, что все африканские теоретики, лидеры, трибуны и профессиональные функционеры освободительных движений были либо воспитанниками и сотрудниками колониальной администрации данной колонии, либо питомцами христианских духовных миссий и школ при этих миссиях. Обучались они, разумеется, на языке белых хозяев колонии и волей – неволей усваивали менталитет и мораль тех, кто их обучал. Высшее образование, те, кто его получил, обретали в университетах и высших школах метрополии на языке метрополии. Таким образом, в ментальном и духовном смысле они становились чернокожими «белыми» на своей родине.

Привой основ европейских культур на культурные африканские традиции дал плеяду политических деятелей – идеологов и лидеров антиколониального движения. Парадокс: чем более ментально и духовно североевропеивались чернокожие воспитанники колонизаторов и христианских миссионеров, тем больше они ощущали себя африканцами. Восприятие европейской культуры и интеллектуальных традиций давало чернокожим студентам философский базис, на котором возник и вопрос панафриканизм как расовая идеология антиколониального движения в Черной Африке.

Напрашивается параллель с Советским Союзом: чем больше вдалбливали идеи советского интернационализма на основе русской культуры коренным жителям национальных республик, тем сильнее образованные аборигены стремились к национальному самосознанию и самоопределению.

Подобные параллели были немыслимы в 60-е – 90-е годы для авторов трудов по истории освободительного движения на Африканском континенте. Поэтому тогда никто не мог внятно, без идеологического мифотворчества о роли победы СССР во Второй мировой войне объяснить причины стремительного распада колониальных империй. Так же, как никто не мог (точнее – не осмеливался) предвидеть одномоментный распад СССР – империи объединявшей 15 национальных республик, крах системы Варшавского договора в Европе и взрыв шовинизма среди политически активной части коренного населения бывших союзных республик и социалистических стран.

В период между двумя мировыми войнами в африканских колониях и на подмандатных территориях происходил стремительный (за одно поколение) процесс осознания европейски образованными африканцами себя сначала как детей Черной Мамы – Африки, а затем – как

членов африканского социума, обитающего на данной, произвольно, не африканцами определенной территории. С другой стороны, в интеллектуальном отношении лидеры африканского освобождения были духовными чадами культуры соответствующих метрополий, что не могло не сказаться на их политической практике.

К концу 30-х годов XX века в колониях уже сформировались кадры профессиональных африканских политиков и публицистов. Пределом их мечтаний тогда была либерализация колониального или мандатного правления. Начинающие туземные политики еще не дерзали ставить себе целью занять место белых правителей и демонстрировали личную лояльность в отношении своих метрополий и мандатной системы Лиги Наций.

В ходе и после Второй мировой войны, с изменением и модернизацией колониальной политики европейских государств процесс самоосознания африканцев ускорился, число борцов за освобождение Африки от господства белых возросло многократно. На волне этого ускорения набрала силу и стала основной идея самоуправления туземных «народов» на землях колоний и подопечных территорий в рамках административной системы той или иной Великой державы. Предполагалось, что механизм самоуправления колонией или подопечной территорией может быть вписан в систему колониальной империи. Для туземных политиков в английских африканских колониях идеалом были Канада и Австралия. Для офоранкузившихся чернокожих – заморская провинция Франции.

Новоиспеченные африканские политики и профсоюзные бонзы быстро и хорошо усваивали азы политической науки, дипломатии и административной практики своих белых учителей. С окончанием Второй мировой войны в Африке стали преобладающими такие формы политической борьбы, как массовые манифестации и демонстрации туземного населения, бойкоты, стачки, компании гражданского неповиновения, направление петиций и протестов в ООН, публикации обличительных материалов в прессе метрополий и колоний.

Со второй половины 40-х годов стратегической задачей туземных лидеров и профессиональных «народных» трибунов стало добиваться максимального расширения административных полномочий африканских политических лидеров под лозунгом «национального самоопределения» населения данной колонии или подопечной территории. При этом, тогда никто из них не принимал в расчет (точнее – не говорил об этом вслух), что в насиливо централизованных квазигосударствах колоний проживают разные по уровню социального и исторического развития этнические группы, говорящие на разных языках, зачастую отнюдь не дружественные друг другу, рассматривающие «национальное

самоопределение» прежде всего как самоопределение в свою пользу. Но в 40-е – 50-е годы у радетелей «национального» самоопределения был общий враг – колониализм. Поэтому борцы за освобождение выступали, если не единым фронтом, то по одну сторону баррикад. Всякому борцу за африканскую самостийность казалось тогда, что «общенациональное» единомыслие само собой должно сохраняться и после достижения общей цели, изгнания белых властителей.

Это заблуждение при активной поддержке СССР и советской дипломатии стало всеобщим. А были уже известны печальные результаты скороспелой независимости не только в бывшем Бельгийском Конго. Но идеология, как правило, сильнее здравого смысла. Во всех бедах молодой независимой Африки принято было видеть происки и заговоры бывших ее хозяев плюс неоколониальную политику США.

Экономическая составляющая борьбы за «национальное освобождение» – грубо говоря, стремление европеизированных чернокожих политиков и профсоюзных боссов занять место белых правителей и получать соответствующие материальные выгоды – для фигурантов «национально – освободительных движений» затмевалось фейерверками политических страсти и безудержной демагогией. Для функционеров и активистов «национально – освободительных» движений обретение самоуправления имело вполне конкретное материальное содержание – улучшить лично свое общественное и экономическое положение в самоуправляемом государственном образовании за счет теплых местечек в аппаратах управления и распределения. Тут – то и вставал конкретно вопрос о будущей форме государственного устройства. В большинстве боровшихся за самоуправление африканских колоний он дебатировался вплоть до кануна провозглашения независимости.

В колониях, на территории которых до прихода белых существовали феодальные государства, среди лидеров освободительной борьбы – в основном выходцев из августейших и аристократических династий – возникали дискуссии между сторонниками унитаризма и федерализма. Как правило, сторонники федерализма выдвигали в качестве одного из доводов «за», что федеративные объединения традиционных, доколониальных африканских государств могут быть приспособлены к борьбе за независимость в условиях XX века. (Гана, Нигерия, Уганда, Руанда-Урунди, Ангола, Федерация Родезии и Ньясаленда).

4. Эволюция политических и государственных систем

То же самое можно сказать о последствиях крушения колониальных империй. Те, кто боролся за «национальное освобождение» войной или политическими мерами, достигли поставленной цели: могучие колониальные империи развалились, белые господа – эксплуататоры –

ушли из Африки. Их место заняли туземные политики, администраторы, партийные и государственные чиновники. Казалось, еще немного, еще чуть – чуть, и Африка на равных войдет в международное сообщество. Всерьез обсуждались индивидуальные и коллективные программы ускоренного социального и, главное, экономического развития новорожденных суверенных африканских государств. Восторженные оптимисты, опьяненные относительной легкостью побед над колониализмом, полагали, что Африка так же легко может самостоятельно решить большинство социальных и экономических проблем. Предложения помоши со стороны бывших хозяев и опекунов отвергались как неоколониализм.

Но, как очень скоро и крайне болезненно выяснилось, Uhuru – вожделенная Свобода – принесла Африке больше трудно решаемых проблем, чем выгод. Колонизаторы покинули континент, а вместе с ними сила, сводившая население бывших колоний в квазинации и централизованные государства. Цепь колониального или опекунского правления, сдерживавшая разгул этнических и племенных вожделений порвалась. Два демона – трайбализм и коррупция, которые были скованы цепями европейского правления, вырвались на волю и овладели свободной Африкой. В схватке за раздел пирога независимости этническая принадлежность стала определяющим фактором. Бывшие соратники «национально – освободительных» движений, достигнув цели – заняв место белых хозяев, в момент забыли, что все они дети Мамы Африки. Оказалось, что они, прежде всего – дети своих племен и этнических групп. Трайбализм, те самые географические и биологические составляющие этноса, о которых говорит Л.Н. Гумилев, правил бал независимости. Африка погрузилась в хаос гражданских войн и межэтнических конфликтов. Классическим примером стало бывшее Бельгийское Конго. За ним последовали десятки других.

По общечеловеческому обычью винить за промахи и неудачи кого угодно, но только не себя, африканцы долгое время винили во всех своих грехах, провалах и неудачах бывших хозяев. Но времена колониализма отдалялись, а экономическое положение в большинстве бывших колоний, управляемых туземными «отцами народов» стремительно ухудшалось. Попытки африканских президентов, партийных лидеров и глав военных хунт искать разрешения этнических конфликтов на пути создания федераций этнических сообществ терпели крах (Камерун, Того, Бурунди, Уганда, Руанда). Обуздать трайбализм можно было только воплощая идею образования единого народа – нации в единой стране как панацеи и гарантии от экономических и социальных беспорядков. Экономических предпосылок для скорого появления общенационального рынка, который естественным мирным

путем объединяет граждан государства в народ этого государства, в большинстве новорожденных суверенных африканских стран не было. Чтобы ускоренными темпами создавать нацию, требовалось вновь насилино сплотить полигэтнический социум в единый народ. Инструментом для этого могла быть власть тоталитарного политического режима и унитарного государства.

За первые 40 лет независимости (60-е – 90-е годы) вся Африка получила опыт административного авторитаризма власти и государственного унитаризма. Даже те страны, где формально сохранялась федеративная форма государственного устройства, в некоторые периоды имели у власти авторитарные военные или гражданские режимы. Типичный пример – Нигерия. Танзания, федеральное объединение которой произошло после обретения независимости ее составными частями, также переболела болезнью тоталитаризма и авторитаризма.

Потребовалось более трех десятилетий, смена поколений, чтобы в большинстве стран тропической Африки сложились экономические условия и появились значительные по общественному влиянию страты (классы) общества для реализации идеи сплочения населения этих стран в народ ненасильственными средствами. Классы и социальные группы объединены не принадлежностью к тому или иному этносу, а общими экономическими и политическими интересами. Не случайно в середине 90-х годов в большинстве африканских государств авторитарные режимы уступили место режимам, формируемым демократическим путем многопартийных выборов органов власти и глав государств.

С изменением внутриполитической и экономической ситуации в данной стране изменились и формы правления. Парламенты стали многопартийными, то есть отражающими социальную структуру общества. Задача учитывать в политической борьбе и сотрудничестве этнические интересы приобрела новое содержание. Первой, после мучительных экспериментов монархического и коммунистического тоталитаризма и унитаризации государства, вступила на путь федерализма Эфиопия. В 1994 г. 9 территорий, населенных однородными этносами каждая, стали штатами Федеративной Демократической Республики Эфиопия. Нельзя сказать, что опыт эфиопской федерации очевидно успешен. Вместе с тем федерация работает уже 12 лет и оказалась способна решать острые проблемы межэтнических противоречий мирным путем.

В Габоне в целях укрепления межэтнического сотрудничества пошли по пути создания в 1995 г. двухпалатного парламента. В ведении Верхней палаты – Сената – среди других находятся и вопросы межэтнических отношений 26 проживающих на территории страны этнических

ских групп. В Камеруне идея возвращения к федерации замаячила в отдаленной перспективе.

5. Будущая модель государства в Тропической Африке

В 2003–2004 годах Экономическая комиссия ООН для Африки – ЭКА – силами 2000 местных и международных экспертов провела в 28 африканских странах, в которых проживают более 78% населения континента, исследование эффективности государства. Обобщенные результаты исследования даны в документе ЭКА «Африка на пути хорошего управления»¹⁰.

Эксперты предложили обобщенное представление о «дееспособном (компетентном) государстве». Такое государство, по их определению, есть общественный институт, могущий обеспечить мир в стране и безопасность граждан, их современное коммунальное и социальное обслуживание, способный гарантировать свободу политических партий и общественных организаций, разделение полномочий властей, справедливый выборный процесс, юридические предпосылки экономического развития, борьбу с коррупцией, поразившей все без исключения обследованные страны.

Основной вывод исследования: «Единственным решением проблемы коррупции, может быть реформирование государственного управления, поскольку глубинные причины коррупции коренятся в неспособности государственных органов выполнять свои функции. Компании по борьбе с коррупцией не могут решить такие трудные задачи как реформа государственного управления и совершенствование государственной власти»¹¹.

ЭКА предлагает некую универсальную программу – пожелание африканцам создания «дееспособного государства». Рекомендуются 10 приоритетных направлений развития. Среди них: «расширить возможности законодательной власти, чтобы она могла выполнять необходимые функции», «извлечь максимальную пользу из традиционных способов управления»¹².

В случае выполнения этих благих пожеланий вопрос о форме государственной организации никак не может быть проигнорирован. В идеале все современные государства Тропической Африки в случае широкого использования «традиционных способов управления» должны были бы иметь федеративное или конфедеративное устройство. Каждая этническая группа из составляющих население (нацию) данных государств, очевидно, имеет, и еще долго будет иметь собственные экономические и политические интересы. Интеграция, сопряжение интересов различных этнических групп, приведение их к общему знаменателю путем выработки общенационального консенсуса имеет наи-

больший эффект в федеративном государстве. Идеи федерализма были весьма популярны среди лидеров и идеологов «национального освобождения» в период борьбы за политическую независимость колоний (воссоединение английского и французского Камеруна, образование Танзании, создание Соединенных штатов Нигерии, федерации княжеств Верхней Вольты, союз королевств в Уганда, Руанде и Бурунди).

Но в 60-е – 90-е годы унитарное государство оказалось более вос требованным с точки зрения сиюминутной политической и экономической выгодности правящему режиму. Дорвавшись до власти, представители определенного этноса, как правило, искали политических союзников и исполнителей из среды «своих». Исключением из этого правила стали президенты Камеруна Ахмад Ахиджу и его наследник Поль Бийя, президенты Габона Леон Мба и его наследник Омар Бонго, Джомо Кениата – в Кении, «Старик – Мзее» Джалилус Ньерере – в Танзании. В значительной мере благодаря этому Камерун, Габон, Кения, Танзания являются нам образцы политической стабильности на протяжении всей их истории как суверенных государств.

Правда, согласно данным ЭКА, правящие режимы в этих странах относятся к наиболее коррумпированным режимам на континенте¹³. В Габоне и Камеруне государство формально унитарно, но в Камеруне сильны традиции федерализма, а в Габоне двухпалатный парламент, сенат которого избирается представителями муниципальных образований. Кения и Танзания отличаются относительной однородностью в этническом смысле и единством африканского языка во всей стране.

Авторитарность административно-политической власти предполагает в качестве наилучшего и удобнейшего для управления варианта государственного устройства – унитаризм европейского образца XIX–XX в. Унитаризм государства, в свою очередь, предполагает в демографическом плане наличие единого народа, составляющего большинство населения данного государства. Таких государств, таких народов в Тропической Африке нет.

Идеальным любое государство становится лишь тогда, когда выражает экономические и политические интересы большинства населяющих его людей и учитывает в той или иной форме интересы меньшинства (меньшинств). Но подобную «роскошь» могут позволить себе лишь могущественные экономически (развитые) государства с богатыми историческими и культурными традициями в общественной жизни и менталитете большинства их населения.

В Тропической Африке нет ни одного подобного государства, и появятся они не скоро. Поэтому есть и будут общественные и этнические меньшинства недовольные своим нынешним положением в государственной системе. Главным поводом для их диссидентства будет,

как правило, выражение недовольства государственным устройством: в унитарном государстве – унитаризмом, а в федерации – «небрежением» федерального центра нуждами национальных (этнических) меньшинств.

---

¹ Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995.

² Философский словарь. М., 1975.

³ ИТАР – ТАСС 5 июля 2004 ; там же 6 июля 2004.

⁴ Африка: энциклопедический справочник. Том первый. М., 1986. С. 92.

⁵ Исмагилова Р.Н. Этничность и процессы национальной интеграции / Ангола: этносы и нация. М. 2003. С. 20.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. 1964; Универсальный словарь иностранных слов русского языка. М. 2000.

⁷ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.,1993. С. 164, 167, 178.

⁸ Мингаш Амелия. Языки, этносы и нация / Ангола: этносы и нация. М., 2003. С. 94.

⁹ Филиппов В.Р. Этничность и федерализм в постсоветской России. Опыт историографического анализа. М., 2003. Гл. 1.

¹⁰ Африка на пути хорошего управления // Пульс планеты. 10 ноября 2004.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ЭФИОПИЯ: ЭТНИЧНОСТЬ И ФЕДЕРАЛИЗМ

Этничность – долгоиграющий фактор развития

В полигэтнических государствах проблемы межэтнических взаимодействий всегда будут одними из наиболее трудных. Причина этого все не в существовании изначальных антагонизмов между разными этническими общностями, как это иногда объясняют, а в наличии социально-экономических и политических факторов как-то: борьба за ресурсы, неадекватное государственное устройство, плохое управление, намеренная мобилизация этничности в политических, конфликтных целях.

Требования этнических общностей равенства, участия в управлении на всех уровнях – неотъемлемая часть демократии. Таким требованиям отвечает федерализм, который не только обеспечивает институционные рамки для распределения и разделения политической власти, но возможность этническим общностям участвовать в процессе принятия решений.

Сохраняющаяся этническая напряженность и конфликты во многих районах мира, агрессивный национализм – причины возрастания в последние десятилетия интереса, как теоретического, так и практического, к проблемам самоопределения, государственного устройства, различным формам федерализма, автономии, включая культурную.

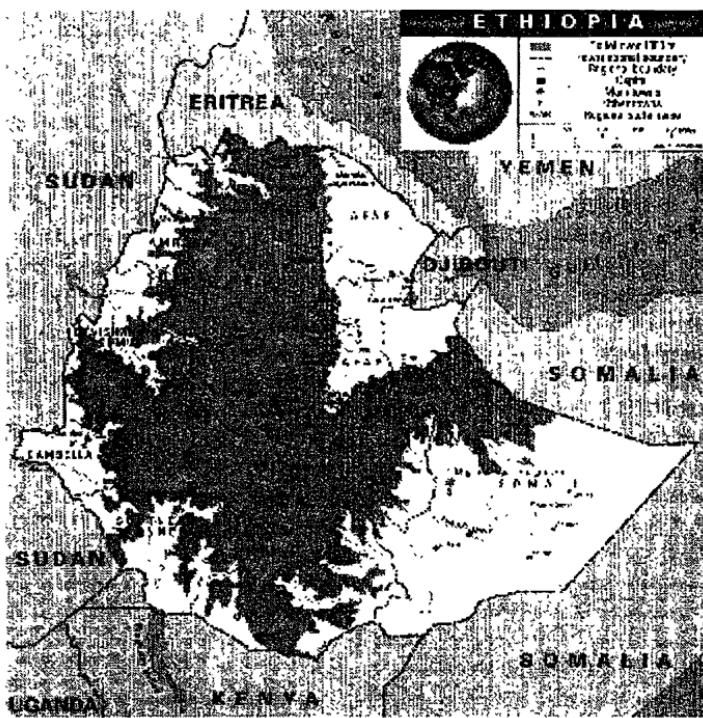
Опыт Эфиопии с ее мультикультурализмом, который, я уверена, сохранится и в будущем, является очень важным для многих государств со сложным этническим составом.

Этнополитическая ситуация в Эфиопии как в прошлом, так и ныне, является очень сложной.

Едва ли можно с большой долей достоверности назвать точное число этнических групп, населяющих Эфиопию. Согласно последней переписи населения 1994 г., в стране насчитывалось более 80 этнических групп¹. Американский ученый Д.Левин приводит названия 135 различных этнических подгрупп².

Самые многочисленные народы Эфиопии по переписи населения 1994 г. оромо – 17 млн. чел., амхара – 16 млн. Они составляют около 65% населения.

Амхаризация в период правления Хайле Селассие была серьезной причиной неудовлетворенности, этнической напряженности и конфликтов. До сегодняшнего дня в стране существует этническая стратификация. Самое высокое положение в обществе всегда занимали амхара.

Источник: Kjetil Tronvoll. Ethiopia: A New Start? Minority Rights Group International. L., 2000, p.4.

Ниже них на иерархической лестнице располагались другие народы: тыграй, оromo, гураге и другие. Еще ниже – омотские и нилотские народы³. На самой нижней ступени находились шанкелла, барейя, аагу. Именно эти народы были источником рабов, начиная с XV в., и названия "шанкелла", "барейя" стали синонимом слова "раб". Эти группы населения традиционно рассматривались как парии⁴.

Господство тыграй после падения режима Менгисту является причиной недовольства многих этнических групп, и в первую очередь амхара, потерявших свое доминирующее положение, а также оromo, афар и др.⁵

В последние годы некоторые политики выдвигают идею создания большого штата Тыграй путем присоединения к существующему штату тыграй, живущих в соседней Эритрее. Оромо, наиболее многочис-

ленный народ страны, никогда не играли большой роли в управлении ею, и ныне их статус не изменился. Они разделены на несколько политических фракций, одна из которых – Фронт освобождения оромо – выступает за отделение от Эфиопии и создание независимого государства "Оромия".

Амхара были одной из наиболее привилегированных этнических групп страны. Потеря ими ныне господствующего положения в политике вызывает горечь и озлобление.

Сомали – небольшая по численности этническая группа. Но они населяют компактную территорию (Огаден) и открыто выражают свое недовольство существующим положением. Некоторые группы сомали (Ал-Итхад Ал-Ислам), которая играет лидирующую роль в процессе этнической мобилизации, стоит на открыто сепаратистских позициях. В настоящее время эфиопское правительство контролирует ситуацию в Огадене путем административных и политических мер. Однако, как полагают некоторые ученые, если соседнее государство Сомали объединится с главой огаденского клана, стабильность в этом регионе Эфиопии едва ли сохранится⁶.

На межэтнические отношения также воздействуют этнические стереотипы, такие социальные структуры и институты, как профессиональные касты, домашнее рабство, иерархия кланов, которые продолжают существовать в Эфиопии, как и во многих странах Африки. До сих пор физический труд и ремесло (кузнечество, ткачество, крашениe, обработка дерева и др.) считаются у некоторых народов унизительным занятием⁷.

Во времена полевых исследований в Эфиопии в феврале-апреле 1992 г. автор изучала сохраняющиеся традиционные структуры, такие как профессиональные касты, остатки домашнего рабства, система гада у оромо, этническая стратификация, этнические предрасудки и предубеждения и их роль в современном эфиопском обществе⁸.

Многие существующие стереотипы возникли в далеком прошлом. Они передаются из поколения в поколение и неважно какое высокое положение в обществе может занимать человек (даже в высших эшелонах власти) окружающие всегда помнят его предков рабов даже в седьмом поколении. По данным моих информаторов, традиция по сей день считает потомков рабов людьми второго сорта.

Этничность в Эфиопии проявляется в различных сферах – в деятельности партий, в функционировании правящих органов власти, в армии, в общественной и экономической жизни, в области культуры и т.д.

Ныне действующие в Эфиопии партии и организации в реальности выражают интересы той или иной этнической группы, хотя лидеры этих партий могут категорически отрицать это.

Для большинства эфиопов их этническая принадлежность значит больше, чем общеэфиопская идентичность. На вопрос "кто Вы по этнической принадлежности?" ответ будет: "я – амхара", "я – гураге" и т.д. Эфиопия ни в коей мере не является исключением: в Нигерии на тот же вопрос Вам ответят "я – йоруба", "я – игбо" и т.д., в ЮАР – "я – кока", "я – зулу".

Этничность, этнические чувства используются политиками в различных целях. Социальная дифференциация по этническим границам, неравный доступ к властным структурам, правовая и культурная дискриминация, сохраняющаяся этническая иерархия и негативные этнические предубеждения и стереотипы – причины возникновения напряженности и вместе с тем необходимые условия для этнической мобилизации.

Федерализм в Эфиопии

Одним из важных механизмов решения этнических проблем в политических обществах является такая форма государственного устройства, как федерация. Существуют 2 основных точки зрения, касающиеся принципа создания федерации: одни ученые и практики считают, что в ее основу должен быть положен этнический принцип, другие выступают за территориальный (с учетом или без учета этнокультурного фактора). Эти концепции отражают существующую реальность.

Каждое федеративное государство имеет свои особенности. Они обусловлены степенью гетерогенности – гомогенности этнолингвистической структуры, разнотипностью политических и социально-экономических систем субъектов федерации и т.д. Общим признаком всех федераций является разделение полномочий между центральной властью и субъектами федерации.

Рассмотрим систему федерализма в Эфиопии.

Новое правительство, пришедшее к власти после свержения в 1991 г. антидемократического режима, официально признало этнический фактор в качестве основного принципа или критерия организации государственного управления в мультиэтнической и мультилингвистической Эфиопии.

По Конституции 1994 г. Федеративная Демократическая Республика Эфиопия (ФДРЭ) состоит из 9 штатов, которые являются субъектами федерации: Тыграй, Афар, Амхара, Оромия, Сомали, Бенишангул/Гумуз, Южные нации, национальности и народы, Народы Гамбелы, Народ Харари⁹.

Штаты создаются на основе территориального принципа, идентичности, языка и согласия соответствующего народа (ст.46, 2 Конститу-

ции ФДРЭ). Субъекты федерации – штаты – обладают равными правами и властью (ст.47, 4).

Изучение этнического состава штатов показывает, что ни один из них не является однородным. Помимо "титульной" национальности, которая дает название тому или иному штату, в каждом из них имеются постоянно живущие там представители других народов. Так например, в штате Оромия 85 % составляют оромо, 9,1 – амхара, 1,3 – гураге, 4,6 – прочие. В Гамбеле 40 – нуэр, 27 – ануак, 8 – амхара, 6 – оромо, 5,8 – меджангир, 4,1 – кеффа, 2 – моча, 1,6 – тигре, 5,5 – прочие.

В ряде штатов этнические меньшинства составляют от 3 до 8% населения (см. таблицу 1)

Таблица 1. Этнический состав штатов

Штаты	Население (в тыс. чел.)	Этнический состав (%)
Тиграй	3136267	94,98 – тигре, 2,6 – амхара, 0,7 – ероп, 0,05 – кунама
Амхара	13834297	91,2 – амхара, 3,0 – оромо, 2,7 – агай / ави, 1,2 – кемант, 1,0 – агай / кемера
Афар	1106383	91,8 – афар, 4,5 – амхара, 0,92 – аргоба, 0,82 – тигре, 0,78 – оромо, 0,45 – уолайта, 0,013 – хадийя
Оромия	18732525	85,0 – оромо, 9,1 – амхара, 1,3 – гураге, 4,6 – прочие
Сомали	3439860	95,6 – сомали, 2,25 – оромо, 0,69 – амхара, 0,14 – гураге,
Южные нации, национальности и народы	10377028	18,0 – сидама, 14,72 – гураге, 11,53 – уолайта, 8,53 – хадийя, 5,22 – кеффа, 4,35 – кембата
Гамбела	181862	40,0 – нуэр, 27,0 – ануак, 8,0 – амхара, 6,0 – оромо, 5,8 – меджангир, 4,1 – кеффа, 2,0 – моча, 1,6 – тигре, 5,5 – прочие
Бенишангул / Гумуз	460459	26,7 – берта, 23,4 – гумуз, 22,2 – амхара, 12,8 – оромо, 6,9 – шинаша, 8,0 – прочие
Харари	131139	52,3 – оромо, 32,6 – амхара, 7,1 – харари, 3,2 – гураге

Источник: The 1994 Ethiopian Population and Housing Census. Addis Ababa, 1995.

Каждый штат автономен в управлении своим регионом и использует свой язык в системе администрации и образовании.

Низшим звеном в региональной системе управления является вереда (иногда переводится как "дистрикт"). В Конституции Эфиопии есть специальная статья, посвященная принципам решения этнических проблем: "Права наций, национальностей и народов" (ст.39). В виду ее важности и для других полигэтнических государств есть смысл привести подробные выдержки из нее:

"1. Каждая нация, национальность и народ в Эфиопии имеет безусловное право на самоопределение, включая право на отделение.

2. Каждая нация, национальность и народ в Эфиопии имеет право говорить и развивать свой язык; способствовать развитию своей культуры и сохранять свое историческое прошлое.

3. Каждая нация, национальность и народ в Эфиопии имеет право осуществлять самоуправление, т.е. право на создание местных институтов управления и равного представительства на региональном и федеральном уровне.

4. Нация, национальность или народ понимается в Конституции как группа людей, разделяющих в большой степени общность культуры или обычай, имеют взаимопонимаемый язык, общую или близкую идентичность и населяют общую территорию."

В отличие от конституций других африканских стран, а большинство из них вообще не употребляет этот термин, в Конституции Эфиопии имеется специальный раздел, в котором говорится не только о праве на самоопределение, но подчеркивается "включая отделение" и прописана процедура достижения этого.

"Требование отделения должно быть одобрено 2/3 членов законодательного совета любой нации, национальности или народа." После получения решения законодательного совета федеральное правительство в течение трех лет должно провести референдум, на котором требование об отделении должно быть поддержано большинством голосов. Затем федеральное правительство передает полномочия народу или его совету, что подтверждается изданием соответствующего закона.

Но одно дело провозгласить хорошие принципы и другое – воплотить их в жизнь.

Некоторые наблюдатели и ученые отмечают нарушение прав человека, излишнюю централизацию, жесткий контроль правительства и правящей партии Демократического революционного фронта эфиопских народов (Ethiopian People's Democratic Revolutionary Front). Имеются случаи, когда региональные собрания возглавляют чиновники, назначенные федеральным правительством¹⁰.

Не всегда ясны критерии создания штатов. Хотя в основу положен этнолингвистический принцип, только немногие достаточно крупные этнические общности получили свои штаты. В то же время небольшая по численности группа харари, насчитывающая несколько тысяч человек, выделена в особый штат. Другая аномалия: в штате с весьма странным названием "Южные нации, национальности и народы" проживает свыше 40 этнических групп, значительно отличающихся друг от друга по языку, культуре, уровню социально-экономического и культурного развития. Еще пример. При Переходном правительстве было 14 регионов (ныне 9 штатов) и сидама были выделены в регион. По численности населения, экономическим и любым другим критериям сидама заслуживают того, чтобы иметь свой штат подобно бенишангул, харари и другим народам. Но ныне сидама входят в состав южного региона. Почему? Не понятно.

В некоторых штатах с сложным этническим составом были созданы полуавтономные зоны и вереды на узко этнической основе. Существуют вереды у консо, у гидоле, у меджангир и др. В целом же административные границы в регионе и на уровне зон не соответствуют границам этнотерриторий и, как отмечалось выше, ни один штат не является гомогенным. Эти факторы осложняют процесс федерализации, делая неизбежными выдвижение меньшинствами политических требований.

Вопрос о защите прав меньшинств в эфиопской федерации весьма туманный.

По Конституции они имеют представительство в обеих палатах парламента – в Палате представителей и в Палате федерации.

Палата представителей – высшая законодательная власть в стране. Из 550 членов Палаты меньшинствам отводится лишь 20 мест¹¹.

Палата федерации наделена большими законодательными полномочиями и определяет критерии налогово-бюджетных поступлений правительствам штатов. Последние же в свою очередь назначают 108 представителей на пятилетний срок. Каждая этническая группа имеет в Палате федерации по одному представителю. Этносы насчитывающие 1 млн. человек имеют одного дополнительного представителя (ст.61).

Конституция относит к "меньшинствам" народы, насчитывающие менее 100 тыс. человек. Кроме этого из Конституции неясно какие народы Эфиопии являются меньшинствами? Каков критерий для определения статуса меньшинств? Каков механизм гарантии их интересов и прав и др.

Как говорилось выше, в южный регион входят более 40 различных народов. Это привело к возникновению проблемы меньшинств внутри самих меньшинств. Некоторые из них выступили с требованиями создания для них специальных административных единиц.

Конституция Эфиопии особенно ее этнофедеральный характер подвергаются острой критике рядом ученых (Дж.Коэн, Й.Аббинк, М.Оттаэй, Т.Вестал, М.Кидане и др.).

Обращается внимание на то, что многие ее статьи, касающиеся, например, фундаментальных прав, свободы религии, свободы ассоциаций и т.д. вступают в явное противоречие с действительностью.

Несомненно, принципы равенства народов, провозглашенные эфиопской Конституцией, очень важны, но многое еще предстоит сделать, чтобы ликвидировать существующее неравенство разных этнических групп. Принципы решения этнических проблем, изложенные в Конституции, являются основой для формулирования национальной политики. Конкретные формы воплощения провозглашенных Конституцией принципов зависят от многих внутренних и внешних факторов, особенностей исторического, социально-экономического, политического и культурного развития каждого из штатов. В некоторых случаях народы, долгие годы жившие в атмосфере взаимной вражды и недоверия, нуждаются в более основательных гарантиях своих интересов, чем формальное провозглашение их равенства.

Во многих обществах, особенно в сельских районах, традиции и обычное право подчас играют более значительную роль, чем гражданское право. Все эти факторы не должны игнорироваться ни исследователями, ни политиками, воплощающими в реальную жизнь конституционные принципы. К сожалению, многие хорошие принципы остаются как декларации и для существенных изменений требуется время.

Заключение

Корни межэтнической напряженности в современной Эфиопии коренятся в национальной политике Хайле Селассие и в особенности режима Менгисту Хайле Мариама. Требуется немало времени для изживания подобного тяжелого наследия прошлого.

Отсутствие общеразделяемой гражданской идентичности эфиопов, усиление сепаратистских и изоляционистских тенденций в некоторых регионах страны, и как следствие – рост этнического национализма и дезинтеграционных этнокультурных процессов затрудняют в большой мере процесс федерализации. В перспективе главными представляются усилия по поддержке культурного многообразия населения страны и одновременно поощрение интеграционных процессов по созданию общеэфиопской общности.

Конечно, огромным тормозом в осуществлении подобных программ является экономическая отсталость страны, отсутствие необходимых финансовых средств, политическая нестабильность, отчужден-

ность этнической периферии от остального государства и основного населения страны.

Важным направлением, по-видимому, могла бы стать большая инкорпорация разных этнических групп с тем, чтобы придать центральной федеральной власти многокультурный облик.

Существование штатов в составе Эфиопии является важнейшей формой этнотERRиториального самоопределения, и дальнейшее развитие федерализма, разнообразных и разностатусных взаимоотношений с федеральным центром и другими субъектами федерации, по-видимому, должны не только формулироваться, как одна из приоритетных задач государственной этнической политики федерального уровня и штатов, но и претворяться в жизнь.

Вместе с тем, в условиях этнического многообразия, когда, естественно, не все народы могут иметь свои штаты, важное значение приобретает экстерриториальная этнокультурная автономия. Это – важная форма самоопределения.

Субъектом этнокультурной автономии могут быть любые этнические сообщества независимо от территории расселения, статуса и численности. Этнокультурная автономия – это не только право на сохранение этнокультурных особенностей того или иного народа и право общинной собственности, но, что очень важно – право на особые формы политического представительства и на законодательную инициативу. Это право на участие, включая управление государством.

Этнический национализм, нередко приобретающий агрессивные формы, служит средством политической мобилизации, обеспечения приоритетного доступа лиц так называемой титульной национальности к власти и ресурсам. Насколько это серьезный фактор показывают события в бывшем Советском Союзе: именно этнический национализм стал одной из важных причин распада СССР. Он сохраняет сильные позиции и в постсоветских государствах.

В то же время едва ли было бы правильным считать все националистические движения сепаратистскими. Это относится в первую очередь к оromo, самой многочисленной этнической группе в Эфиопии, имеющей право на то, чтобы играть большую роль в политической жизни страны.

Единственное решение – это разработать механизм сосуществования различных этносов со своими традиционными культурами, религиями и т.д. Идет ли речь об оromo Эфиопии, нилотских народах Южного Судана и др.– это этническая элита и определенные политические группировки, а не этносы как общности, которые выступают за самоопределение якобы защищая интересы своих народов. Отделение – не единственный способ этнического самоопределения. Оно может быть

реализовано путем создания федерации, конфедерации, различных форм автономии.

Конечно, излишний централизм, бедность, отсутствие способностей и человеческих ресурсов для управления такими сложными в этническом отношении регионами, как южный штат, Бенишангул, Гамбела, Сомали, продолжающиеся этнические конфликты вместе с все возрастающей этнической мобилизацией и политизацией этничности значительно затрудняют процесс федерализации.

По мнению С.Джоирман и Т.Шаны, в Эфиопии система социальной стратификации не подверглась изменению. Более того, "нормы социальной терпимости меняются в сторону усиления нетерпимости и укрепления этнической солидарности". Они считают, что со времени ратификации новой Конституции этнические группы и этническая идентичность стали играть еще большую роль в политике и обществе. Этничность определяет кадровые назначения в регионах, политические симпатии и партийную принадлежность¹².

Федерализм нужен прежде всего для того, чтобы приблизить институты власти к интересам и нуждам различных этнокультурных общинностей, живущих в одном государстве, обеспечить условия для сохранения и развития культур народов, способствовать изживанию межэтнической напряженности и конфликтов.

Насколько федерализм в Эфиопии отвечает этой цели? При всех его недостатках, иногда с большими оговорками, имея в виду лишь тенденции, можно назвать некоторые позитивные моменты утверждения этнического федерализма в Эфиопии на данном этапе исторического развития:

- законодательное закрепление и передача властных полномочий штатам;
- создание местных органов самоуправления, что дает возможность (при всех имеющихся недостатках) решать значительную часть проблем, как в области сохранения этнокультурного многообразия, так и в сфере налаживания межэтнических отношений;
- приданье федеральному центру мультикультурного характера;
- предоставление гражданам возможности изучения и использования в обучении родных языков;
- законодательное закрепление основ этнокультурной автономии путем создания в некоторых штатах зон и веред на узкоэтнической основе.

Вместе с тем, события в Эфиопии показывают, что этнофедерализм пока не привел к существенному улучшению межэтнических отношений. Более того, после выборов в мае 2005 г. этнополитическая ситуация в стране крайне обострилась. Открытое недовольство ряда этничес-

ских групп политикой правительства вызвало массовые репрессии со стороны официальных властей. В апреле 2006 г. были арестованы и преданы суду по обвинению в государственной измене 130 руководителей Коалиции альтернативных сил за мир и демократию в Эфиопии.

Будущее Эфиопии как федерации, ее политическая стабильность во многом зависит от того, как сложатся отношения не только между амхара, тыграй и оромо, но и от того, насколько успешно правительству удастся вовлечь в процесс федерализации многочисленные этнические меньшинства, воплотить в жизнь принципы равенства всех народов, заложенные в Конституции.

---

¹ The 1994 Ethiopian Population and Housing Census. Addis Ababa, 1995.

² Levine D.N. Greater Ethiopia. The Evolution of a Multiethnic Society. 2nd ed. Chicago, London, 2000. P. 188–197.

³ См.: Shack W.A. Urban ethnicity and cultural process of urbanization in Ethiopia // Urban Anthropology. Ed. A.Southall. New York, 1973.

⁴ См.: Pankhurst R. The history of Bareya, Shanquella and other Ethiopian slaves from the borderland of Sudan // Paper submitted to the Conference on Ethiopian Feudalism. Addis Ababa, 1976. P. 41.

⁵ Abbink J. Breaking and making the state: the dynamics of ethnic democracy in Ethiopia // Journal of Contemporary African Studies. 1995. Vol. 13. № 2; Walle Engdayehu. Ethiopia: democracy and the politics of ethnicity // Africa Today. 1993. Vol. 40. № 2.

⁶ Szayna, T.S. Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model. Santa Monica. Ca. 2000. P. 214.

⁷ Baker J. Functional castes in feudal Ethiopia // Paper prepared for the Conference on Ethiopian Feudalism. 1976; Lewis H.S. Wealth, influence and prestige among the Shoa Galla // Social Stratification in Africa. Eds. A. Tuden, L. Plotnikow. New York, 1970; Shack W.A. Notes on occupational castes among the Gurage of South-West Ethiopia // Man. 1964. № 54. P. 50-52; Haile Wolde Michael. The Lack of Psychic Mobility and its Implication for Nation Building. Addis Ababa, 1971.

⁸ См.: Ismagilova R. Traditional structures in the current ethno-cultural process of Ethiopia // Papers of the 12th International Conference of Ethiopian Studies. Lawrenceville, 1994. P.871-879.

⁹ The Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. Addis Ababa, 1995. Art.47.

¹⁰ Persecuting the Oromos. The Ethiopian Medhin Democratic Party (MEDHIN). s.l., s.a.

¹¹ The Constitution... Art 50, 54 (3).

¹² Szayna T.S. Op.cit. P.206.

РЕСПУБЛИКА КОНГО: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2002 ГОДА

Процесс проведения политических реформ в Республике Конго, бегущий начало с конца 80-х годов XX столетия, проходил крайне болезненно. Уже первые шаги в этом направлении, в частности введение многопартийности, вызвали обострение внутриполитической ситуации, усиление межэтнических противоречий, рост противостояния власти и оппозиции и в конечном счете привели к вооруженным действиям и развязыванию гражданских войн. Вооруженные конфликты стали своего рода нормой развития страны в 90-е годы. В этот период многие разногласия и противоречия выливались в гражданские войны: в июне 1993 г. – январе 1994 г. война стала реакцией на итоги парламентских выборов, которые не устроили оппозиционные силы; в июне 1997 г. – октябре 1997 г. вооруженные столкновения начались в преддверии президентских выборов, когда в конфликт между властью и оппозицией, кроме вооруженных сил, были втянуты вооруженные отряды народной милиции (вооруженные формирования конфронтирующих политических группировок).

Завершились военные действия победой сторонников Д. Сассу-Нгессо, бывшего президентом Конго в 1979 – 1992 годах, и возвращением его к власти. 25 октября 1997 г. после объявления Д. Сассу-Нгессо президентом последовало введение в стране трехлетнего переходного периода, главной целью которого стало достижение национального примирения и восстановление конституционных форм правления.

Составшийся в январе 1998 г. Форум по примирению и единству явился первым шагом на пути преодоления разногласий с оппозицией, прекращения военных действий и начала процесса разоружения. Однако только после Второй общенациональной конференции (апрель 2001 г.) и принятия Конвенции о мире, в которой все политические, общественные и повстанческие организации страны заявили об отказе использовать вооруженные средства в решении спорных вопросов, появилась реальная возможность обеспечения в стране мира и стабильности. Однако, несмотря на подписание мирных соглашений, отдельные очаги нестабильности сохранились, в частности в области Пул. Именно с представителями вооруженных отрядов, действовавших в этом районе в марте 2003 г. было подписано последнее – итоговое – мирное соглашение, положившее конец тяжелым столкновениям между правитель-

ственными войсками и силами сопротивления. Уже к маю 2003 г. было разоружено более 2,6 тысяч повстанцев, которые после амнистии получили возможность интегрироваться в национальные вооруженные силы или вернуться к мирной жизни.

Летом 2001 г. прошла перепись населения, в январе 2002 г. – референдум по Конституции, в марте – президентские, а в мае – июне – парламентские выборы. Президентские выборы в первом же туре обеспечили убедительную победу действующему президенту Д. Сассу-Нгессо, набравшему 89% голосов избирателей и юридически закрепившему свои президентские полномочия по новой Конституции на семилетний срок, т.е. до 2009 г.¹ Несмотря на победу Д. Сассу-Нгессо на выборах, не обошлось без скандала. Один из 12 претендентов на президентский пост – Андрэ Милонго, лидер партии Союз за демократию и республику, призвал избирателей бойкотировать выборы, снял свою кандидатуру и обвинил власти в махинациях.

Тем не менее выборы были признаны состоявшимися, а их итоги – законными. Пропрезидентский блок партий – Объединение демократических сил, ядром которого является Конголезская партия труда (КПТ), – одержал убедительную победу на парламентских выборах: он получил 83 из 153 мест в Национальном собрании, 56 из 66 мандатов в Сенате². Доверие, оказанное избирателями Д. Сассу-Нгессо и стоящим за ним партиям, позволило находящимся у власти силам продолжить начатые в стране реформы в политической, социальной и экономической сферах.

Гражданские войны нанесли серьезный урон хозяйству Конго. В кризисном состоянии находились практически все сферы экономики. Поэтому принятие неотложных мер по преодолению этих негативных явлений стало главной экономической задачей конголезских властей: в стране реализуются антикризисные программы, программы восстановления и подъема экономики, преодоления нищеты и бедности, разработанные при участии экспертов МВФ и Всемирного банка и предусматривающие привлечение значительной внешней финансовой помощи целевого назначения.

За последние годы несколько стабилизировались макроэкономические показатели: среднегодовой темп прироста ВВП в 2003–2005 гг. составил 4% (2005 г. – 7,5%) по сравнению с 2% в 1994–2002 гг. (1994 г. – 4,5%, 1999 г. – 4,3%); инфляция сократилась с 9,3% в 1994–2002 гг. (в 1994 г. – 42,4%) до 0,8% в 2003–2005 гг.³

Вместе с тем Конго занимает 136 место среди 173 стран мира по индексу человеческого развития, первое место в мире по уровню задолженности на душу населения – 2,3 тыс. долл., 50% экономически ак-

тивного населения – безработные, среди молодежи этот показатель достигает 90%.

С 80-х годов нефтяная промышленность – ведущая отрасль конголезской экономики. Здесь формируется около 60% ВВП. Нефтяные доходы (525,4 млрд. афр. фр., 2004 г.) – главный источник бюджетных (от 60 до 80%) и экспортных (более 90%) поступлений страны⁴. Добычу нефти на территории Конго ведут группа TotalFinElf (возникла в 2000 г. в результате слияния французской и бельгийской компаний, осуществляет 2/3 операций) и итальянская компания Agip (25% нефтедобычи), активизируются американские, английские и голландские компании. В настоящее время разрабатываются следующие месторождения: Emeraud (с 1972 г.), Loango (с 1977 г.), Likouala (с 1980 г.), Yanga (с 1981 г.), Sendji (с 1984 г.), Tchibouéla (с 1986/1987 гг.), Zatchi (с 1986/1987 гг.), Tchendo (с 1991 г.), Ncossa (с 1996 г.), Kitina (с 1998 г.), Kombi, Likalala (с 1999 г.), Tchibéli (с 2000 г.), Moho Bilondo (с 2005 г.)⁵. По Нефтяному кодексу с января 1996 г. процент отчислений государству от добычи нефти увеличился с 17 до 32.

Несмотря на успехи страны в добыче нефти (максимальный показатель добычи – до 13,3 млн. т в 2000 г., в 2005 г. – 12,7 млн. т), наблюдается тенденция к сокращению объемов добычи нефти⁶. Это связано не только с последствиями вооруженных действий, но и с эксплуатацией старых месторождений, запасы которых исчерпаны, с задержками в освоении и введении в эксплуатацию новых месторождений. В результате в 2005 г. Конго переместилось с четвертого на пятое место в Африке к югу от Сахары по уровню добычи нефти после Нигерии, Анголы, Габона и Экваториальной Гвинеи⁷.

Появились новые крупные проекты, направленные на диверсификацию структуры экономики и обеспечение отхода от односторонней ориентации национальной экономики на нефтяной сектор. Одним из таких проектов является развитие горнодобывающей промышленности, в частности разработка месторождения магния в районе Квилю на Атлантическом побережье в районе Пузант-Нуара. Запасы руды оцениваются здесь в 800 млрд. т. Освоение месторождения, строительство горнодобывающего и перерабатывающего комплексов стоимостью 820 млн. долл. взяла на себя канадская компания Magnesium Alloy Corporation. Разработка месторождения уже в ближайшие годы (начать ее предполагается в 2007 г.) может вывести Конго в мировые экспортёры магния (60 тыс. т в год)⁸. Параллельно будет вестись добыча калийной соли, кальция хлорида и хлорида.

Перспективными являются лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность. Несмотря на восстановление прежних абсолютных объемов заготовки ценных пород древесины (в 90-е годы от

510 до 833, т.е в среднем около 622 тыс. куб. м в год; в 2000–2005 годы – от 630 до 1352, т.е. около 1094 тыс. куб. м в год) и искусственных посадок эвкалипта (дают более 400 тыс. куб. м), доля этого сектора в экспортных поступлениях страны не превышает 6%. В стране имеются потенциальные возможности не только для увеличения объемов заготовок (леса занимают более 22 млн. га), но и развития перерабатывающих мощностей в этой области⁹.

Несколько ослаб интерес к приватизационным программам, которым в 90-е годы отводилось приоритетное значение, замедлился процесс денационализации предприятий государственного сектора. Принятый еще в 1994 г. Закон о приватизации и разработанная на его основе программа фактически с огромными усилиями выполнена только на 1/3. Из 104 зарегистрированных государственных предприятий реально действовало 41, они и стали главным объектом программы приватизации. Политическая нестабильность в стране внесла свои негативные корректизы в ее реализацию. В целом не оправдались и ожидания, связанные с результатами приватизации. К 2005 г. правительство уже более осторожно заявляло о своих планах в этой сфере.

Решение структурных экономических задач требует наличия определенного уровня энергетического потенциала и определенного уровня развития транспортной инфраструктуры. Сегодня Конго производит 350 млн. кВт, потребляет около 600 млн. кВтч, т.е. удовлетворяет национальные потребности только на 58%¹⁰. Основные транспортные артерии страны – железная дорога Конго – Океан и автотрасса, соединяющая Бразавиль с Пуэнт-Нуаром, нуждаются в капитальном ремонте. Поэтому реализация крупных национальных проектов потребует введения новых энергетических мощностей и восстановления транспортной инфраструктуры. В этой связи энергетика и транспорт приобретают первоочередное значение.

Таким образом, после череды гражданских войн и политических кризисов, охвативших Конго в 90-е годы, в 2002–2005 годы, страна обрела относительную политическую стабильность, которая начинает положительно влиять на развитие экономической и социальной сфер.

---

¹ www.electionworld.org

² www.electionworld.org.

³ Africa South of the Sahara. L., 1994–2005; Marchés Tropicaux. No 2921. 2 novembre 2001. P. 2200; Banque de France. Rapport Zone franc – 2002. P. 225–233; Banque de France. Rapport Zone franc – 2003. P. 225–233; Banque de France. Rapport Zone franc – 2004. P. 221–229.

---

⁴ www.eia.doe.gov

⁵ www.eia.doe.gov

⁶ www. eia.doe.gov

⁷ www. eia.doe.gov

⁸ Jeune Afrique l'intelligent, No 2292. P. VI.

⁹ www.izf.net; IMF Country Report. No 01/03, 2001; IMF Country Report. No 03/184, 2003.

¹⁰ CIA – The World Factbook – 2006.

УГАНДА: ГОСУДАРСТВО И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Нынешнее руководство Республики Уганды (политическая организация Национальное движение сопротивления – ныне партия, во главе с его председателем Й.К.Мусевени, принявшего присягу президента) пришло к власти в январе 1986 г., получив в наследство разрушенную экономику и хаос в политической и социальной жизни общества. Такая ситуация сложилась в результате 8-летнего правления мало компетентного в государственных делах диктатора И.Амина (1971–1979 гг.) и последовавшей после его изгнания гражданской войны и периода политической нестабильности первой половины 80-х годов.

Валовой внутренний продукт за период с 1970 по 1985 гг. снизился в целом на 11%. Темп его роста в 1985 г. был отрицательным и составил – 5,5%. ВВП на душу населения регрессировал на 43% и в 1985 г. не превышал 86 долларов. ВВП в современном аграрном секторе снизился на 45%¹. В других секторах (горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, электроснабжение, строительство, торговля, транспорт, сфера услуг) он снизился еще больше – на 66%. Многие промышленные предприятия (в частности, сахарные заводы, общая мощность которых достигала 160 тыс. т продукции в год) прекратили свою деятельность, другие – использовали производственные мощности всего на 10–20%².

Предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья также работали с минимальной загрузкой. Пострадал транспортный сектор: дороги не ремонтировались, автопарк в ходе военных действий был значительно поврежден, железные дороги требовали ремонта, не хватало соответствующего оборудования. Почти полностью прекратилась добыча и переработка полезных ископаемых, на 60% сократилось строительство.

Увеличение доли сельского хозяйства в совокупном продукте страны с 20,5% до 31,4% свидетельствовало о том, что крестьянство Уганды переключилось на выращивание преимущественно потребительских культур, производство же товарных культур за период с 1970 г. до 1985 г. снизилось на 30%³.

Финансовое положение страны в середине 80-х годов также находилось в кризисном состоянии из-за развала экономики, оттока иностранного и национального капитала. К 1986 г. 60% средств угандинского частного бизнеса хранилось за пределами страны⁴.

Прекратился экспорт многих товаров – сахара, хлопка, растительного масла, химических удобрений, текстиля и др. Уганда стала импортировать практически все потребительские товары, вследствие чего поступления от экспорта резко сократились, а расходы на импорт возросли. Увеличившийся бюджетный дефицит покрывался за счет дополнительной эмиссии, в результате чего ежегодные темпы инфляции составляли не менее 120%.

Внешняя помощь Уганде в первые 16 лет независимости была сравнительно небольшой. При президенте М.Оботе (1962–1971 гг.) власти проводили политику, направленную на некапиталистическое развитие общества, и, следовательно, рассчитывать на сколько-нибудь значительную помощь извне не приходилось. В ограниченных масштабах поступала внешняя помощь и в период правления И.Амина. Тогда (1962–1978 гг.) внешние финансовые обязательства равнялись 357 млн. долл. США. Международные финансовые организации и отдельные страны оказали Уганде более существенную поддержку в 1981–1984 гг., когда М.Оботе, вторично пришедший к власти, пытался восстановить экономику по рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ). Однако в 1985 г. из-за обострившейся внутриполитической обстановки эта помощь была приостановлена⁵. К 1985 г. внешний долг Уганды составил более 1,4 млрд. долл. США, ежегодные выплаты по нему – 200 млн. долларов⁶.

Придя к власти, НДС и его лидер Й.Мусевени уже располагали документом о перспективах развития страны – программой из 10 пунктов, разработанной в годы борьбы против режима М.Оботе. В ней говорилось о необходимости создания эффективной экономики на основе самообеспечения и опоры на внутренние ресурсы, сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства, совершенствования системы социального обеспечения населения. Определялись конкретные задачи на ближайшую перспективу – восстановление разоренныхвойной районов, борьбы с коррупцией, проведение аграрной реформы путем справедливого перераспределения земельных наделов, пересмотр уровня заработка платы. Все эти меры предполагалось осуществить на принципах государственного регулирования. Однако в документе отсутствовало главное – определение источников финансирования для выполнения этих задач⁷.

Сформировав правительство национального единства (в его состав вошли представители разных слоев общества, в том числе оппозиционных партий), новое руководство в первую очередь приступило к восстановлению экономики, как и предполагалось, на принципах государственного регулирования. Правительство подготовило «Чрезвычайную программу восстановления страны», повысило закупочные цены на

экспортные культуры, установило контроль над ценами на товары первой необходимости, снизило налоги на необходимую стране импортируемую продукцию, ввело двойной курс обмена валюты, начало развивать бартерную торговлю. В результате увеличился экспорт кофе, были несколько снижены бюджетные расходы, в страну начали поступать товары по бартерному обмену, но нормализовать экономическую ситуацию в целом властям не удалось. Уганда не имела необходимых материальных ресурсов на ее восстановление.

МБ и МВФ, к которым обратилась страна за финансовой помощью, согласились выделить необходимые средства на условиях перестройки экономики на либеральных принципах по предлагаемым ими стабилизационным программам. Страна вынуждена была принять эти условия. Реформирование экономики Уганды происходило в три этапа. На первом этапе осуществлялись меры по возрождению и стабилизации социально-экономической структуры общества. Основная его цель состояла в укреплении финансовой дисциплины, которая позднее содействовала достижению макроэкономической стабильности, а также восстановлении деятельности производственных предприятий и социальных институтов.

Второй этап заключался в выравнивании структурных дисбалансов в экономике. Реформы касались финансовой и банковской сферы, налоговой системы, государственной собственности, реструктуризации внешнего долга, торговли и сферы партнерства государственного и частного секторов. В результате в течение 90-х годов была достигнута макроэкономическая стабильность.

На третьем этапе (продолжающемся и ныне) осуществляются меры по поддержанию и укреплению макроэкономической стабильности, в том числе внедрение программ по совершенствованию социальных служб, укреплению частного сектора в сфере управления экономикой, конечная цель которых состоит в сокращении бедности населения.

Осуществление стабилизационных реформ в Уганде стало возможным благодаря тому, что на нем были сконцентрированы усилия всех высших органов: президента, президентского экономического совета, правительства, парламента при участии неправительственных организаций, представлявших все слои угандийского общества.

Экономический совет при президенте не только разрабатывал рекомендательные меры, но и бескомпромиссно проводил их в жизнь. Он же организовывал конференции, семинары и общественные дебаты, в ходе которых сторонники и противники реформ могли свободно обсуждать и отдельные принимаемые властями решения и их политику в целом.

Непосредственно исполнителями реформ были правительство, прежде всего министерство планирования и экономического развития, а также Банк Уганды. Правительство стремилось к тому, чтобы экономические преобразования не препятствовали достижению целей, предусмотренных программой НДС, а именно восстановлению в стране мирной жизни, получение населением выгоды от своей трудовой деятельности.

В процессе экономической реформы правительство разрабатывало специальные программы по возрождению отдельных отраслей экономики. В 1987 г. было начато выполнение программы по восстановлению производства кофе, в 1988 г. – производства какао. В 1986 г. начинала осуществляться 10-летняя программа дорожного строительства; в 2000 г. – план модернизации сельского хозяйства и ряд других⁸.

Важную роль в контроле за ходом реформ играл парламент Уганды. В 1996 г. парламентарии выступили против приватизации Коммерческого банка Уганды (КБУ), обосновав свою позицию тем, что она может привести к ликвидации многочисленных отделений банка, что лишило бы население возможности пользоваться банковскими услугами. В 2002 г. КБУ был все же приватизирован одним иностранным банком на условиях, что все его отделения будут сохранены.

Либерализация ключевых отраслей экономики предполагала также либерализацию банковской системы, которая долгое время оставалась сферой деятельности государства. В 1993 г. был принят закон о центральном банке страны (Bank of Uganda Act), по которому Банк Уганды получил статус независимого от правительства учреждения и был наделен полномочиями регулирующего и контролирующего органа по отношению к коммерческим банкам и другим финансовым учреждениям. Ему также вменялось в обязанность проведение реформы кредитно-банковской системы⁹.

Активное участие в выработке решений принимали такие организации, как Ассоциация промышленников Уганды (Uganda Manufacturers Association), Фонд частного сектора (Private Sector Foundation), представлявшие интересы частного бизнеса; Национальная организация профсоюзов (National Organization of Trade Unions), выражавшая интересы работников государственных и частных предприятий; в меньшей степени, но принимала определенное участие Ассоциация фермеров Уганды (Uganda Farmers Association), выступая в защиту интересов предпринимателей аграрного сектора. Активное участие принимали также местные и иностранные неправительственные организации через контролирующий их деятельность орган Uganda Debt Net (их в стране насчитывается до 2000).

Анализ обоснований проектов и определение проблемных мест тех или иных мер осуществлял Исследовательский центр экономической политики (Economic Policy Research Centre) при Университете Макерере¹⁰.

До 1997 г. реформы проводились в рамках трехлетних стабилизационных программ, подготовленных экспертами МВФ и МБ с минимальным участием национальных специалистов. С 1997 г., когда стали очевидны определенные положительные результаты по сбалансированию отдельных сфер экономики, стратегическим документом правительства для дальнейшего социально-экономического развития стал План действий по ликвидации бедности (Poverty Eradication Action Plan – PEAP). Этот документ (далее – План действий) готовился и составлялся в 1995-1997 гг. при широком обсуждении представителями компетентных государственных и общественных организаций. Он был одобрен международными финансовыми организациями, согласившимися выделять фонды на его реализацию. Каждые три года в программу вносятся корректизы в соответствии с результатами изучения итогов ее выполнения на локальном уровне. Обследования проводятся Комитетом бедности при министерстве финансов, планирования и экономического развития. Первое такое обследование проводилось в 1998-1999 г. в 9 дистриктах, выводы и рекомендации были учтены при пересмотре «Плана действий», выполнявшегося в стране с 2000 г.¹¹

Основное внимание в «Плане действий» уделяется дальнейшему укреплению макроэкономической стабильности, но наряду с этим ставится проблема повышения доходов и качества жизни бедных слоев населения за счет развития сельской инфраструктуры, содействия активизации малого бизнеса и небольших предприятий, создания рабочих мест, улучшения здравоохранения и образования. Для финансирования мероприятий «Плана действий» создан специальный Фонд, выделяющий средства на строительство школ, медицинских учреждений, сельских дорог, развитие сети по распространению сельскохозяйственных знаний, улучшение водоснабжения и канализации¹².

В результате согласованных действий государственных и общественных организаций и щедрого финансирования со стороны мирового сообщества уже к 2000 г. была восстановлена экономическая структура страны и достигнута ее макроэкономическая стабильность. Расширился и укрепился частный бизнес, ставший главной движущей силой развития экономики. Его формирование происходило за счет приватизации государственной собственности частными иностранными и национальными предпринимателями, возвращения национализированной режимом И. Амина собственности бывшим владельцам, в основном индопакистанского происхождения, а также за счет разработки новых инве-

стиционных проектов как национальными, так и иностранными инвесторами. Правовое регулирование инвестиций осуществляется Угандийским инвестиционным управлением.

Практические итоги реформирования экономики оказались весьма впечатляющими. Основным из них стало достижение высоких темпов экономического роста (6,3% в среднем ежегодно с 1986 по 2000 гг.). Этот показатель почти вдвое превысил темпы роста населения (в 2002 г. – 3,3%). Средний прирост ВВП на душу населения составил 3,3% в год и к началу третьего тысячелетия был равен 300 долл.¹³, тогда как в 1985 г. он равнялся 86 долл. К 2000 г. произошли определенные изменения в отраслевой структуре ВВП. Выявилась тенденция к снижению доли сельского хозяйства в ВВП и повышению доли обрабатывающей промышленности и сферы услуг: в 2000 г. эти показатели были соответственно 45%, 9% и 36% против 55%, 4% и 32% в 1991 г. Увеличился объем производства продукции промышленности, сельского хозяйства. Инфляция после 1992 г. постоянно сокращалась и к 2000 г. составляла 5,7%¹⁴. Валютные запасы с 1990 по 1999 гг. выросли в 18,2 раза¹⁵.

Рост валовых внутренних инвестиций составлял 9,9% в год, норма накопления в 2000 г. увеличилась до 17% против 13% в 1991 г. Валовые инвестиции росли за счет мобилизации внутренних и внешних источников, прежде всего в сфере частного предпринимательства. Частные инвестиции в реальном выражении с 1987 г. возросли более, чем в 2,4 раза с 5,4% до 13% ВВП в 1999 г. С 1993 г. начал увеличиваться приток прямых внешних инвестиций. Их доля в валовых капиталовложениях составляла свыше 10% в 1999 г., превысив этот показатель не только по Африке, но и по всему развивающемуся миру¹⁶. Прямые инвестиции частных иностранных компаний способствовали укреплению финансовой базы экономики и в огромной мере способствовали ее восстановлению.

В начале XXI века экономический рост в стране продолжался, хотя его темпы не достигали уже тех, которые наблюдались в 90-х годах, в период интенсивного реформирования и восстановления экономики. С 2001 по 2004 г. ежегодный темп роста ВВП составлял в среднем немногим более 5%. Продолжала динамично развиваться обрабатывающая промышленность, ее доля в ВВП в 2003/04 г. составила 19,4%, доля сельского хозяйства продолжала снижаться и составила в том же году 38,6%, доля сферы услуг возросла до 42%¹⁷.

Следует также отметить, что и в социальной сфере произошли заметные достижения. Бюджетные ассигнования на социальные нужды хотя и медленно, но неуклонно росли.

В области образования основное внимание руководства страны было сосредоточено на введении всеобщего бесплатного начального обучения; в области здравоохранения – на организации медико-санитарной помощи, особенно в сельской местности. Социальные программы страны предусматривают обеспечение равных прав на образование и здравоохранение независимо от пола, социального происхождения, места жительства и т.п., что неразрывно связано с улучшением положения неимущих и мало имущих слоев. Хотя проведение реформ связано с большими финансовыми расходами, социально ориентированный подход к структурным преобразованиям, основанный на «вложении в человека», следует охарактеризовать как дальновидную политику для Уганды, стремящейся к социальному прогрессу.

---

¹ План восстановления и развития Уганды на 1987/88 – 1990/91 гг. Кампала, 1990. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Uganda's Recovery/The Role of Farms, Firms and Government. Wash., 2001. P. 19.

⁵ Aid and Reform in Africa. Wash., 2001. P. 104-105.

⁶ Economic Recovery and Reform in Uganda since 1986. Kampala, 2001. P. 16.

⁷ Ten-Point Programme of NRM. Kampala, 1994. P. 1-37.

⁸ Uganda Secondary Participatory Assessment Report. Deepening of Understanding of Poverty. Kampala, 2002. P. 12.

⁹ Africa Recovery. N.Y., October 1993. No. 2. P. 129-131.

¹⁰ Ibid. P. 129-131.

¹¹ Uganda Secondary Participatory Assessment Report. Deepening of Understanding of Poverty. Kampala, 2002. P. 12.

¹² Доклад о мировом развитии 2000/2001 г. Наступление на бедность. М., 2001. С. 42, 226.

¹³ Economic Recovery and Reform in Uganda since 1986. Kampala, 2001. P. 35.

¹⁴ Uganda Review of Industrial and Trade Performance. www.finance.go.ug, 16.08.2005. P. 4-5.

¹⁵ Africa South of Sahara. L., 2004. P. 1185.

¹⁶ Uganda: Sustaine Stabilisation and Industrial Growth. Vienna, 1997. P. 317, 321.

¹⁷ Uganda Review of Industrial and Trade Performance. www.finance.go.ug, 16.08.2005. P. 5-6.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА МАДАГАСКАРЕ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

Политическая культура – многоуровневое понятие и одно из ее определений дает политолог К.Гаджиев, как «ценностно-нормативная система, которая разделяется большинством населения»¹.

Современные представления о политической культуре исходят из признания органического единства в ней двух начал: духовного и практического. Ценности и идеалы общества формируют политическое сознание, политическое поведение, а так же средства достижения целей политики, что как раз и отражает общий уровень культуры.

Культура является важным фактором развития системы. Она создает среду для прохождения политического процесса, а политическая культура является составной частью единого культурного поля (опыта) и итогом цивилизационного развития страны. Она включает в себя такие важные компоненты как национальный менталитет или «образ жизни», политические традиции и политические нормы (институты). Она связывает в единое целое прошлое, настоящее и будущее и является интегрирующим началом в обществе.

Опыт демократических преобразований на Мадагаскаре показывает один из вариантов изменения политической системы – от авторитаризма II Республики Д.Рацираки к III парламентской республике.

В эволюционном развитии событий существенную роль сыграли особенности политической культуры Мадагаскара.

Мадагаскар относится к развивающемуся миру, где общество «переходного типа» со смешанной политической культурой, в рамках которой атрибуты западной демократии соседствуют с политическими институтами и представлениями традиционного общества.

К особенностям политической культуры малагасийцы относят консенсус и компромисс² как способ разрешения спорных проблем в обществе. Этому способствовало несколько моментов.

Система ценностей малагашского общества включает в себя разноуровневые понятия, которые объединены «образом жизни» малагасийцев в единое целое: «Вера в Бога, фукунулуна (община), фахиванана (умение жить в общине), успехи светского образования и республика»³. Одним из основных компонентов ценностей малагасийцев является религиозность как традиционное средство регулирования общественных проблем и противоречий и общинное мышление, которое пред-

полагает решение проблем, используя методы консенсуса и компромисса.

Правовая культура – часть культурных традиций Мадагаскара, африканские историки отмечают, что «мальгахи-законники»⁴. Она помогла разрешению спорных проблем в обществе мирными средствами.

Политические нормы (институты) Мадагаскара соединяли в себе традиционные и западные. Практика I Республики (1960–1971 гг.) основывалась на конституции 1960 г., по которой Мадагаскар был президентской республикой, где существовали двухпалатный парламент, Национальное собрание и Сенат, многопартийность, легальная оппозиция.

Политические традиции на Мадагаскаре связаны с взаимоотношениями власти и общества. Особенности общественного и политического развития привели к образованию промежуточных слоев между властью и обществом, которые ограничивали центральную власть, заставляли считаться со своей позицией, не давали применять жесткие меры, проявлять деспотизм.

Средние слои малагасийского общества (офицеры, христианское духовенство, интеллигенция, студенчество, чиновники, служащие, предприниматели) занимали активную позицию в политической жизни. Именно они формировали стиль политического сознания и поведения. «Промежуточный, переходный, посреднический характер средних слоев как бы способствует накоплению и выражению ими в концентрированном виде всех идейных направлений, течений, оттенков духовной жизни общества»⁵.

Представители духовной элиты знакомились с политической практикой Запада и будущее Мадагаскара связывали с передовыми идеями мировой политической системы. Активная борьба за политические права в период колониальной зависимости привела к общественному строительству на Мадагаскаре. Профсоюзное движение было разрешено с 1938 года, сейчас насчитывается более 40 профессиональных объединений⁶. Партийное строительство ведет отсчет с 1946 года. В начальный период независимого существования было около 30 политических партий, в настоящее время их более 150⁷. В рамках партий существовали общественные молодежные и женские организации. Мадагаскар – одна из немногих стран, где всегда присутствовала многопартийность.

Политическая культура включает не только нормы, идеалы, к которым люди стремятся в политике, но и средства используемые для реализации этих идеалов «Средства деятельности вообще служат важнейшим культурным феноменом, в значительной степени определяют уровень развития культуры данного общества»⁸.

Духовная элита Мадагаскара связывала будущее острова, после достижения независимости, с мировыми ценностями демократии, развитием парламентских систем, а не с возвратом к традиционности.

Пацифизм становится одним из элементов политической культуры. Он составляет часть ценностного базиса малагашского менталитета, в начале XX века он проявляется как мировоззрение и в политическом поведении.

Для Мадагаскара характерна лояльная централизованная власть. В стране не было института диктаторов. Любая прошлая и настоящая власть на острове остается достаточно мягкой и имеющей сильную оппозицию. Традиционная формула власти на Мадагаскаре должна была иметь «твердость отца и нежность матери»⁹. Предпочтение всегда отдавалось не жесткому противостоянию власти и народа, а правовому урегулированию, посредническим усилиям церкви, методам консенсуса и компромисса.

Демократизация начала 1990-х годов на Мадагаскаре – глобальный процесс, который отражал мировые тенденции развития. В африканских странах это третья волна демократизации, характерной чертой которой является крушение авторитарных режимов. Процессы демократизации являлись итогом кризиса власти Д.Рацираки. Легитимность власти президента часто ставилась под сомнение малагасийскими историками и обществом, а моральный авторитет власти был подорван экономическим и социальным кризисом в стране. До аграрной реформы конца 70-х годов экспорт риса (основного продукта питания на Мадагаскаре) составлял 11 тыс. т в год, а к концу 80-х годов импорт риса составил 188 тыс. т в год. В 1990 г. покупательная способность населения была ниже, чем в 1960 г., на 40%; среднегодовые темпы ВВП 1960-1990 гг. составляли 1,3% при росте населения 2,7%¹⁰.

Политический кризис сопровождался попытками усиления центральной власти, чтобы устранить беспорядки, но это встречало активное сопротивление оппозиции, которая расширяла свое влияние среди различных слоев населения.

Переходный период (изменение политической системы) Мадагаскара продолжался с 1991 по 1993 гг. Авторитарный режим Д.Рацираки был заменен на парламентскую Республику, существенно ограничившую власть президента. Эта перестройка политических институтов проходила в основном мирным путем, без большого количества жертв и крови. Демократизация – многовариантный процесс, и Мадагаскар является одним из примеров эволюционного развития.

Становление новых демократических институтов в «переходном обществе» Мадагаскара проходил в условиях затяжного кризиса, вы-

званного неудачными модернизациями. Принцип «догоняющего развития», положенный в их основу, не привел к качественным сдвигам в обществе, которые имели место в странах Юго-Восточной Азии. «Недавняя история Мадагаскара – это история беспрецедентного экономического заката страны, не знавшей ни иностранного вторжения, ни гражданской войны»¹¹.

Тяжелое социальное положение населения вывело на улицы сначала наиболее активные политические слои – молодежь, учащихся, интеллигенцию, затем рабочих в городах, докеров в портах, требовавших активных действий властей по предотвращению кризиса. Оппозиционные силы стали консолидироваться в 1989 г. Д. Рацирака был вынужден выполнить часть требований оппозиции: снять ограничения на деятельность оппозиционных партий – 1990 г., принять закон о печати – 1990 г., начать подготовку к пересмотру конституции.

Оппозиция использовала только мирные способы давления на президента и его окружение. Митинги, демонстрации, религиозные службы, акции «вымерший город» и другие. Оппозиция увеличивала свое влияние за счет расширения числа сторонников организационными методами. Она совместно с профсоюзами, советом христианских церквей Мадагаскара (ФФКМ), общественными организациями и предпринимателями образовала широкое движение за обновление страны – Комитет жизнеспособных сил (КЖС), объединявший 16 организаций. Отделения КЖС появились во всех провинциях и во многих округах. В июле 1990 г. забастовщики требовали созыва национальной конференции с участием всех политических и общественных сил Мадагаскара. Национальная конференция прошла под эгидой ФФКМ в декабре 1990 г.

В июле 1991 г. началась всеобщая забастовка, в которой приняли участие рабочие, служащие, учащиеся, а также профсоюз предпринимателей СЕСЕС и руководящий центр «Протестантской церкви Мадагаскара». КЖС стал образовывать комитеты бдительности, которые должны были работать в армии.

Основные требования оппозиции: пересмотр конституции, формирование переходного правительства, диалог с властями. Забастовка стала всеобщей, экономическая жизнь замерла практически полностью. Но президент не пошел на уступки оппозиции, решив бороться силовыми методами. 22 июля в стране вводится чрезвычайное положение, что привело к новому витку противостояния двух сторон – двое власти. 30 июля Рацирака был вынужден распустить правительство и пригласить оппозицию участвовать в новом правительстве, но президент опоздал. 2 августа Оппозиция предъявила ему ultimatum для ухода в отставку в недельный срок и отказалась войти в новое правительство.

По истечении ультиматума 10 августа к президентскому дворцу двинулась мирная демонстрация «марш мира», насчитывавшая более 100 тыс. человек.

Август 1991 г. стал переломным в противостоянии Д.Рацираки и сил оппозиции. Гвардейцы президента, верные ему элитные части забросали демонстрантов ручными гранатами и открыли огонь с вертолетов. В результате 11 человек были убиты и 200 ранены.

Три месяца манифестаций и расстрел демонстрантов привели к радикальному изменению политических сил в стране. Переговоры с Д.Рациракой были уже невозможны. Общественное мнение осудило его: «человек, проливший кровь, не может претендовать на власть»¹². Париж выразил свое недовольство в связи с расстрелом 10 августа и активно стал поддерживать оппозицию. Группа генералов встретилась с руководством оппозиции и заверила их в своем нейтралитете. BBC и BMC вышли из лагеря Рацираки и заняли нейтральную позицию, т.е. не собирались выступать ни на чьей стороне. Сложилось равновесие сил, и многое зависело от позиции армии. В октябре было опубликовано заявление малагасийской армии (авторы – 5 генералов, 8 полковников и 5 старших офицеров армии и флота), в котором призывалось урегулировать политический кризис путем переговоров, срочно создать правительство, способное разблокировать административный аппарат и экономическую жизнь Мадагаскара, в противном случае в интересах обеспечения общественного порядка и защиты интересов нации они готовы взять всю ответственность на себя.

Позиция церкви (ФФКМ) также претерпела изменения. Еще с середины 80-х годов ФФКМ проводило последовательную критику режима Д.Рацираки и ставила вопрос о необходимости демократических реформ, но находила позицию «Комитета жизнеспособных сил – широкую коалицию оппозиционных сил – слишком экстремистской» (например, неконституционное взятие власти у президента). Но после 10 августа ФФКМ полностью присоединилась к оппозиции.

Объединение предпринимателей Мадагаскара (ОПМ) также оказало давление на Рацираку и вынудило его пойти на частичные уступки оппозиции.

Возобновились переговоры под эгидой ФФКМ между президентом и оппозицией. Компромиссом стала конвенция от 31 октября 1991 г. из 13 основополагающих документов «переходного периода», в соответствии со ст. 143 (новой конституции), под которой стоят подписи представителей всех основных политических течений Мадагаскара и ФФКМ. Они отражают то равновесие сил, которое сложилось к октябрю 1991 г. Президент оставил себе максимальные полномочия. На весь переходный период Д.Рацирака сохранил за собой пост президента, ру-

ководил внешней политикой и являлся верховным главнокомандующим. Таким образом, он продолжал удерживать важные рычаги власти и был намерен выставить свою кандидатуру на пост президента III Республики.

В конце марта 1992 г. прошел общенациональный форум, в котором приняли участие 1500 делегатов, представляющих все регионы и политические силы страны, кроме пропрезидентских. Он одобрил проекты новой конституции и нового избирательного закона. Затем 19 августа был проведен референдум по новой конституции, более 50% проголосовало «за». Мадагаскар стал парламентской республикой.

В октябре 1992 г. достаточно ожесточенная борьба велась за допуск Д.Рацираки на президентские выборы. В конечном итоге правительство в заявлении от 15 октября объявило, что «любой гражданин, обладающий правом голоса и отвечающий требованиям конституции Мадагаскара, вправе выставить свою кандидатуру и баллотироваться на предстоящих президентских выборах»¹³.

Первый тур президентских выборов проходил 25 ноября 1992 г. лидер оппозиции А.Зафи – 45%, Д.Рацирака – 29%. Второй тур 10 февраля 1993 г. А.Зафи – 66,7%, Д.Рацирака – 33,3%¹⁴.

Проиграв выборы, Д.Рацирака уехал во Францию, тем самым прекратив политическую деятельность, отказавшись от борьбы с новым режимом. Политический опыт и pragmatism политического «долгожителя» подсказали ему такое решение. В то время его не поддержали те силы в обществе, на которые он всегда опирался. Армия перешла на сторону легитимно избранного президента, Запад отвернулся от Рацираки, даже в родной вотчине – Туамасине – он потерпел поражение на выборах.

В эволюционном развитии процесса демократизации в начале 90-х годов на Мадагаскаре существенную роль сыграли несколько важных моментов.

1) На политический процесс оказывали воздействие широкие слои населения: рабочие, учащиеся, студенты, предприниматели, священники, интеллигенция.

2) Вопросы легитимности новой власти решались в конституционном плане, что помогло сохранять определенную политическую стабильность в период кризиса, находить компромиссные решения, возможность мирного развития событий, которые зависят не от воли отдельных людей, а основаны на законах. Легитимность новой власти была подтверждена победой на президентских выборах лидера оппозиции А.Зафи, на парламентских 16 июня 1993 г. – широкой коалицией демократических сил – ЮЖС.

3) Влияние духовной элиты Мадагаскара (интеллигенция и высшее духовенство) и ее авторитет формировали общественное мнение, выступали продолжением интеллектуальной традиции Мадагаскара, которая осуждала насилие, предлагая методы компромисса и консенсуса. Это помогло сохранять мирный характер развития политического кризиса.

4) Большую роль в мирном развитии конфликта сыграла армия. Она оставалась нейтральной в противостоянии сил, в борьбе за власть. И это очень важная позиция, в которой армейские круги ожидали результатов борьбы политических сил и реакцию на них со стороны народных масс. Армия перешла на сторону легитимно избранного президента А.Зафи. Она не претендовала на власть, как в 1972 г., дав возможность оппозиции прийти к власти мирным путем.

5) Мирные действия оппозиции, которые отвечают менталитету малагасийцев, основанные на пацифизме как одном из элементов системы ценностей, ставшем одним из проявлений в политическом поведении.

6) Роль ФФКМ в развитии политического кризиса в стране в очередной раз продемонстрировала свою посредническую роль.

Как влиятельная сила в обществе ФФКМ активно участвует в политической жизни страны. В период II Республики она была единственной силой, которая активно критиковала власти за проводимую политику. В переходный период ФФКМ формировала общественное мнение в клерикальной печати, священники выступали на митингах, участвовали в акциях неповиновения властям. В периоды угрозы мирному развитию событий и обострения отношений между правительственным лагерем и оппозицией выступала как посредник. Активное участие в демократическом процессе проявилось в том, что ФФКМ фактически возглавила оппозицию и довела до конца изменение политической системы Мадагаскара. Не примыкая ни к одной из сторон в политическом конфликте, она сохранила возможность для участия в переговорном процессе.

7) Поведение лидера – важная характеристика в развитии политического кризиса. На всем протяжении переходного периода Д.Рацирака оставался на посту президента, был допущен к президентским выборам 1993 г., и, проиграв их легитимно, уехал во Францию.

8) Большую роль в развитии событий мирным путем играли средние слои малагасийского общества, «...активная, самостоятельная позиция интеллигенции и средних слоев в целом, наличие у них партий, организаций, органов свободной прессы и прочих средств самовыражения позитивно влияют на обстановку в обществе смягчают социальную напряженность, создают дополнительные возможности для мирного

урегулирования самых острых проблем и противоречий путем разумного компромисса»¹⁵.

Процессы демократизации в начале 90-х годов на Мадагаскаре продемонстрировали важную роль культуры в политическом процессе. Политические действия в этот период были сопряжены с возможностью применять силовые решения, которые могли привести к многочисленным жертвам, гражданской войне. Но особенности политической культуры малагасийского общества (ориентация на консенсусно-компромиссные решения спорных вопросов, роль армии и ФФКМ, средние слои общества) способствовала мирному развитию. Политическая практика того периода дает возможность шире использовать в процессе становления новых политических институтов, углубления процесса демократизации опыт западной политической культуры и традиционной, которая не противоречит тенденциям общемирового развития.

---

¹ Демидов А.И. Политология. М., 2005. С. 262.

² Willame J.-CL. Gouvernance et pouvoir. Essai sur trois trajectoires africaines. Madagascar, Somalie, Zaïre. Р., 1994. Р. 108.

³ Politique africaine. Р., 2000, № 8. Р. 48

⁴ Afrique contemporaine. Р., 1991, № 38. Р. 42.

⁵ Социальный облик Востока. М., 1999. С.223.

⁶ Мадагаскар. Справочник. М., 2005. С. 110.

⁷ Там же.

⁸ Демидов А.И. Указ. соч. С. 270.

⁹ Willame. J.-CL. Op.cit. Р. 86.

¹⁰ Павлова В.В. Государство и рынок. М., 1997. С. 49.

¹¹ Le Monde. 3 mai, 1994.

¹² Выступление пастора Андриамандзату. Пульс планеты. 28 августа 1991 г.

¹³ Пульс планеты. 25 октября 1992 г.

¹⁴ Jeune Afrique. Р., 18-24 mars 1993. № 1680.

¹⁵ Социальный облик Востока. М., 1999. С. 218.

МАДАГАСКАР: ТРИ ГОДА ПОСЛЕ КРИЗИСА

Самый острый и продолжительный политический кризис за всю историю своего независимого развития Мадагаскар пережил в 2002 г., когда в стране в очередной раз развернулась напряженная борьба за власть, на этот раз между группировкой президента Д. Рацираки и возглавляемым М.Равалумананой широким блоком социальных сил, в котором ведущую роль играли предпринимательские и церковные круги (в частности, Совет христианских церквей Мадагаскара). 16 декабря 2001 г. на Мадагаскаре состоялись президентские выборы, основными кандидатами на них выступили действующий президент Д. Рацирака и столичный мэр М. Равалуманана. Согласно официальным данным, обнародованным 25 января 2002 г., ни одному из кандидатов не удалось набрать требуемого для избрания 51% голосов, и было объявлено о необходимости проведения второго тура голосования. Однако М. Равалуманана не признал итогов выборов, в ходе которых, по данным оппозиции, за него проголосовало 52% избирателей, и отказался участвовать во втором туре¹. На улицы городов вышли сотни тысяч сторонников мэра, требуя немедленной отставки Д. Рацираки и утверждения новым президентом М. Равалумананы. Митинги и протесты переросли во всеобщую политическую забастовку, длившуюся более полутора месяцев. Во многих городах появились баррикады. Вооруженные отряды оппозиции захватили ряд правительственных учреждений. Нападениям подверглись также дома и резиденции премьер-министра, начальника президентской канцелярии, некоторых министров и других высокопоставленных чиновников. Д. Рацирака со своим ближайшим окружением был вынужден бежать из столицы в портовый город Туамасина.

На волне массовых выступлений М. Равалуманана 22 февраля провозгласил себя президентом и главнокомандующим вооруженными силами страны, затем сформировал новое правительство, провел перевыборы председателя Национального собрания. В свою очередь жесткую позицию занял Д. Рацирака. Опираясь на поддержку губернаторов большинства провинций и сохранившие ему верность элитные армейские части, он взял курс на силовое подавление оппозиции. Новой столицей Мадагаскара был объявлен город Туамасина, на всей территории острова введено чрезвычайное положение и установлена практически полная блокада Антананариву и других городов Центрального нагорья, главного оплота М. Равалумананы. Все дороги, ведущие в эти города, были перекрыты заграждениями, мосты заминированы. В результате

возникли серьезные перебои в снабжении населения продовольствием, топливом, медикаментами, хозяйственными связями нарушились, национальная экономика становилась неуправляемой. По существу в стране установилось двоевластие. Раскол и конфронтационное противостояние в обществе привели, в конечном счете, к вооруженным столкновениям и кровопролитию. Возникла реальная угроза гражданской войны.

С целью остановить этот кризисный процесс на Мадагаскаре ряд стран и международных организаций, в первую очередь Организация африканского единства (ОАЕ), с самого начала неоднократно предлагали посреднические услуги противоборствующим сторонам. Но только спустя почти три месяца после первых столкновений, 18 апреля 2002 г., в городе Дакаре (Сенегал) при содействии генерального секретаря ОАЕ и президентов Сенегала, Бенина, Кот-д'Ивуара и Мозамбика Д.Рацирака и М.Равалуманана достигли компромисса и подписали соглашение о путях выхода страны из политического кризиса². Подписание Дакарского соглашения было безусловной победой для М.Равалуманана, поскольку оно передавало исполнительные органы власти и весь переходный процесс в стране по существу под его контроль.

6 мая 2002 г. М.Равалуманана, несмотря на отказ Д.Рацираки сложить с себя президентские полномочия, был вторично, на сей раз уже на основании решения Высшего Конституционного Суда, провозглашен президентом Республики. На церемонии присутствовали практически все послы и дипломатические представители, аккредитованные на Мадагаскаре. 26 июня, в День независимости Мадагаскара, М.Равалуманана признали в качестве президента Соединенные Штаты Америки, а 3 июля – Франция. 5 июля Д.Рацирака покинул Мадагаскар, а 8 июля была занята Туамасина, и М.Равалуманана получил контроль над всеми провинциями страны³.

Победу М.Равалуманане принесла не столько его предвыборная программа, сколько надежда народа на лучшую жизнь при новом президенте. Основной упор в предвыборной программе М.Равалуманана сделал на критике существовавшей при Д.Рацираке системе государственного управления, выдвинул лозунги коренной реорганизации неэффективного и коррумпированного госаппарата, повышения исполнительской дисциплины на всех уровнях. Эти требования характеризовали его не только как своего рода идеологически нейтрального технократа и «человека дела», но и как весьма расчетливого, чувствующего настроения избирателей политика. В значительной мере именно благодаря умелу расставленным акцентам он сумел обеспечить себе поддержку различных слоев политического населения страны, недовольных неуклонным ухудшением условий жизни, труда и предпринимательской деятельности, с одной стороны, и произволом, взяточничеством

вом и незаконным обогащением чиновничества, засильем государственной бюрократии, с другой.

Огромную роль в победе М.Равалумананы сыграла личность нового президента Мадагаскара, его разительное отличие от прежних руководителей страны постколониального периода. Прежде всего, по происхождению он – из народности мерина, выходцы из которой в доколониальный период традиционно занимали высшие руководящие посты на Мадагаскаре. При французских колонизаторах и даже после крушения их режима вплоть до последнего времени роль поставщиков руководящих кадров перешла к народностям, населяющим прибрежные районы, так называемым. «котье», к которым относится и Д.Рацирака. По вероисповеданию М.Равалуманана – протестант, тогда как его предшественники-президенты были в большинстве своем католиками. Он закончил миссионерскую школу на Мадагаскаре и протестантский колледж в Швеции, активно участвовал в деятельности весьма влиятельной протестантской общины на острове, является вице-президентом бюро реформаторской Церкви Иисуса Христа на Мадагаскаре (вновь избран на этот пост в августе 2004 г.). М.Равалуманана – удачливый и влиятельный бизнесмен. Свою предпринимательскую деятельность он начал мелким уличным торговцем-разносчиком йогурта, а сейчас его компания «Тико», специализирующаяся на производстве и сбыте масломолочных продуктов и безалкогольных напитков, – крупнейшая национальная компания на острове. М.Равалуманана проявил себя способным хозяйственником и организатором на посту столичного мэра, который занимал с 1999 г. Что касается прежних руководителей Мадагаскара, то они, как правило, были профессиональными политиками или военными. В отличие от своих предшественников, которые в международных отношениях ориентировались прежде всего на Францию, М.Равалуманана, хотя и признает особое значение Франции для Мадагаскара, но не склонен абсолютизировать и переоценивать его.

Появление такой политической фигуры на высшем государственном посту Мадагаскара стало следствием и показателем существенных сдвигов как в соотношении сил, так и в настроениях малагасийского общества. На протяжении всего периода независимости политическая жизнь страны проходила под знаком соперничества более националистически настроенных жителей центральной части острова (большей частью представляющих народность мерина) и «котье», для которых характерна ориентация на бывшую метрополию. Данное соперничество в большей степени повлияло и на последний кризис, однако было бы неверно сводить его исключительно к регионально-этническим противоречиям. Тот факт, что во многих прибрежных районах, особенно в

городах, значительная часть населения на последних выборах проголосовала за выходца из мерина, говорит о том, что может быть, впервые в истории страны социально-политические соображения оттеснили этно-региональные на второй план. Именно это обстоятельство сделало М. Равалуманану фигуру общенационального масштаба.

В декабре 2002 г. в стране (по настоянию международных финансовых организаций-кредиторов Мадагаскара) были проведены парламентские выборы, в которых с большим преимуществом победила президентская партия ТИМ («Тиако и Мадагасикара» – «Я люблю Мадагаскар»), получив абсолютное большинство в Национальном собрании. На муниципальных выборах в ноябре 2003 г. сторонники президента также одержали победу⁴.

Сразу после прихода к власти новый президент решил заменить избравшихся до этого губернаторов провинций на назначенных им председателей специальных делегаций, чтобы предотвратить возможное противодействие намеченным реформам со стороны старого чиновниччьего аппарата, особенно на местах. А в сентябре 2004 г. провел административную реформу: в рамках существующих 6 провинций было создано 22 района, руководители которых отныне назначаются и подчиняются непосредственно президенту.

Одной из первых реформ, проводимых новой властью в соответствии с рекомендациями МВФ и ВБ и призванных обеспечить «быстрое и непрерывное развитие», стала земельная. Однако первый же закон, разрешающий (хотя и с оговорками и ограничениями) иностранцам покупать земельные участки, вызвал резко негативное отношение у большей части населения, традиционно считающего землю священным и неприкосновенным достоянием предков. Денежная реформа, последовавшая за земельной, заменила малагасийский франк на существовавшую в доколониальный период денежную единицу ариари, однако существенного эффекта для экономики страны эта мера не дала. Инфляция в начале 2005 года составляла более 30%⁵. Неудачной оказалась и таможенная реформа: в сентябре 2003 г. вступило в силу постановление правительства, рассчитанное на 2 года, упразднившее взимание таможенных пошлин с более чем 200 наименований импортируемых товаров. Данная мера привела к сокращению и даже закрытию ряда малагасийских предприятий, не готовых к конкуренции со стороны производителей из Юго-Восточной Азии и Китая.

Ставшие уже привычными для Мадагаскара социальные проблемы в последние годы дополнились новыми. Одна из них – рост преступности. Еще до кризиса 2002 г. на острове регистрировалось 1000-1200 преступлений на 100 тыс. населения. После кризиса в стране возросло и продолжает расти количество оружия у населения, увеличивается

число групповых преступлений. Традиционное для сельской местности воровство скота теперь зачастую сопровождается насилием и убийством. Появились новые виды преступлений, которые ранее не совершались малагасийцами или были чрезвычайно редки (бандитизм, похищение людей с целью выкупа). Ярчайшим примером является вооруженное нападение в январе 2005 г. на частный дом, где были ограблены глава представительства ВБ на Мадагаскаре и несколько французских дипломатов. Росту преступности способствует также процесс размывания основ национального самосознания, который осуществляется через частные каналы ТВ, коммерческие радиостанции, печатные издания, деятельность разного рода сект, регистрирующихся под видом «культурных ассоциаций».

В условиях нарастания социальных и экономических проблем в стране усиливается недовольство новой властью, растет число антиправительственных выступлений среди населения (демонстрации, митинги протеста, забастовки). Самые массовые акции протesta за последние три года прошли в июне 2004 г. в связи с резким повышением цен на продовольствие, в первую очередь на рис, основной продукт питания, по потреблению которого на душу населения Мадагаскар занимает первое место в мире. С начала 2005 г. продолжается забастовка судей, требующих увеличения заработной платы, а также преподавателей университетов. Наблюдается брожение среди студентов, политически наиболее активной части городского населения.

В то время, как экономическая и социальная ситуация в стране далека от надежд и ожиданий населения, президент М.Равалуманана сталкивается с нарастающей политической конфронтацией. Оппоненты нынешней власти считают, что Равалуманана использует положение для продвижения своих деловых интересов, что в стране имеет место кризис, пока социально-экономический, но он в любой момент может превратиться в политический. Оппозиция нынешней власти начала складываться сразу после прихода на президентский пост М.Равалумананы. Интересен тот факт, что первыми оппозиционерами новой власти стали былые политические соперники: бывший президент А.Зафи, заявивший о неприятности результатов последних президентских выборов, и сторонники бывшего президента Д.Рацираки, члены партии АРЕМА, которая после 2002 г. практически ушла с политической сцены. Эти деятели составили ядро радикальной части оппозиции, которая (помимо всего остального) оспаривает легитимность избрания М.Равалумананы на президентский пост. Другую часть оппозиции составляют люди, которые не только считают, что М.Равалуманана был законно избран народом, но и помогали ему прийти к власти. К этим политикам относятся, например, Ж.Э.Вунинахици, пастор М.Рафрансуа, А.Рама-

русон Ж.Вунинахици состоял в партии РПСД (Объединение за социал-демократию), которая вместе с партией АВИ выступила единым блоком с президентской партией ТИМ на парламентских выборах 2002 г. в Национальное собрание, обеспечив тем самым президенту абсолютное большинство в парламенте. Столкнувшись, однако, с монополией одной группы в экономике, с неспособностью властей переломить ситуацию в стране к лучшему, Ж.Вунинахици создал в начале 2004 г. свою партию – РПСД – Ваувуа и заявил о своем переходе в оппозицию, о поддержке идеи национальной конференции, в подготовке и работе которой принял активное участие. Движение «Единый малагасийский народ», создано пастором М.Рафрансуа из группы, отколовшейся от Церкви Иисуса Христа на Мадагаскаре, в руководстве которой М.Равалуманана занимает высокий пост. В процессе подготовки Национальной конференции о своем участии в ней заявил А.Рамарусон, возглавляющий созданное им «Движение граждан в защиту республики». Самыми крупными из вновь возникших оппозиционных организаций стали следующие: «Комитет национального примирения», объединяющий большинство политических партий страны, находящихся в оппозиции к новой власти (возглавил Комитет А.Зафи); «Солидарность парламентариев в защиту демократии и национального единства» и «Объединение национальных сил», в которое вошли две небольшие партии, возглавляемые пасторами Андримандзату и Разафимахефа. Эти три организации, выступили с инициативой проведения Национальной конференции, которая, по мнению организаторов, должна способствовать усилению национального единства, достойному и длительному развитию, укреплению правового государства.

В области международных отношений правительству М.Равалумананы удалось добиться определенных успехов. В июле 2003 г. было восстановлено членство Мадагаскара в Африканском Союзе (АС – преемник ОАЕ – С.Ш.), приостановленное в августе 2002 г. вследствие политического кризиса. Укрепляются экономические и политические связи Мадагаскара с основными партнерами – Францией и США. В результате многочисленных контактов руководства обеих стран были восстановлены отношения с Францией – основным коммерческим партнером, инвестором и кредитором Мадагаскара на двусторонней основе, нарушенные в период кризиса 2002 г.

В Вашингтоне 18 апреля 2005 г. было подписано соглашение между Мадагаскаром и американской корпорацией «Вызов тысячелетия», созданной для осуществления новой американской программы помощи развивающимся странам «с надежно функционирующими властными структурами» и «соблюдающим принцип верховенства закона, борющимся с коррупцией, проводящим экономические и политические ре-

формы». Мадагаскар стал первой из 16 стран, которая получит помощь по этой программе на общую сумму 100 млн. долл., рассчитанную на два года. С 2000 г. Мадагаскар пользуется большими экспортными льготами, предоставленными США в рамках Закона об экономическом росте и расширении возможностей Африки (АГОА).

Осуществляется тесное сотрудничество с международными финансово-финансовыми организациями. Всемирный банк готовит решение о предоставлении очередного кредита на сумму 240 млн. долл. в рамках Программы борьбы с бедностью⁶.

Однако пока ни помощь международных организаций, ни проведенные реформы не позволили правительству М.Равалумананы добиться каких-либо ощутимых сдвигов в экономической ситуации за прошедшие три года. Страна по-прежнему не может вырваться из нищеты. Более того, уровень бедности возрастает: в 2000 г. за порогом бедности находилось 69% населения, в 2003 г. – 75%. А население Мадагаскара выросло с 7,6 млн. чел. (перепись 1975 г.) до 18 млн. чел. (по последним оценкам международных организаций). Многие годы уровень ВВП на душу населения не превышает 250 долл., в 2004 г. он составил – 260, по ППС – 740. Снижается ИРЧП (в 2001 г. страна занимала 147 место, в 2004 – 150 из 175). Заработка плата на Мадагаскаре очень низкая. Даже на самых процветающих экспортопроизводящих предприятиях (прежде всего текстильных и швейных) она не превышает 25-30 долл. в месяц. Среднегодовые темпы инфляции составляют 16% (2004 г.). На 1 тыс. жителей приходится 2,5 компьютера, три человека из 1,5 тыс. имеют доступ в Интернет⁷. В стране обострились экологические проблемы – катастрофическими темпами идет обезлесение острова: в настоящее время девственные леса составляют лишь 5% их первоначальной площади.

¹ Mireille Razafindrakoto et François Roubaud. "Le scrutin présidentiel du 16 décembre 2001 // Politique Africaine, № 86. Juin 2002. P. 20-21.

² Solofo Randrianja. Be not afraid, only believe: Madagascar 2002 // African Affairs (2003). № 102. P. 323.

³ Ibid. P. 327.

⁴ Madagascar: majorité absolue pour le parti de Ravalomanana // <http://fr.news.yahoo.com.16.12.200>.

⁵ Madagascar: Rising Tension // Africa Research Bulletin. June 1-30 2006. P. 16679.

⁶ Ravalomanana Inc.//Africa confidential. London, 2005. Vol. 46. № 20. P. 7.

⁷ Geslin J.D. Culture d'entreprise et raison d'Etat // J.A. L'intelligent. Paris, 2005. № 2333. P. 54-59.

МОНОЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В СОЮЗЕ КОМОРСКИХ ОСТРОВОВ

Союз Коморских Островов – государство, расположенное на островах в Индийском океане, в Мозамбикском проливе, практически на равном расстоянии от восточного побережья Африканского континента и о.Мадагаскар. Среди островов – три наиболее крупных: Гранд-Комор, Анжуан и Можели.

Общая численность населения Коморских островов – 550 тыс. человек. Страну можно считатьmonoэтничной, поскольку 95% ее населения – коморцы, или анталоатра, которые обитали на островах уже в XII в. Анталоатра происходят от смешанных браков потомков уроженцев побережья Персидского залива, достигших Комор в первой половине VII в.н.э., малагасийцев и зинджея – представителей суахилийской культуры (банту), пришедших с восточного побережья Африки в VIII в.н.э.

Коморские острова – бывшая французская колония, провозгласившая свою независимость в одностороннем порядке 6 июля 1975 г. Страна была и остается одной из самых бедных в мире: ВВП на душу населения не превышает 350 долл. в год¹. Отсталость экономики объясняется рядом причин, которые условно можно разделить на физико-географические и политические. К первым относятся отсутствие полезных ископаемых, ограниченность земель сельскохозяйственного назначения, недостаток воды и др. Вторая группа причин включает хроническую политическую нестабильность, продолжавшуюся до 2002 г., вызванную многочисленными попытками государственных переворотов и сепаратизмом.

За 27 лет независимого развития Коморские острова пережили 17 неудавшихся попыток государственного переворота и 5 – удавшихся. Первый, бескровный, государственный переворот произошел меньше чем через месяц после провозглашения независимости, в результате которого был свергнут первый президент страны Ахмед Абдаллах Абдереман. К власти пришел Али Суалих, который в течение почти трех лет пытался строить в стране «национальный социализм». Однако предпринятые меры социалистической направленности в условиях отсталой экономики и прекращения финансовой помощи со стороны Франции привели лишь к ухудшению экономического положения.

В 1978 г. на Коморах произошел второй, военный, государственный переворот во главе с белыми наемниками Боба Денара. Али Суалих был убит, пост президента вновь занял Ахмед Абдаллах Абдереман,

страной правила «военно-политическая дирекция», в состав которой входил и Боб Денар.

Третий, военный, переворот произошел в 1989 г. Его результатом стало убийство президента Абдеремана президентскими гвардейцами. Исполняющим обязанности, а затем и президентом (после выборов в марте 1990 г.) стал Саид Мохамед Джохар. Годы его правления характеризовались постоянной борьбой с оппозицией и дальнейшим ухудшением экономического положения страны. В течение 1994–95 гг. президент Джохар был вынужден пойти на целый ряд уступок оппозиции. Однако эти меры не спасли Коморы от следующего государственного переворота.

Противники С.Джохара прибегли к помощи извне. В сентябре 1995 г. около 30 европейских наемников, руководимых Б.Денаром, вторглись на о.Гранд-Комор, разоружили военный гарнизон и арестовали президента. К иностранным наемникам присоединились 300 военнослужащих правительственные войск. До президентских выборов временным президентом, согласно конституции, провозгласил себя Эль Яхрут – действовавший премьер-министр. В марте 1996 г. прошли президентские выборы, в результате которых президентом был избран Мохамед Таки, бывший премьер-министр. В ноябре 1998 г. М.Таки скоропостижно скончался. Согласно конституции, пост президента до выборов занял премьер-министр Таджиддин Бен Саид Массунди. В январе 1999 г. он продлил свой президентский мандат, срок действия которого по конституции уже истекал.

Однако в апреле 1999 г. на Коморских островах произошел пятый, бескровный, государственный переворот. К власти пришла военная хунта во главе с начальником генерального штаба полковником Азали Ассумани. Все властные структуры были распущены, Б.С.Массунди свергнут. А.Ассумани огласил текст временной конституции, впоследствии замененной на «конституционную хартию», согласно которой он становился президентом, премьер-министром и верховным главнокомандующим.

Другой важнейшей причиной политической нестабильности на Коморских островах являлся сепаратизм. Политические лидеры островов Анжуан и Можели с конца 80-х гг. XX в. выступали за предоставление островам большей автономии, указывали на якобы обделенность их в финансовом отношении по сравнению с самым крупным островом страны Гранд-Комором. К 1997 г. на Анжуане и Можели приобрели влияние организованные сепаратистские движения. В немалой степени поддержка населения этим движениям обеспечивалась относительным экономическим благополучием на соседнем о.Майотта (четвертом в составе Коморского архипелага). Этот остров не вошел в состав Республики

лики Коморские Острова: по результатам всеобщего референдума по вопросу о независимости в декабре 1974 г. он остался сначала «заморской территорией» Франции, а затем ее «территориальной единицей». Майотта населена теми же анталаотра, что и три других острова архипелага, там говорят на том же коморском языке – южном диалекте суахили, кингазиджа. За исключением нескольких лет, все годы независимости граждане ФИРКО (название независимого государства на Коморских островах до 2002 г.) имели право безвизового въезда на о.Майотту.

Расцвету сепаратизма способствовала также недальновидная позиция центральных властей, которые пытались вооруженным путем погасить сепаратистские выступления. Летом 1997 г. во время столкновения демонстрантов и правительенных войск безопасности на Анжуане погибли 2 человека. Беспорядки вылились в движение за выход острова из состава ФИРКО и присоединение его к Франции. В августе лидер Народного движения Анжуана Абдаллах Ибрагим сформировал свое правительство и объявил о выходе о.Анжуан из состава ФИРКО.

Через несколько дней была провозглашена «независимость» и сформировано собственное правительство на о.Мохели.

Франция не признала новые «независимые» государства, также поступили ОАЕ и ООН. Последние постоянно призывали враждующие стороны сесть за стол переговоров, ОАЕ предлагала ввести на «независимые» острова свой миротворческий контингент. Эти предложения были отвергнуты.

На «независимых» островах, в особенности на Анжуане, началась межфракционная борьба за власть. В декабре 1998 г. противоречия внутри сепаратистской администрации Анжуана вылились в вооруженные столкновения, в которых за восемь дней погибло не менее 60 человек, а 18 тыс. были вынуждены покинуть свои дома. В феврале 1999 г. ООН провела экстренную акцию по обеспечению беженцев продовольствием.

В столице страны Морони, на о.Гранд-Комор, прошли митинги протеста, на которых выступающие требовали отставки лидеров «независимых» островов. Положение в стране становилось угрожающим.

ОАЕ не прекращала предпринимать усилия, направленные на достижение национального единства Коморских островов. В апреле 1999 г. в столице Мадагаскара Антананариву удалось провести конференцию с участием лидеров политических сил трех островов. На конференции было выработано соглашение, предусматривавшее создание Союза Коморских Островов с предоставлением широкой автономии каждому острову, но с единой центральной властью. Однако представители Анжуана отказались его подписать.

После двух переворотов на Анжуане в августе 2001 г. к власти пришла военная хунта, учредившая «временную военно-политическую комиссию», целью которой стала «защита завоеваний Анжуана в рамках процесса примирения». В условиях тяжелейшего экономического положения для сохранения собственной власти лидеры «независимого» Анжуана были вынуждены пойти на конкретные шаги по осуществлению этого «примирения».

На Коморских Островах в декабре 2001 г. был проведен референдум по новой конституции страны, которая, в частности, предусматривала сохранение единого государства. Интересно, что наибольший процент (свыше 90%)² высказавшихся «за» оказался на самом «независимом» Анжуане.

По новой конституции, утвержденной в апреле 2002 г., сохранившая территориальную целостность страна называется Союз Коморских Островов, каждый остров имеет широкую автономию вплоть до выборов собственного президента. Союзной президент избирается от каждого из трех островов по очереди. После выборов в мае 2002 г. им стал А.Ассумани, который теперь приобрел легитимное положение.

Известно, что причиной политической нестабильности государства, вооруженных конфликтов и сепаратизма очень часто являются межэтнические противоречия. Однако обзор политического развития независимых Комор показывает, что и вmonoэтничной стране могут происходить такие же события, но причины в этом случае не носят этнического характера.

Очевидно, резонно предположить, что многочисленные попытки государственных переворотов можно объяснить межклановой борьбой за власть, поскольку в условиях нищей страны только верховная власть способна обеспечить финансовое благосостояние ее представителям. Такой вывод можно подкрепить следующими фактами.

Во время президентства С.М.Джохара (1989–1995 гг.) неоднократно возникали скандалы, в которых в коррупции обвинялся его зять, занимавший попутно посты нескольких министров, в том числе и министра финансов. Именно непопулярность зятя во многом способствовала смешению с поста президента самого С.М.Джохара.

Когда на «независимом» Анжуане у власти стоял А.С.Абайд, отказавшийся идти по пути национального примирения, одним из рычагов давления на него ОАЕ выбрала замораживание всех его банковских счетов и счетов его родственников в иностранных банках.

Своеобразным является и коморский сепаратизм, лишенный этнических корней в условиях monoэтничной страны. Здесь следовало бы говорить о «региональном», «островном» сепаратизме, важнейшей причиной которого явилось чувство ущемленности, вызванное недаль-

новидной политикой центральной власти. Президенты и правительства ФИРКО, действовавшие в столице Морони на о.Гранд-Комор (самом большом острове из трех), занятые подавлением попыток переворотов и стремлением сохранить собственную власть, как бы забывали об Анжуане и Можели, считая, что главные события разворачиваются именно на Гранд-Коморе. Однако почти четырехлетний период политической стабильности в Союзе Коморских Островов, начавшийся в 2002 г., позволяет надеяться, что страна преодолела тяжелый период своего развития и теперь сможет сосредоточить усилия на укреплении экономики.

---

¹ Africa South of the Sahara. 2004. P. 249.

² Ibid. P. 248.

БУРКИНА-ФАСО: ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ С ПРЕДОПРЕДЕЛЕННЫМ ИСХОДОМ

Президентские выборы, состоявшиеся 13 ноября 2005 г., принесли вполне ожидаемый результат: Блэз Компаоре, в течение 18 лет находившийся у власти в этой небольшой западноафриканской стране, подавляющим большинством голосов в третий раз был переизбран на очередной, теперь 5-летний (вместо прежних семи лет) срок. По данным национальной избирательной комиссии, за него проголосовали 80,35% избирателей (из 4 млн. имевших право голоса в выборах приняли участие 57%)¹.

Выборы, в которых приняли участие 12 кандидатов, контролировали 1400 наблюдателей, включая 400 международных, направленных из более 40 международных организаций, главным образом межправительственной организации франкоязычных стран и ЕС.

Основным соперником Б.Компаоре был 46-летний парламентарий Беневенде Санкара, представлявший партию Союз за обновление, получивший всего 5% голосов. Сильным претендентом считался также Филипп Уэдраого от Партии демократии и социализма. Его однофамилец бывший министр Рэм Уэдраого представлял партию Объединение экологов Буркины, он был конкурентом Б.Компаоре еще на выборах 1998 г. От Партии за демократию и прогресс известного историка и этнографа Жозефа Ки-Зербо баллотировался бывший министр, а ныне – депутат парламента Али Ланкоанде, от Партии национального возрождения – также депутат Лоран Бадо, от Фронта социалистических сил – Норбер Мишель Тиендребеого, от Движения за терпимость и прогресс – Наябитигунгу Конго Каборе, от Африканской партии независимости – Сумане Туре, от Социалистического альянса – Эмиль Парги Паре. Было двое независимых кандидатов – Жильбер Буда и Тубе Клеман Дакио.

В Буркина-Фасо, одной из 18 беднейших стран мира и ведущем в Африке экспортёре хлопка, Б.Компаоре поддерживают 10-тысячная армия и племенные вожди. Впервые этот 54-летний офицер пришел к власти в 1987 г. в результате военного переворота, свергнув сторонника «революционных» идей Томаса Санкару. Сначала он правил как военный диктатор, а потом избирался дважды – в 1991 и 1998 гг. Конституционная реформа 2000 г., согласно которой президентский мандат для одного человека ограничивался двумя пятилетними сроками, дала Б.Компаоре возможность остаться у власти еще 10 лет.

В Буркина-Фасо самый высокий показатель неграмотности среди взрослого населения – 87%, и для большинства голосовавших основным мотивом было «как бы не стало хуже», поэтому-то они выбирали действующего президента. Соотечественникам пришелся по душе жесткий стиль правления, решительность, с которой Б.Компаоре подавлял оппозицию, – такой правитель близок и понятен африканцам.

К тому же Б.Компаоре вел предвыборную кампанию в привлекательной для африканцев манере: передвигался на вертолете и джипе, щедро раздавал толпе значки, серьги и наручные часы. Как было угнаться за ним его стесненным в средствах конкурентам? При этом кампания во многом была профинансирована благосклонными к Б.Компаоре странами – Ганой и Ливией.

Не таким было изначально правление Б.Компаоре: все началось с кровавого переворота, в котором погиб его революционный друг Томас Санкара. Б.Компаоре обвиняли в разжигании конфликтов в Западной Африке, в том числе в Сьерра Леоне. Он прошел через серьезные испытания – убийство в 1998 г. оппозиционного журналиста Норбера Зонго службой безопасности, что едва не привело к падению режима. В стране проходили мощные политические забастовки и демонстрации.

Нынешние соперники Б.Компаоре выглядели не лучшим образом. Один руководитель фирмы в столице Уагадугу так высказался по поводу конкурентов: «Мы смеялись, когда их показывали по телевидению. Если они не в силах договориться между собой, то как они могут управлять страной? Они на виду у всех борются друг с другом, сразу видно, что им нужна только власть, как можно доверять таким?» Даже один из кандидатов в президенты Лоран Бадо признался: «Я предпочитаю, чтобы главой государства остался Б.Компаоре, а не пришел кто-нибудь из этих людей. Все, на что они способны, – критиковать, они не в силах предложить что-либо»².

На этих выборах Б.Компаоре поддержали 28 из примерно 100 действующих в стране партий. Главная оппозиционная коалиция «Альтернатива-2005», состоящая из 15 партий, не достигла своих целей, не сумев добиться согласия по поводу выдвижения общего кандидата. Это, конечно, только облегчило победу правящей коалиции.

Некоторые аналитики полагают, что Б.Компаоре скупил оппозионеров одного за другим, но сам президент говорит, что одолел противников прежде всего успехами в социально-экономической политике.

За время правления Б.Компаоре Буркина-Фасо перешла от революционных выступлений к эпохе либерализма. При нем «страна неподкупных людей и родина революционного народа» (так переводится ее название) Буркина-Фасо пережила серьезные перемены. С 1991 г. на-

чался отсчет сложного периода строительства правового государства. В стране происходят преобразования политического и экономического строя: достижение политического плюрализма и установление много-партийной системы в рамках закона, политическая либерализация общества, утвердилась свобода слова, политическая борьба вошла в цивилизованное русло, принята новая демократическая конституция, проводятся свободные выборы президента, парламента и местных органов власти, создана законодательная основа для создания рыночной экономики. Консолидируется легитимная, демократически избранная система власти. Престиж президента Б.Компаоре высок не только внутри страны, но и за рубежом, особенно в сообществе франкоязычных стран Тропической Африки.

Устойчивость плюралистической модели власти в период правления нынешнего президента объясняется и тем, что в ней наглядно сочетаются как демократические, так и авторитарные начала. Последние играют немаловажную роль в периоды возрастания политической и социальной активности.

Девизом Буркина-Фасо вместо «Родина или смерть, мы победим!» стали более уравновешенные слава – «Единство, прогресс, законность». Власти озабочены не классовой борьбой и победой над империализмом, как это было при президенте Т.Санкаре, а экономическим либерализмом и политическим плюрализмом.

Буркина-Фасо также переживает постепенное преобразование экономики. Совершается переход от капитализма «революционного государства» к либерализму. В 1991 г. власти сделали выбор в пользу рыночной экономики, согласившись на осуществление плана структурной перестройки, предложенного Всемирным банком. В стране возобновился экономический рост, ее экономика все больше интегрируется в экономику региона Западной Африки. В Уагадугу, столице страны, расположилась штаб-квартира Экономического и Валютного союза Западной Африки. В 1998 г. в Уагадугу состоялась встреча в верхах Организации африканского единства и финал кубка Африки по футболу. Буркинийская столица отходит от малопривлекательного образа большой пыльной деревни в Сахеле. Город стремительно растет, на месте трущобных предместий возникли новые, современные кварталы «Уагадугу 2000». За Уагадугу закрепилась репутация кинематографической столицы Африки, где каждые два года проводятся Всеафриканские кинофестивали – ФЕСПАКО.

Резкий переход от традиционного, изоляционистского общества к поиску своего места в нынешнем взаимозависимом мире будет смягчен широкой структурированностью буркинийского общества. Многочисленные политические партии, представительства этнических групп и

регионов, обосновавшиеся в Уагадугу, правозащитные ассоциации создают плотную социальную ткань. Так, Лига буркинийских потребителей – чуть ли не единственный социальный институт в Западной Африке. За последние десять лет были возрождены традиционно влиятельные социальные институты вождей, жрецов. Вполне независимы средства массовой информации.

Буркинийской оппозиции никак не удается сыграть роль противовеса доминирующей партии Конгресс за демократию и прогресс, политическая программа которой основана на простых и понятных идеях общественного развития. У оппозиции нет достойной альтернативной программы перемен в обществе.

Что касается президента Б.Компаоре, то он полагает, что все партии вольны участвовать в политической дискуссии, но демократия должна быть на службе развития, эффективного управления, экономического прогресса и не должна угрожать работе госаппарата. Политика должна служить экономике.

Основная проблема политического будущего Буркина-Фасо коренится в том, как обеспечить незыблемость политических институтов при вопиющей нищете народа. Ведь до сих пор преобразования затронули прежде всего политическую элиту и крупные города. Хотя Буркина-Фасо стремится быть в первых рядах борцов за социальный прогресс в Африке, почти половина ее жителей находится за чертой бедности, а еще треть – в условиях крайней нищеты. Государственные ассигнования на социальные нужды (26% расходной части бюджета) слишком малы, чтобы смягчить социальные контрасти, порождаемые реформами.

Основные цели программы структурной перестройки успешно реализуются, за что властям Буркина-Фасо удалось добиться похвалы ее кредиторов. Экономика стабильно развивается (в среднем на 5-6% ежегодно). Главенствующую роль играет сельское хозяйство, дающее 40% ВВП, и торговля, чья доля в ВВП достигает 43%. Инфляция снизилась с 25% в 1994 г. до 3% в 2005 г. Эти результаты достигнуты главным образом благодаря улучшившемуся сбору налогов. Если в 1997 г. доля налогов в валовом национальном продукте составляла 12%, то сейчас доведена до 25%. Но, чтобы не задушить предпринимательство, решено снизить налог на промышленную и торговую прибыль с 45% до 40%, а затем до 35%, и увеличить косвенные налоги, в том числе налог на добавленную стоимость с 15 до 18%³.

ВВП Буркина-Фасо в расчете на душу населения растет медленнее, чем экономика, что обусловлено быстрыми темпами роста населения. Если при росте экономики в 5% в год численность населения увеличи-

вается на 2,7%, то прирост ВВП на душу населения может колебаться лишь в пределах 2,7-3%⁴.

Что касается программы приватизации, предусмотренной планом структурной перестройки, с 1997 г. распродажа государственного имущества пошла нарастающими темпами, конкурсы стали более прозрачными, а их результаты – более эффективными. Вместе с тем государство выступило за дифференцированный подход к приватизируемым объектам в зависимости от их специализации и размера. Из 44 предприятий, подлежащих приватизации, 26 уже приватизированы, 7 ликвидированы, а 11 подлежат определению⁵.

Буркина-Фасо – преимущественно сельскохозяйственная страна. В аграрном секторе занято 80% активного населения. Причем в условиях полупустынного Сахеля урожай в огромной степени зависит от дождей. Четыре пятых территории страны находится под постоянной угрозой.

Национальные водные ресурсы не так малы – 10 млрд. кубометров в год составляют дебит поверхностных вод и 6 млрд. – подземных. Но эти богатства пока слабо используются. Поэтому основной упор сейчас делается на развитие ирригации. В ближайшие пять лет намечено построить полуторы тысячи водохранилищ.

В промышленности намечается оживление в развитии переработки продукции сельского хозяйства и в добыче полезных ископаемых. В стране имеются немалые запасы золота, второго по значению экспортного товара после хлопка, а также алмазов, марганца, цинка, фосфатов, меди, никеля, ванадия, кобальта.

Все большее значение придают в Буркина-Фасо социальным программам, ведь, по данным ПРООН, страна занимает 173 место из 175 по показателям гуманитарного развития. Поставлена задача повысить долю грамотных до 40%, довести среднюю продолжительность жизни до 60 лет. В последнее время власти добились определенных успехов в этой области. Почти все дети охвачены начальным образованием, улучшается медицинское обслуживание. В стране впервые за много лет появился избыток зерновых (собрано на 1,2 млн. тонн больше, чем необходимо для внутреннего потребления)⁶.

Однако, по данным ООН, нищета в Буркина-Фасо усугубляется. 46% населения живут ниже черты бедности – менее, чем на доллар в день. Благосостояние страны в значительной степени зависит от экспорта хлопка. Мировые цены на хлопок неуклонно падают, и тысячи буркинийцев вынуждены скитаться по соседним странам в поисках заработка.

Экономика, а не политические конкуренты – реальный вызов для президента. Последние месяцы страну сотрясают экономические забастовки

товки, в которых приняли участие 17 профобъединений. Повышения жалованья госслужащим, увеличения пенсий, снижения налогов на бензин, воду, электричество – вот чего требуют буркинйцы.

---

¹ Sidwaya. Décembre 2005.

² Ibidem.

³ Bulletin de l'Afrique noire. № 2222. 2006.

⁴ Marchés Tropicaux. Octobre 2005.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

АФРИКА В ИНДЕКСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Полторы тысячи ученых из многих стран мира по заданию ООН разработали критерии определения социально-экономического развития государств, а также благосостояния их граждан. С 1975 г. стал ежегодно издаваться Доклад о развитии человека. В его основу положен Индекс человеческого развития (ИЧР), составляемый по следующим показателям: средняя продолжительность жизни, уровень грамотности взрослого населения, численность поступивших в учебные заведения всех ступеней и валовой внутренний продукт на душу населения. Россия представляет такие сведения с 1990 г.

Таким образом, Доклад о развитии человека – это проводимое под эгидой ООН независимое исследование, призванное стимулировать дискуссию по важным вопросам современности. Выдвигая на передний план проблемы человеческого развития, вводя их в сферу приоритетов любого общества, Доклад предлагает важные аргументы, которые могут быть использованы в работе по сокращению бедности и нищеты, по обеспечению более полноценной жизни граждан всех стран. В Докладе подчеркивается, что это вопрос в равной мере политический и экономический, касающийся широкого спектра проблем, от защиты прав человека до углубления демократии, имеющих немалое значение для экономического развития государств и благосостояния граждан.

Среди 15 самых богатых стран по ИЧР находятся Норвегия, Швеция, Нидерланды, Бельгия, Исландия, Ирландия, Швейцария, Финляндия, Австрия, Люксембург – небольшие европейские государства с населением от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов жителей. В этих странах самый высокий среднедушевой ВВП, средняя продолжительность жизни приближается к 80 годам. Представляется, что небольшие по численности населения и по площади страны имеют определенные преимущества по созданию благоприятных условий для повышения жизненного уровня своих граждан.

Первую строчку в рейтинге Индекса человеческого развития занимает Норвегия. Сто лет назад Норвегия была самой бедной страной в Европе. Ныне это одна из богатейших стран мира. Здесь весьма высок уровень демократических свобод; основное природное богатство – нефть и газ – принадлежит государству; налоги на богатых доходят до 52%, поэтому нет стимулов для безграничного обогащения; обеспечено полное равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни. Эффективно работают системы бесплатного образования и здравоохранения.

В целом процветание Норвегии, как и других упомянутых выше стран, обеспечивается сочетанием комплекса благоприятных природных факторов, продуманных законов и целенаправленной политики всех ветвей власти на всемерное улучшение жизни населения.

Рассмотрим в этой связи ситуацию в Африке. Страны Африканского континента имеют глубокие различия в климатических условиях, экономическом развитии и политической обстановке. В связи с этим по Индексу человеческого развития страны Африки имеют больший разброс показателей, чем государства других континентов. В течение ряда лет первую строчку среди африканских государств по всем показателям ИЧР занимает Республика Сейшельские острова – небольшое островное государство в Индийском океане. Сейшелы опережают по ИЧР также многие страны Восточной Европы, Азии и СНГ и занимают 51 место в общемировом рейтинге.

Высокий уровень благосостояния населения Сейшельских островов определяется в первую очередь действием оффшорного сектора, введенного в 1995 г. (1% международного оффшорного дела). В него входят почти 4 тысячи компаний. Благодаря значительным доходам от оффшорной деятельности за 10 лет в экономике и инфраструктуре страны произошли большие положительные изменения, стал успешно развиваться туристический бизнес, и страна превратилась в одно из самых привлекательных в мире мест для посещения туристами многих стран, в том числе и из России.

Большие доходы от оффшора позволили также успешно развивать рыболовство, сельское хозяйство, консервную промышленность и т.д. В результате всех этих мер в 2003 г. средняя продолжительность жизни на Сейшелях составляла 72,7 года, уровень грамотности взрослого населения равнялся 91,9%, а ВВП на душу населения (ППС в долларах США) составил 10232 доллара.

Среди стран, занимающих относительно передовые позиции по ИЧР, находятся еще три небольших островных государства: Маврикий (65 место), Кабо-Верде (105 место) и Экваториальная Гвинея (121 место из 177 мест в мире). Эти страны довольно эффективно используют имеющиеся у них возможности социально-экономического развития. В них стабильна политическая обстановка, действует многопартийная система, благодаря островному расположению нет пограничных споров. Можно также отметить довольно низкий уровень коррупции по сравнению с другими африканскими странами.

За последние 20 лет Республика Маврикий развивается весьма быстрыми темпами, предоставляя финансово-банковские услуги через систему оффшора, используя льготы для экспортных культур через Свободную экспортную производственную зону и всемерно поощряя

иностранный туризм. По темпам экономического роста Маврикий приближается к самым динамичным азиатским государствам. Не случайно, по аналогии с «азиатскими тиграми» – Республикой Кореей, Гонконгом, Тайванем – Маврикий все чаще называют «африканским тигром».

Еще одно малое островное государство Республика Кабо-Верде умело использует многочисленную кабовердеанскую диаспору, проживающую более чем в 30 странах (750 тыс. чел. при населении Кабо-Верде в 475,9 тыс. чел.), для экономического развития. Эмигранты инвестируют многие объекты в инфраструктуре Кабо-Верде, эффективно лоббируют интересы своей родины в странах проживания. Международные финансовые учреждения высоко оценивают благоприятный инвестиционный климат в Кабо-Верде, прозрачность использования инвестиций и регулярную отчетность по всем параметрам безвозмездной помощи и кредитов. В результате в Кабо-Верде создана современная инфраструктура, построены десятки предприятий по переработке рыбы и сельскохозяйственной продукции, современные туристические комплексы. Ежегодно число иностранных туристов возрастает на 20–30%, страна становится важным туристическим центром региона.

В первую десятку наиболее развитых в экономическом отношении стран Африки вошла также Республика Экваториальная Гвинея, расположенная на побережье Гвинейского залива и прилегающих островах. Открытие и освоение в 90-е годы XX века нефтяных месторождений и получение значительных доходов от экспорта нефтепродуктов оказало большое влияние на экономику страны и значительно улучшило экономическое положение населения.

Опыт указанных четырех государств свидетельствует, что при умелом использовании благоприятных факторов, при наличии стабильной политической обстановки любые страны могут в короткие сроки достичь значительных экономических результатов.

Разумеется, общий политический вес, авторитет и влияние любого государства определяется не только Индексом человеческого развития, но и численностью населения, размерами территории, географическим положением, экономическими показателями, наличием полезных ископаемых и т.д. По этим параметрам в число десяти самых развитых государств Африки входят страны Средиземноморья – Египет, Алжир, Тунис, Ливия, Марокко. Их общей чертой является сильная центральная власть, довольно стабильная политическая обстановка, соблюдение основных демократических свобод и прав граждан, регулярные выборы органов власти. Крупнейшей страной этого региона, является Египет (119 место по ИЧР), занимающий площадь в 1002,4 кв.м, с населением 75 млн. человек. Самым большим мегаполисом Африки (18 млн.

жителей) является Каир – столица Египта. Страна быстро развивается. Общий ВВП составил в 2003 г. 83,5 млрд. долл., а темпы прироста ВВП в том году были одними из самых высоких – 6,5%. Крупнейшие экономические объекты Египта – высотная Асуанская плотина и Хелуанский металлургический комбинат, ставшие основой для развития многих отраслей промышленности, были построены при содействии Советского Союза.

Второе крупное средиземноморское государство – Алжир (103 место) – стало одним из самых индустриально-развитых на континенте. ВВП страны в 2002 г. составил 52,3 млрд. долл. Средняя продолжительность жизни равнялась в 2003 г. 71,1 года – одна из самых высоких не только в Африке, но и среди всех развивающихся стран. Уровень грамотности среди взрослого населения достиг почти 70%, а ВВП на душу населения (ППС в долларах США) составил 6107 долл. Ведущая отрасль промышленности – нефтегазовая дает 1/3 объема ВВП и более половины доходов госбюджета. Построенный при помощи Советского Союза крупнейший в стране металлургический комплекс в Эль-Хаджаре стал основой металлургической промышленности в стране.

Значительны экономические достижения и других стран Средиземноморья – Ливии (58 место), Туниса (89 место) и Марокко (124 место), обеспечившие им довольно высокий Индекс человеческого развития.

Наряду с указанными выше государствами наиболее развитой в экономическом плане является Южно-Африканская Республика (120 место), входящая в первую десятку стран Африки по Индексу человеческого развития. ВВП ЮАР составил в 2002 г. 182,3 млрд. долл., ВВП на душу населения – 10346 долл. (ППС в долларах США). Средняя продолжительность жизни – 48,4 года, грамотность взрослого населения – 82,4%.

В отличие от десяти африканских стран с относительно высоким Индексом человеческого развития другие государства Африки, находящиеся южнее Сахары, входят в число наиболее отсталых в экономическом отношении и самых бедных в мире. Среди них самое последнее – 177 место – занимает Сьерра Леоне – страна с богатейшими запасами ценных полезных ископаемых (алмазы, золото, платина, хромовые и титановые руды, бокситы и т.д.). В 1961 г. была провозглашена независимость Сьерра Леоне, а в 1967 г. произошел первый военный переворот, положивший начало бесконечным междоусобицам и войнам.

Немногим лучше обстоят дела в Нигере, Буркина-Фасо, Мали, Бурundi, Гвинее-Бисау, Мозамбике, Эфиопии, Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго, – входящих в десятку самых бедных и отсталых стран мира. У этих стран много общего: нестабильная политическая обстановка, непрерывные гражданские

войны, межэтнические противоречия, государственные перевороты, слабая политическая власть, ожесточенная предвыборная борьба, переходящая в вооруженные конфликты, коррумпированные правительства. Некоторые из этих стран (Мозамбик, Эфиопия, Демократическая Республика Конго) богаты полезными ископаемыми, но не используют эти богатства для развития экономики и борьбы с бедностью и нищетой народов своих стран.

Таким образом, анализ Индекса человеческого развития дает возможность выяснить, насколько эффективно используются в различных странах возможности экономического развития, внутренней и внешней политики руководства тех или иных стран, насколько эффективно ведется борьба за повышение благосостояния народов и против бедности.

SUMMARY

Part One contains 13 papers devoted to the African security in historical retrospect (panel 7 of the Conference). These papers cover a wide range of questions belonging to the period from the 18th to 21st centuries.

A. Voevodskiy, E. Gluschenko, V. Gribanova and V. Vigand's papers throw a new light upon the problem: *colonialism and anticolonialism in Africa*. The paper of E. Gluschenko compares the approach to this problem in Soviet and post-Soviet historiography. A. Voevodskiy and V. Gribanova deal with the Christian influence in South Africa in the 19th – 20th centuries and the role of missionary schools in the system of education in this country. V. Vigand's paper assesses the NEPAD role in the context of African security.

Nigusie Kassaye V. Michael, A. Letnev, S. Novikov and M. Frenkel attempt to study the African peoples experience of resistance to the Axis during World War II. The paper of M. Chiniakov analyzes some aspects of both World War I and World War II concerning the use of colonial troops.

As for A. Pegushev, A. Khazanov and A. Antoshin, they present three case studies devoted to the Cold War influence upon Africa. In this connection A. Pegushev deals with the experience of Kenya, A. Khazanov describes that of Mozambique, and finally A. Antoshin regards the North Africa as a whole.

The papers by N. Zerlitsina and V. Khokhlova entirely draw on the archival sources and analyze the historical links between Russia and North Africa in the 18th – 20th centuries.

Part Two of the collection comprises five articles of “all-African meaning” as well as articles on economic and socio-political situations in certain countries of the continent.

L. Geveling believes that a peculiar system of different forms of power organisation in the social development of the postcolonial Tropical Africa has been formed as one of main products of the formation of new public relations. This system appears, firstly, as the subject of the full or partial denial of power's obsolete forms and the seizure of the imported political

institutions; secondly, as the culture's environment for the growth of new methods of the powering.

N. Kosukhin analyses the problem of the power legitimacy in African countries related to the problems, which determine the level of political stability/unstability on the continent. Among these problems there are, specifically, formation of the parliamentarism analysed by L. Sadovskaja, and mass refugee movements, which has become the bane of Africa in the last decades, as O. Gromova shows it. D. Sokolov compares the unitarian and federal models in Tropical Africa.

The specific situations in some African countries are analysed by R. Ismagilova, N. Vinogradova, A. Pozdnjakova, S. Shlenskaja, N. Rodionova, O. Ivanova and N. Rukina. P. Shmelkov shows the place of certain African countries in the Index of the human development.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Часть I

Антошин Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета (Екатеринбург). Автор брошюры «Международные отношения в эпоху «холодной войны»: взгляд российской эмиграции» (2004), а также ряда научных статей. Основные направления научных исследований: история российской эмиграции, история политических партий России, проблема восприятия российскими эмигрантами политического развития Африки в XX в.

Виганд Владимир Кириллович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Соавтор ряда коллективных трудов, автор монографий «Африка. Очерки экономического развития» (2000), «Африка. Национальное богатство и международное перераспределение ресурсов» (2004). Основные направления научных исследований: экономическое развитие Африки и ее место в международном разделении труда.

Воеводский Александр Валентинович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры всеобщей истории Российского Государственного Гуманитарного Университета. Автор статей по истории миссионерского движения и колониальной политики Великобритании в Южной Африке. Основные направления научных исследований: история Южной Африки в колониальный период, история колониальной политики Великобритании в XIX веке.

Глушенко Евгений Александрович – кандидат исторических наук. Автор индивидуальных монографий «Первая республика в Нигерии» (1981), «Строители империи. Портреты российских колониальных деятелей» (2000), «Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей» (2001). Основные направления научных исследований: история, политология стран Африки.

Грибанова Валентина Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Автор монографии «Образование в Южной Африке. От апартеида к демократическим преобразованиям» (2003) и ряда статей по истории развития системы образования в Южной Африке, а также истории Второй мировой войны. Основные направления научных исследований: история и современные проблемы образования в ЮАР.

Жерлицына Наталья Александровна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник института Африки РАН. Соавтор книги «Диалог

цивилизаций. Очерки из истории российско-тунисских отношений в XVIII–XX вв.» (2006). Автор ряда статей по истории Туниса и истории дипломатических отношений двух стран. Основные направления научных исследований: история Туниса, история российско-тунисских отношений XVIII – XX вв.

Летнев Артем Борисович – доктор исторических наук, заведующий Центром исторических, национальных и культурных исследований Института Африки РАН. Автор или соавтор ряда трудов по истории Африканского континента в XX веке и истории российско-африканских связей. Автор «Истории общественной мысли в Западной Африке. 1918 – 1939» (1983). Основные направления научных исследований: история Африки в XX веке, история африканской общественной мысли, Африка и Вторая мировая война.

Ныгусиэ Кассаэ В. Микаэль – кандидат исторических наук, выпускник Российского университета дружбы народов, историко-филологический факультет. Автор более 10 научных статей по истории Эфиопии времен императора Хайле Селассие I и монографии «Император Хайле Селассие I и внешняя политика Эфиопии (1916–1952 гг.)» (2005). Основное направление научных исследований: внешняя политика Эфиопии.

Новиков Сергей Савельевич – сотрудник МИД РФ, кандидат исторических наук. Соавтор книг «История Замбии в новое и новейшее время» (1990), «История Мали в новое и новейшее время» (1994).

Пегушев Андрей Михайлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории и Института Африки РАН. Автор монографий: «Кения. Очерк политической истории (1956 – 1969)». (1972); «Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке». (1991) (в соавт. С Туполевым Б.М.) и ряда статей. Основные направления научных исследований: история британской и германской колониальных империй, колониальная история стран Восточной Африки, история Кении, историография колониализма и национально-освободительных движений в Тропической Африке.

Френкель Матвей Юльевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Публикации последних лет: «История Сьерра-Леоне в новое и новейшее время» (1994, в соавторстве); «Вторая мировая война: глобальная стратегия и Африка» (1995); «История Либерии в новое и новейшее время» (1999); «История Нигерии в лицах (первые идеологии национализма» (2004). Основные направления научных исследований: история Африки, включая историю общественной мысли и идеологии, формирование новой элиты.

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заведующий Отделом комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН. Автор монографий: «Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVII – XVIII века)» (1976); «Крушение последней колониальной империи» (1985); «История Анголы в новое и новейшее время» (1999); «Тайна Васко да Гама» (2000), «Португалия и мусульманский мир XV – XVI вв.» (2003). Основные направления научных исследований: история колониализма и современных международных отношений в Африке и Азии.

Хохлова Валентина Павловна – старший научный сотрудник Института Африки РАН. Историк, архивист, библиограф, публикатор и комментатор архивных документов. Составитель и участник издания сборников по истории российской диаспоры в Африке (2001, 2002). Автор ряда библиографических материалов по истории межвоенной Африки и статей об участии российских эмигрантов в боях на африканском театре Второй мировой войны. Основные направления научных исследований: изучение исторических связей России с Африкой, в частности, российской диаспоры в странах Африки в XX в.

Чиняков Максим Константинович — старший преподаватель кафедры истории факультета социологии, экономики и права Московского государственного педагогического ун-та им. В.И. Ленина. Основное направление научных исследований: военная история Франции XVIII – XIX вв.

Часть II

Гевелинг Леонид Владимирович – доктор политических наук, проректор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета. Основные направления научных исследований: политические процессы, деструктивные формы властевования в обществах переходного типа.

Косухин Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Основные направления научных исследований: проблемы политической модернизации, идеальные течения, общественные организации в Африке.

Садовская Любовь Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Основные направления научных исследований: политическая культура африканского общества, эволюция парламентаризма в Африке.

Громова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Основные направления исследований:

миграционные процессы, эволюция социальных структур, социальные аспекты экологического кризиса в Африке

Соколов Дмитрий Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Социально-политическая проблематика стран субсахарской Африки.

Исмагилова Роза Нургалиевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Африки РАН. Социокультурная и этнополитическая проблематика стран Африки.

Шмельков Павел Михайлович – старший научный сотрудник Института Африки РАН. Основное направление исследовательской работы: проблемы социально-экономического и политического развития Кабо Верде и других стран Западной Африки.

Виноградова Наталья Витальевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Основное направление исследовательской работы: экономические и социально-политические проблемы Конго, Чада, ЦАР.

Позднякова Ариадна Петровна – старший научный сотрудник Института Африки РАН. Проблематика экономического и социально-политического развития Уганды, Малави, Сан-Томе и Принсипи.

Шленская Светлана Михайловна – научный сотрудник Института Африки РАН. Экономические и социально-политические проблемы Мадагаскара и Танзании.

Родионова Наталья Николаевна – младший научный сотрудник Института Африки РАН. Политическая культура, вопросы демократизации на Мадагаскаре.

Иванова Ольга Яковлевна – младший научный сотрудник Института Африки РАН. Экономические и социально-политические проблемы островных государств Индийского океана.

Рукина Нина Матвеевна – научный сотрудник Института Африки РАН. Экономические и социально-политические проблемы Буркина Фасо и Гвинеи.

Научное издание

**Нестабильность в Африке: уроки прошлого
и современные процессы**

*Утверждено к печати
Институтом Африки РАН*

Зав. РИО *Н.А. Ксенофонтова*

Редактор *Т.Е. Позина*

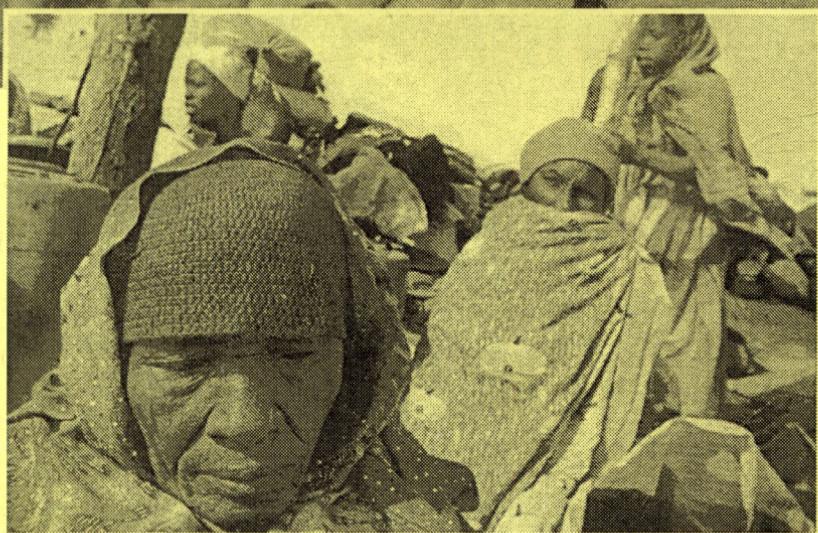
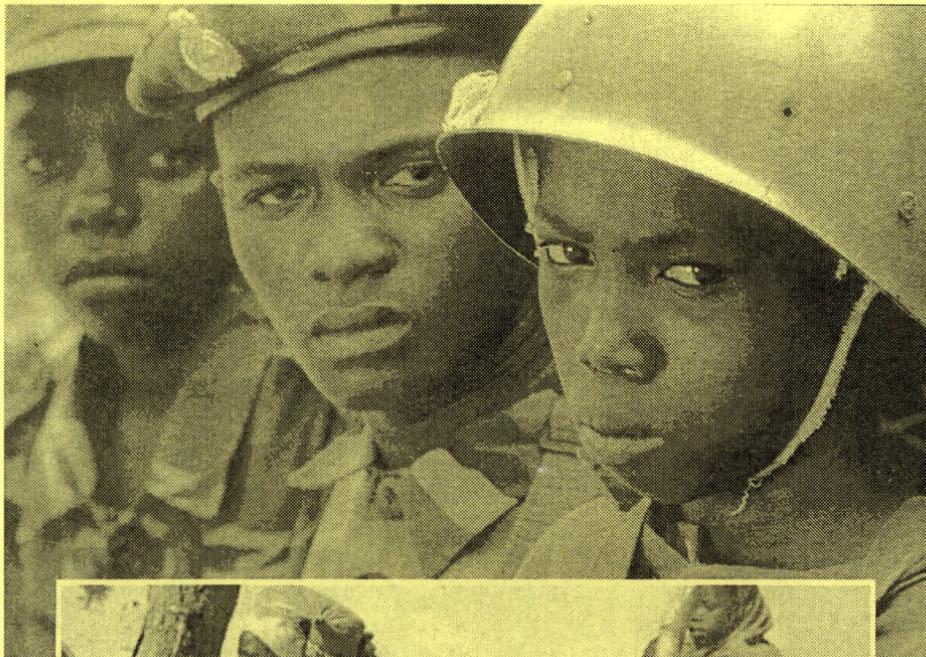
Компьютерная верстка и дизайн *Г.М. Абшиевой*

Подписано к печати 15.12.06 Объем 17,6 п.л.

Тираж 250 экз.

Заказ № 27

Отпечатано в ПМЛ Института Африки РАН
123001, ул. Спиридоновка, 30/1

ISBN 5-91298-001-4 (978-5-91298-001-5)